

**ПУШКИН
У НАС—
НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ
М. ГОРЬКИЙ**

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 0 ФЕВРАЛЬ 1987

**Д. С. ЛИХАЧЕВ:
В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ**

**АННА АХМАТОВА
О ПУШКИНЕ**

ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 6 (3107)

7 ФЕВРАЛЯ —

14 ФЕВРАЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
А. М. Опекушин. Пушкин. 1870-е годы.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Место дуэли А. С. Пушкина.

Фото С. САФОНОВОЙ

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международной — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.01.87. Подписано к печати 03.02.87. А 00316. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 364. Заказ № 4323.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

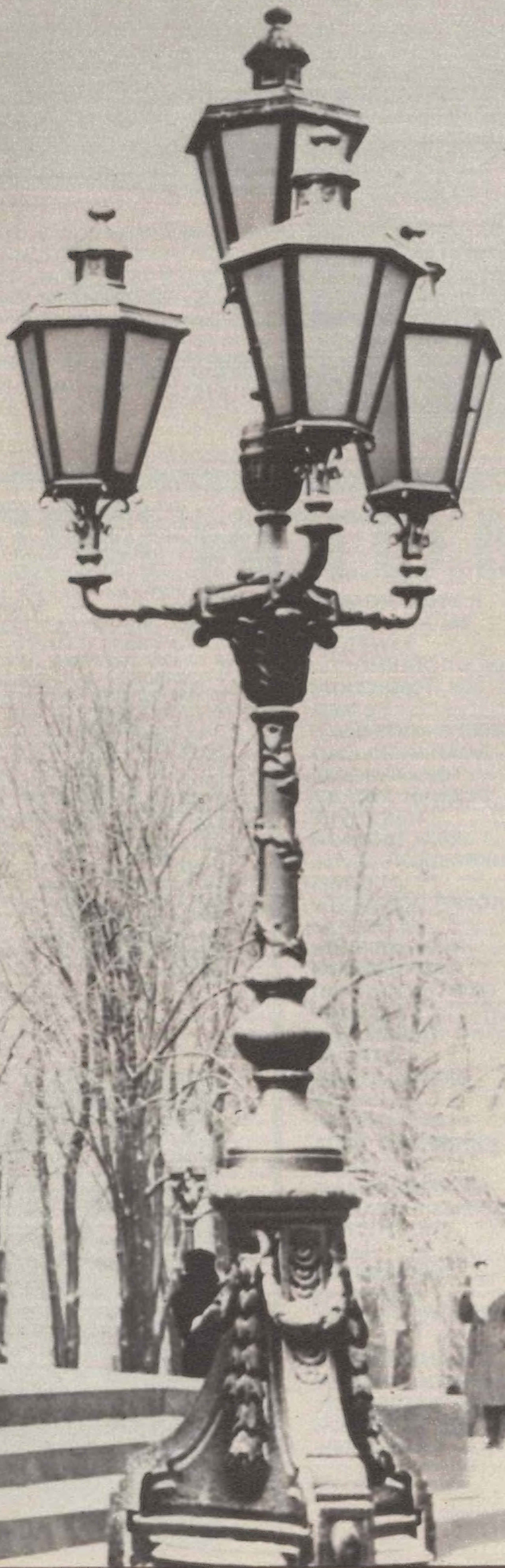
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
ГИБЕЛИ
А. С. ПУШКИНА

ДОРОГИЕ
ЧИТАТЕЛИ!
ВОТ УЖЕ
ПОЛТОРА
СТОЛЕТИЯ
МИНУЛО
С ТОГО
ДНЯ,
КАК
НЕ СТАЛО
СРЕДИ
ЖИВЫХ
АЛЕКСАНДРА
СЕРГЕЕВИЧА
ПУШКИНА,
ВЕЛИЧАЙШЕГО
ИЗ
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ.
НО
В ТОМ,
ЧТО
СЕГОДНЯ
МЫ
ИМЕННО
ТАКОВЫ,
И В ТОМ,
ЧТО
ЖИЗНЬ
НАША
УСТРОЕНА,
КАК
СЕГОДНЯ,
РОЛЬ
ЕГО
ОГРОМНА.

СЫН ОТЕЧЕСТВА

Пушкинские уроки достоинства, патриотизма, любви формировали нас с детства, учили видеть окружающий мир и понимать его, ощущать связь времен и не уродовать свою душу угодничеством. Ответственность перед народом и его судьбой, умение называть вещи своими именами — давайте же чаще задумываться о том, сколь обязаны мы этими своими качествами родной литературе и лично Пушкину — человеку, чья судьба и творчество выросли в сердцевину нашей словесности.

Да только ли словесности! Ведь то, что равнение на правду, причастность к правде являются определителем уровня не одной лишь культурной — всей жизни, — он утверждал бесстрашно и повседневно. Даже собственные ошибки развенчивал с поучительным бесстрашием гения, рано понявшего причастность собственной репутации к всенародной. Он гениально писал, но он и читал гениально, умножая личную писательскую ответственность — ответственность за литературу, требуя того же от своих современников и потомков.

Нет больших трагедий для человека и для народа, чем когда разрывается связь времен и мы разучиваемся соприкасаться мыслью с предками, с современниками и с идущими следом. Пушкин навсегда стал одним из самых соединяющих имен нашей культуры; он, как никто другой, соединен и с собственным временем, и со всевременностью, сращивая историю Родины, историю души и множество судеб, объединяя нас убедительно и надежно.

Сколь же поучительна пушкинская любовь к Отечеству, сколь действенна и достойна она! Он никогда не прятался от самых сложных вопросов, не отворачивал лица от врагов — пушкинские уроки мужества необходимы нам сегодня, в том числе мужества признавать собственную слабость, если достало силы подняться до осознания ее.

Он терпеть не мог патриотизма квасного, кликушествоющего, истеричного, когда, непрерывно декларируя любовь к Родине, из деклараций этих пытаются выстроить уютный уголок для себя лично, когда мысли о народе и его судьбе напрочь стерты напряженным думанием о собственной выгоде. Пушкин навсегда остался врагом всякого рода спекуляций на идеях, недвусмысленным врагом провинциализма, понимая, насколько необходимым для судьбы собственной культуры является усвоение богатств, созданных человечеством, насколько губительны изоляционизм, одиночество, в которых задыхаются и целые народы, и люди.

Связь времен...

Давайте же, дорогие читатели, больше говорить и думать об этом, потому что, увлекаясь иногда периодизациями, мы рубим на части собственную историческую судьбу, с трудом соединяя впоследствии кровоточащие отрезки. Пушкин — один из Соединителей, он из тех, кто делает нас народом и возвышает нас как народ. Его любовь действенна. Нет в Пушкине того согладательского злобного пафоса, которым обозначали

собственное отношение к народу иные из его современников и представителей поколения грядущих. Он сама нескрываемая боль и радость, он мог позволять себе высокую роскошь откровенности, до сегодня делая нас соучастниками своих восторгов и мук. Пушкинская активность, пушкинское достоинство — и в его уходе, в нежелании терпеть унижение, оставлять обиду, обретшую характер далеко не только лишь личный, неотомщенной.

Все здесь значительно, и все не переносит упрощений.

В Пушкина стрелял и убил его иностранец. В первого из пушкинских духовных наследников, Лермонтова, стрелял и убил его русский офицер. Конфликты, обрывающие жизнь гениев, всегда неординарны, чаще всего это спор не вокруг одной, а вокруг многих судеб, борьба за чистоту имени человека, но и народа. Как важно, чтобы нация, народ умели воспитывать людей достойных и гордых, для которых унижение страшнее смерти! Александр Сергеевич Пушкин был именно таким достойным сыном Отечества.

Любые высокопарные слова о любви к народу, любые тирады о любви к ближнему, если они не сопряжены с действием, кощунственны и пусты. Пушкин был человеком действия; делая ударение и на этом его уроке, необходимо подчеркнуть его непреходящесть.

Ликование и поучительность пушкинской любви вечны. Это любовь к Родине, любовь к матери, к женщине, к родному слову, родной истории... Как он умел любить! Взлелеянный простой русской, он и ее увел в бессмертие, великую няню, первую свою учительницу словесности, фантазии, первый свой взгляд на мир...

Сколько же сделал для нас Пушкин за недолгую свою жизнь!

Он был и остается гениальным поэтом. Он подарил нам великую прозу, мостами утвердившуюся над рекой времени. Он был и остается политическим писателем. Он драматург, каких у нас до него не было, да и после него... Он критик. Он историк. Он детский писатель, установивший несокрушимую связь со столькими поколениями соотечественников. Написанное Пушкиным не только утверждало великую нашу национальную общность, но и прочертило пути, на которых эта общность может развиваться успешно и плодотворно. Уважение к собственному, но и уважение к другим народам — вот пушкинский завет, презирающий шовинизм, указующий стратегическое направление национальной судьбы. Вовсе не случайно, что с пушкинскими стихами и прозой воспитаны и Ленин, и его соратники-интернационалисты, в революционном горниле создававшие нашу страну, первым словом в имени которой стоит Союз. Символична в этом году встреча двух памятных дат — Пушкина и Октября.

Связь времен. Связь людей. Союз.

Все эпохи возрождения, случавшиеся в нашей судьбе за те самые полтора столетия, о которых сейчас думаем и говорим, происходили при участии Пушкина. Без устремленности к добру и красоте ни один из идеалов, нам обещанных, нами вымечтанных, нами достигаемых, не обладал бы такой притягательной силой. Пуш-

кин давал надежду и тогда, когда, казалось, ее не было вовсе, но именно пушкинское участие в любой из наших радостей очевидно. Страшный, нечеловеческий нацистский режим, развязавший вторую мировую войну, начинал с того, что жег книги Пушкина на одних кострах с произведениями других великих детей человечества. И, наверное, не случайно, что выставка спасенных от фашизма сокровищ мирового искусства проходила после Победы в московском музее имени Пушкина. Великий наш гений остается символом бессмертия человеческих стремлений к свободе и совершенству. Поверх его имени и судьбы взойшло, светит солнце, то самое, здравяцы в честь которого провозглашал он; то самое, угроза которому сегодня столь реальна, — и мы вновь вспоминаем Пушкина, стремясь одолеть ее.

Дорогие читатели, в который уже раз «Огонек» возвращается к мыслям о Пушкине. Сегодня, в столетие его гибели, можно и следует помнить, что он пал и за нашу свободу, и за наше доброе имя, и за нашу надежду. Искупительная пушкинская судьба метафорична — она навсегда остается символом непримиримости правды и лжи, добра и зла в народной доле. Он был и остается нашим другом, но и другом всего человечества — пушкинский юбилей всемирно.

Долговечно, к сожалению, и зло, убившее Пушкина. Пока что долговечно. Пуля, сразившая русского ге-

ния, рассекает воздух истории, пронизывая новые и новые сердца, уверенно находя их. Высок и славен гений России, но и клеветники России, которых он ненавидел, не ушли в небытие под напором пушкинских инвектив. Он, как любой великий поэт, стремился уничтожить первопричину вражды и страданий; он понимал, что быть честным, быть интеллигентом, сознающим собственный долг, не просто. Тем поучительнее последовательность, с которой Пушкин свой долг выполнял. Потомок раба, он стал одним из самых свободных детей человечества.

Каждый из нас сегодня вдохновляем личной ответственностью за общее дело — и в этом мы единомысленны с Пушкиным: сколькому он учил нас!

Человеку необходима масштабность ко времени, соизмеримость с историей. Мы обретаем их, не просто судя о Пушкине по себе, а о себе по Пушкину. Реально, действительно, четко связанный со своей эпохой, он столь же реален в нашей. Он умел создавать прекрасное, а не пышное; умел радоваться от души; умел любить; был храбр. Какое счастье, что был у нас с вами Пушкин, удивительный человек на все времена, бессмертный мудрец, который вовсе не так прост, как иным кажется. Будем же стремиться к нему, не уставая удивляться ему и радоваться; будем же искать его дружбы; будем же на уровне его надежды на нас, любви к нам и веры в нас!

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

БЫТЬ ХОЗЯЙКОЙ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

СОЗДАНИЕ ШИРОКОЙ СЕТИ ЖЕНСОВЕТОВ, ИХ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ЕДИНУЮ СИСТЕМУ ВО ГЛАВЕ С КОМИТЕТОМ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН — ЭТО ВАЖНЫЙ ШАГ ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НАРОДА.

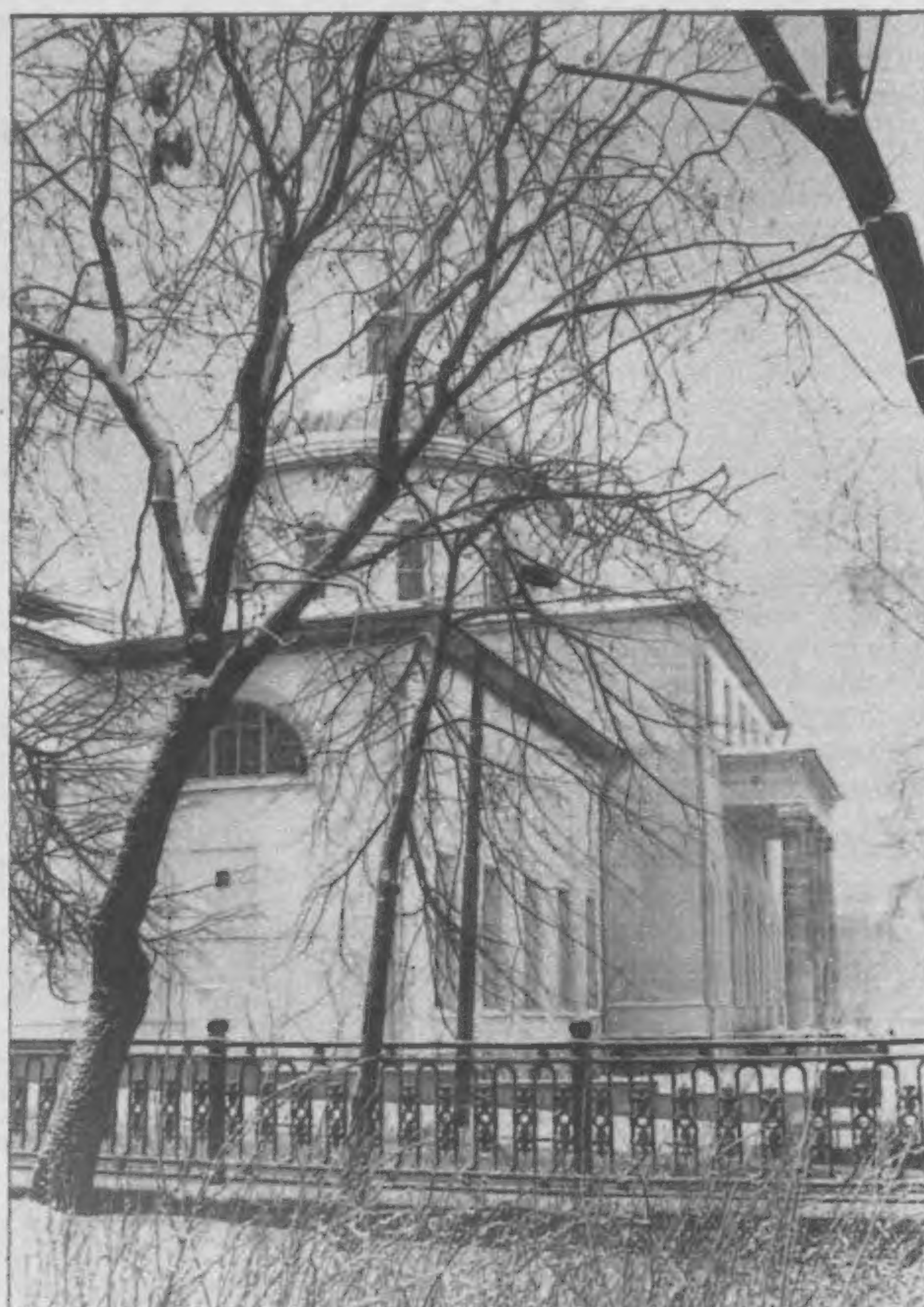
(ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ ЦК КПСС УЧАСТНИЦАМ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЖЕНЩИН)

ЗАДАЧИ ЖЕНСОВЕТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ОБСУДИЛИ ДЕЛЕГАТКИ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЖЕНЩИН, СОСТОЯВШЕЙСЯ 30 ЯНВАРЯ В МОСКВЕ, В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ. В НЕЙ ПРИНЯЛО УЧАСТИЕ БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ РЕСПУБЛИК, ОБЛАСТЕЙ, КРАЕВ.

СОСТОЯЛИСЬ ВЫБОРЫ НОВОГО СОСТАВА КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН. ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОМИТЕТА ИЗБРАНА З. П. ПУХОВА.

Дом-музей
А. С. Пушкина
на Арбате.

Церковь
Большого
Вознесения,
где венчался
А. С. Пушкин.

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

**В ЭТОМ НОМЕРЕ
ВЫ НАВЕРНЯКА
ЗАМЕТИТЕ
ОДНУ ОСОБЕННОСТЬ:
МЫ ПОМЕСТИЛИ
В НЕМ
МНОГО ИНТЕРВЬЮ.
ДОВЕРИТЕЛЬНУЮ
ТОНАЛЬНОСТЬ
ЗАДАЛИ БЕСЕДЫ
НАКАНУНЕ
ТОРЖЕСТВЕННОЙ
ПУШКИНСКОЙ ДАТЫ.**

**А ЗАТЕМ
КОРРЕСПОНДЕНТЫ
«ОГОНЬКА»
ПРОДОЛЖИЛИ
ОТКРОВЕННЫЙ
ОБОЮДООСТРЫЙ
РАЗГОВОР
ПО ПРОБЛЕМАМ
ОХРАНЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ,
ПОСТАНОВКИ
КНИЖНОГО ДЕЛА
В СТРАНЕ,
ПРОБЛЕМАМ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО
ИСКУССТВА.
НАШИ
СОБЕСЕДНИКИ
ВЕЛИ РЕЧЬ
ОТКРЫТО, ЧЕСТНО,
В ДУХЕ
СТАНОВЯЩЕЙСЯ
ЗНАМЕНИЕМ ВРЕМЕНИ
ТРЕБОВАТЕЛЬНОЙ,
ОТВЕТСТВЕННОЙ
ГЛАСНОСТИ.**

**В ПЕРЕСТРОЙКЕ, КОТОРАЯ
РАЗВРАЧИВАЕТСЯ ПО ВСЕМУ
ФРОНТУ НАРОДНОГО ХОЗЯЙ-
СТВА И ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА,
ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТВОДИТ-
СЯ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ. НА ЭТО НАЦЕЛИЛИ
ВСЕХ НАРОД И РЕШЕНИЯ
XXVII СЪЕЗДА ПАРТИИ. ЕСТЬ
В СОЮЗЕ РЕГИОНЫ, ОСОБЕННО
УЯЗВИМЫЕ В ЭКОЛОГИЧЕ-
СКОМ ПЛАНЕ, И, В ЧАСТНО-
СТИ, УКРАИНА С ЕЕ МОГУ-
ЧИМ ИНДУСТРИАЛЬНО-АГРАР-
НЫМ КОМПЛЕКСОМ И ВЫСО-
КОЙ ПЛОТНОСТЬЮ НАСЕЛЕ-
НИЯ. НАУЧНЫЙ СОВЕТ АН
УССР ПО ПРОБЛЕМАМ БИОСФЕ-
РЫ ПРОВЕЛ НЕДАВНО ВЫЕЗД-
НОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ДНЕПРО-
ПЕТРОВСКЕ. НАШ КОРРЕСПОН-
ДЕНТ С. КАЛИНИЧЕВ, КОТО-
РЫЙ ПРИСУТСТВОВАЛ НА ЗА-
СЕДАНИИ, ВЕДЕТ БЕСЕДУ С
ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЭТОГО СОВЕ-
ТА, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ АКА-
ДЕМИИ НАУК УССР К. М. СЫТ-
НИКОМ.**

Делегатки конференции из Мурманской области — зоотехник Д. М. Хомюк, секретарь облисполкома М. М. Молодцова, ветеран войны и труда Е. П. Дорофеева, мастер треста «Апатитстрой» Т. Н. Игнатенко.
Фото ТАСС

ДЛЯ КОГО МЫ СТАРАЕМСЯ?

— Константин Мернурьевич, почему именно Днепропетровск? Что повлияло на выбор места для проведения такого заседания?

— Потому что в Донецке, Ивано-Франковске, Ровно мы уже проводили подобную работу... Но есть и особые причины: здесь и неподалеку сосредоточены гиганты тяжелой индустрии, составляющие основу нашей экономики. К сожалению, на сегодняшний день они же — главные загрязнители природы. Например, только в Днепропетровской области в течение года в воздух выбрасывается больше двух с половиной миллионов тонн вредных выбросов. В самом областном центре ежедневно в воздух вылетает тысяча тонн промышленных отходов. В Днепродзержинске загазованность воздуха в различных точках города порой многократно превышает предельно допустимую концентрацию (ПДК).

Еще сложнее положение с водой. Предприятия Днепропетровской, Запорожской и Кировоградской областей ежегодно сбрасывают в Днепр сточные воды в больших объемах.

Более половины всех вредных выбросов, которые загрязняют атмосферу, реки, выводят из строя пахотные земли, дают предприятия республиканского Минчермета. А это министерство находится в Днепропетровске, и его представители, как вы могли убедиться, принимали участие в работе нашего совета.

— Да, я внимательно слушал все выступления. Многие из приведенных тут фактов просто поражают. Каждое второе сообщение могло бы стать газетной сенсацией, «гвоздем номера», как говорят. Но по собственному опыту знаю, что специалисты не спешат делиться этими сведениями с прессой. Почему, например, канал Днепр — Донбасс вывел из строя в пять раз больше пахотных земель, чем первоначально планировалось? Почему министерства выделяют на охрану окружающей среды столь мизерные средства? И почему даже столь небольшие суммы по той же Днепропетровской области за десять месяцев 1986 года освоены лишь на тридцать процентов? Кого мы боимся? Мне кажется, что

чем невыгоднее для нас какой-то факт, какая-то обобщающая цифра, тем настойчивее надо говорить о ней в прессе — от заводской многотиражки до центральных изданий.

— У меня на этот счет несколько иное мнение. Конечно, обнародовать зло — уже наполовину обезвредить его. Но хотелось бы меньше крику, больше дела. Когда в селе пожар или другая беда, то один бьет в набат, а остальные принимаются за дело. Но представьте себе, что загорелась хата, ведро воды поднести некому, зато на колокольню — очередь. Каждый хочет ударить, и как можно громче... Сейчас больше нужны дела, чем слова.

— Трудно не согласиться с вами. И все же моя профессия не позволяет считать, что с гласностью уже все в порядке и расширять ее нет необходимости.

— Конечно, к широкой, без каких-либо «корректировок», гласности мы еще не привыкли. И это на различных уровнях. Только в бытине Илья Муромец тридцать лет и три года сиднем сидел, а потом с ходу стал совершать богатырские подвиги. На деле все куда сложнее. Чтобы освоиться с таким важным фактором общественной жизни, как широкая гласность, чтобы она стала естественной, привычной атмосферой для каждого, необходимо время. И все же я убежден, что говорить о каком-то негативном явлении просто так, просто для того, чтобы поразить воображение читающей публики, — занятие не из лучших. Надо в каждом конкретном случае докапываться до причин, называть конкретных виновников. Во всяком случае, в деле охраны природы лучше тщательно, предметно разобраться в одном, пусть небольшом, деле, чем шуметь «вообще» о глобальных проблемах.

— Но ведь можно и о глобальных, но не «вообще», а конкретно!

— Можно, только это уже будет совсем иной разговор — об ответст-

венности каждого. Надо воспитать в себе убеждение, что только твое личное участие поможет сохранить воздух чистым, воду — сладкой, землю — зеленой. Это бесспорно. Никакие решения, никакие миллиарды рублей освоенных средств не могут сделать того, что можем сделать мы все. Если каждый из нас, пользуясь водой, не прольет лишнего, выключит ненужный электроприбор, не выкинет кусок хлеба или старую газету — это даст не меньше, чем некоторые трудоемкие «мероприятия». Слова «сохранять природу» следует понимать в самом их простом, первоначальном смысле, то есть не расходовать лишнего. Сегодня у нас удельный расход воды на единицу национального дохода в три-четыре раза выше, чем в высокоразвитых капиталистических странах. Представляете? Если водами Днепра ныне пользуются 35 миллионов человек и этой воды не хватает, то при постижении уже освоенного за рубежом опыта — массового, повседневного — ею могли бы пользоваться сто миллионов, и еще бы остался резерв.

Подобных «фактов для размышления» вполне достаточно и у нас дома. Скажем, в том же Приднепровье одни заводы расходуют 180 кубометров воды на выплавку каждой тонны стали, а другие — 250 кубометров. (В иных регионах этот показатель колеблется от 140 до 400 «кубов»!)

Возьмем другой пример. На Украине за последние десятилетия исчезли тысячи малых рек, половина всех пахотных земель подвержена эрозии. И тут виной не только глобальные проекты, но и равнодушие, и экологическая безграмотность рядовых исполнителей. Двести — триста лет надо трудиться природе, чтобы создать один сантиметр черноземного слоя. А какой-то бригадир или тракторист, перепахав склон до самого берега, за несколько часов погубил тысячулетный труд природы, а заодно и при-

ложил руку к тому, чтобы стереть с лица земли речку.

— Значит, вы полагаете, что задача № 1 в деле сохранения природы — это воспитание чувства ответственности в каждом из нас?

— Разумеется... Но одних чувств недостаточно, нужны знания, четкое понимание того, что в мире все взаимосвязано. Организм природы на нашей планете един. Нельзя навести чистоту в одном месте за счет того, что выбрасывать мусор где попало в другом. Целый век, а возможно, что и больше, борьба с загрязнениями сводилась к разбавлению и рассеиванию отходов.

В последние, даже в самые последние десятилетия верх взяла прямо противоположная тенденция: не разбрасывать отходы как можно шире, не разбавлять их до более низкой концентрации, а, наоборот, улавливать. Появились всевозможные фильтры, отстойники, «хвостохранилища», стали разрабатываться хитроумные способы захоронения. Но и это направление тупиковое, оно оправдано лишь как временная мера. А кардинальное решение проблемы — безотходные технологии. Потому что у природы отходов нет! И веществ однозначно вредных, ненужных нет. Есть сырье, которое находится не там, где в нем нужда, или оно не в том виде, в котором нам надо.

Приведу такой пример. Предприятия Минчермета Украины ежегодно поднимают из земли четыреста миллионов кубометров вскрышных пород. (Черноземное Криворожье ныне напоминает лунный пейзаж, только еще и задымленный.) И лишь семь-восемь процентов вскрышной массы используется для нужд народного хозяйства. А ведь это и различные сорта глин, и редкие минералы, вплоть до ювелирных камней. Щебенка и гравий, получаемые из вскрышных пород, обходятся намного дешевле, часто даже вдвое дешевле, чем получаемые в мелких ка-

рьерах Минстройматериалов. Но там иное ведомство, которому свой перерасход дороже «чужой» выгоды.

Есть сколько угодно фактов, лежащих и по одну сторону ведомственного забора. Приднепровский регион дает 80 процентов общесоюзной добычи марганца. Причем, каждая четвертая тонна его уходит в отходы при производстве концентрата и еще столько же — при переплавке. В результате мы затрачиваем массу энергии, труда, привлекаем тяжелые машины и механизмы, наносим раны земле, чтобы извлечь марганца вдвое больше, чем затем получим в чистом виде.

Не лучшим образом используем мы и железную руду, а ее в Приднепровье добывается около ста миллионов тонн ежегодно. Железо из нее извлекаем, хотя еще и не тот процент, который хотелось бы, а все остальное пропадает. В том же «остальном» — медь, ванадий, золото и т. п. Нередко стоимость этих элементов в отходах соизмерима со стоимостью основной руды.

Многие подразделения Академии наук СССР глубоко исследуют вопросы экологии. В свое время мы в Президиуме Академии подготовили и разослали соответствующим ведомствам перечень 235 природоохранных разработок, которые могут быть внедрены в народное хозяйство уже в нынешней пятилетке. Однако, образно говоря, сигналов обратной связи пока не чувствуем...

Чтобы не утруждать наших коллег из министерств чтением всего перечня, мы, кроме того, подготовили и направили им сорок паспортов на наиболее весомые разработки, которые уже прошли опытно-промышленную проверку и делом доказали свою жизнеспособность и полезность. К сожалению, эффект от этого мероприятия практически тот же.

Поднявшись выше амбиций, которые напрашиваются в данном случае, Академия наук нашей республики делает следующий шаг: мы устраиваем встречи представителей науки и крупных предприятий, чтобы на месте выяснить все сложности и трудности, которые возникают на пути освоения наших разработок, и устранить их. Ведь сейчас начинается коренная реконструкция предприятий, и мы полагаем, что главной задачей при этом должно быть комплексное использование сырья и материально-технических ресурсов. Если эту задачу решим максимально, значит, сведем на нет отходы производства. Иными словами, оздоровим окружающую природу. Лучше отходы не производить вообще, чем изощряться в их улавливании и захоронении.

Огромным резервом для оздоровления природной среды является более широкое использование вторичного сырья. У нас этот показатель один из самых низких в мире. А ведь переработка металлолома, стеклобоя, отходов пластмассы, бумаги и т. п. — это даже при существующем техническом уровне — практически безотходная технология.

— Мне один металлург признавался: когда видит брошенную бутылку из-под пива, поднять которую не каждый нагнется, то вспоминает, что килограмм с такими трудами добытой стали по цене вдвое дешевле. Такое несоответствие в ценах он считает неэкономическим.

— Многие цены на сырье и материалы недостаточно обоснованы, принимались давно, и уже назрела необходимость пересмотреть их, привести в соответствие с экономическими реалиями.

— Константин Меркурьевич, наряду с реконструкцией предприятий идет процесс перевода их на самофинансирование и самоокупаемость. И уже на нынешнем заседании приводилось немало примеров, когда в планах обновления вначале намечается ввод производственных, а во вторую очередь — природоохранных объектов. Больше

того, — вы это тоже слышали — один из выступавших сказал: «С нового года ее величество прибыль убьет окружающую среду».

— Я настроен не столь пессимистично. Устойчивую прибыль можно получать при разумном хозяйствовании. Возьмем Днепродзержинск... Я, почему столь часто обращаюсь к примеру этого города — здесь сосредоточен целый комплекс тяжелейших для природы гигантов. Наша Академия наук заключила договор о научно-техническом сотрудничестве с городскими организациями Днепродзержинска. Плодом такого сотрудничества уже в минувшей пятилетке стало снижение вредных выбросов в атмосферу на 11, а загрязненных сточных вод в Днепр — на 20 процентов. При этом выпуск промышленной продукции продолжал расти.

Подсчитано, что загрязнение природной среды в этом городе ежегодно приносит несколько десятков миллионов рублей убытков. Значит, если предприятия начнут по-настоящему заботиться о прибылях, они эту цифру учтут.

Там на заводе имени Дзержинского построен конверторный цех и при нем кислородная станция. Она забирает атмосферный воздух, отделяет от него кислород, а оставшиеся азот и другие газы (прошу извинения, но более точного слова и не придумаешь) пуляет в атмосферу. Неподдалеку расположено объединение «Азот». Там атмосферный воздух разделяют, забирают азот, а оставшийся кислород пуляют в атмосферу.

Можно проложить трубопровод через Волгу, через Карпаты, даже через пролив Лаперуза, но только не через ведомственный барьер. Надеюсь, что забота о прибылях, самофинансирование помогут наконец-то предприятиям протянуть друг другу... трубы.

Конечно, если приводить хозяйственную практику в соответствие с экономическими законами, то необходимо, на мой взгляд, ввести плату за пользование землей, водой, богатствами недр... Тогда появится истинная заинтересованность в том, чтобы из меньшего количества сырья и природных ресурсов получить как можно больше готовой продукции. Вырученные таким образом средства можно было бы использовать на природоохранные мероприятия или на доплату тем, кто шире применяет вторичное сырье.

— Из европейской части страны мы продаем в некоторые страны СЭВ электроэнергию — «чистый» продукт. Производство же его, не всегда «чистое», продолжаем расширять в густонаселенных районах страны. Бывшее Минэнерго, например, планировало построить только на Украине десятки атомных реакторов-миллионников и нередко поблизости от густонаселенных районов. Располагает ли республиканская Академия наук своевременной информацией о такого рода проектах и в какой степени может влиять на принятие окончательных решений?

— В свое время мы категорически возражали против строительства атомной электростанции впритык к городской черте Киева. Максимум, что нам удалось, — отодвинуть ее от столицы республики подальше... Необходимую информацию по крупномасштабным проектам мы, конечно, имеем, свое мнение, подкрепленное научными данными, высказываем.

Правда, любое обсуждение уже подразумевает возможность неоднозначных решений. Нас озадачивает, и довольно серьезно, когда ученых знакомят с проектом, на котором уже практически «собраны все подписи». Или — что одно и то же — мы обсуждаем целесообразность проекта, прорабатываем возможные варианты, добываем недостающие данные, а хозяйственники в это же самое время уже ведут строительство, тяжелая техника, направленная на «покорение» природы, набирает обороты...

— Вы можете привести конкретный пример?

— Увы, снова Днепр! Академия наук СССР неоднократно рассматривала проект отлучения Днепра от Черного моря и продолжает исследование этого вопроса.

Если посмотреть на карту, то низовья Днепра представляют собой большой залив, в который впадает и Южный Буг, — это Днепропровский лиман. Он всегда был пресноводным и снабжал водой довольно обширную территорию. Но в последние годы воды этих рек разбирают на хозяйственные нужды еще «по пути», так что сток их в лиман значительно упал, в результате началось наступление моря. Соленость воды в лимане значительно возросла.

Выход из положения был найден тут же. Если море засоляет лиман, запереть море! Появился план строительства гигантской плотины в районе Очакова, который с завидной быстротой и готовностью был поддержан Минводхозом СССР. Началось строительство! Но окончательного научного обоснования еще нет.

А ведь есть еще один, наиболее важный вопрос. В Днепр ежегодно сбрасывается непомерно огромное количество только неочищенных стоков. На некоторых наблюдательных створах содержание в воде аммонийного азота, фенолов, органических веществ, ионов меди, хрома выше предельно допустимых концентраций. Южный Буг сильно загрязнен нефтепродуктами и органическими веществами. Если все эти воды остановят свое пусть даже не столь быстрое течение, то отгороженный от моря Днепропровский лиман может превратиться в зловонную лужу.

Но строители и тут не растерялись. Институт ВНИИВО Минводхоза СССР предложил целый комплекс водоохранных мероприятий. Мы, мол, будем строить плотину и — одновременно — оздоравливать воды. Но весь фокус (иначе и не назовешь) в том, что водоохранные мероприятия не выполняются, сроки их осуществления переносятся на более отдаленное время, зато плацдарм для наступления на лиман готовится полным ходом.

Я и мои коллеги отнюдь не кабинетные ученые, оторванные от жизни, которые не понимают насущных требований экономики. И если более весомыми окажутся доводы, что надо превратить лиман в озеро, следует делать это грамотно! Вначале пусть строители-мелиораторы вместе с министерствами-«загрязнителями» бросят все свои нерастроченные силы на выполнение всех водоохранных мероприятий. И когда воды рек во всех контрольных точках войдут хотя бы в предельно допустимые нормы загрязнения, можно будет начинать строить плотину.

И еще одна возможность вполне реальна: если очистить воды рек (а сделать это можно путем уменьшения вредных сбросов, строительством замкнутых систем, внедрением менее водоемких технологий), то необходимость в возведении гигантской дамбы, возможно, отпадет сама по себе. Не исключено, что министерство придет к выводу: проект отлучения Днепра от моря — типичный рецидив экстенсивных методов развития, безалаберной гигантомании.

В заключение хочу сказать, что я оптимист. На знамени нашего общества написано: «Все для человека, все во имя человека». Значит, для кого мы стараемся? Для себя же, для своих детей и внуков. Но будет ли человек более счастливым, если займет большую квартиру, автомобиль, свой компьютер, ковры и хрусталь — все, кроме... здоровья? А природа — это главный компонент, формирующий наше здоровье. Мы можем даже не замечать ее, но только до тех пор, пока с нею все в порядке...

ОЛЯ,

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Редакция
журнала «Огонек»
в целях поощрения
хозрасчетных инициатив
МНТК
«Микрохирургия глаза»
установила
годовые премии
для отличившихся
работников.
Лучший хирург,
лучший
научный сотрудник,
лучшая медсестра
станут подписчиками
литературных
приложений
к журналу.

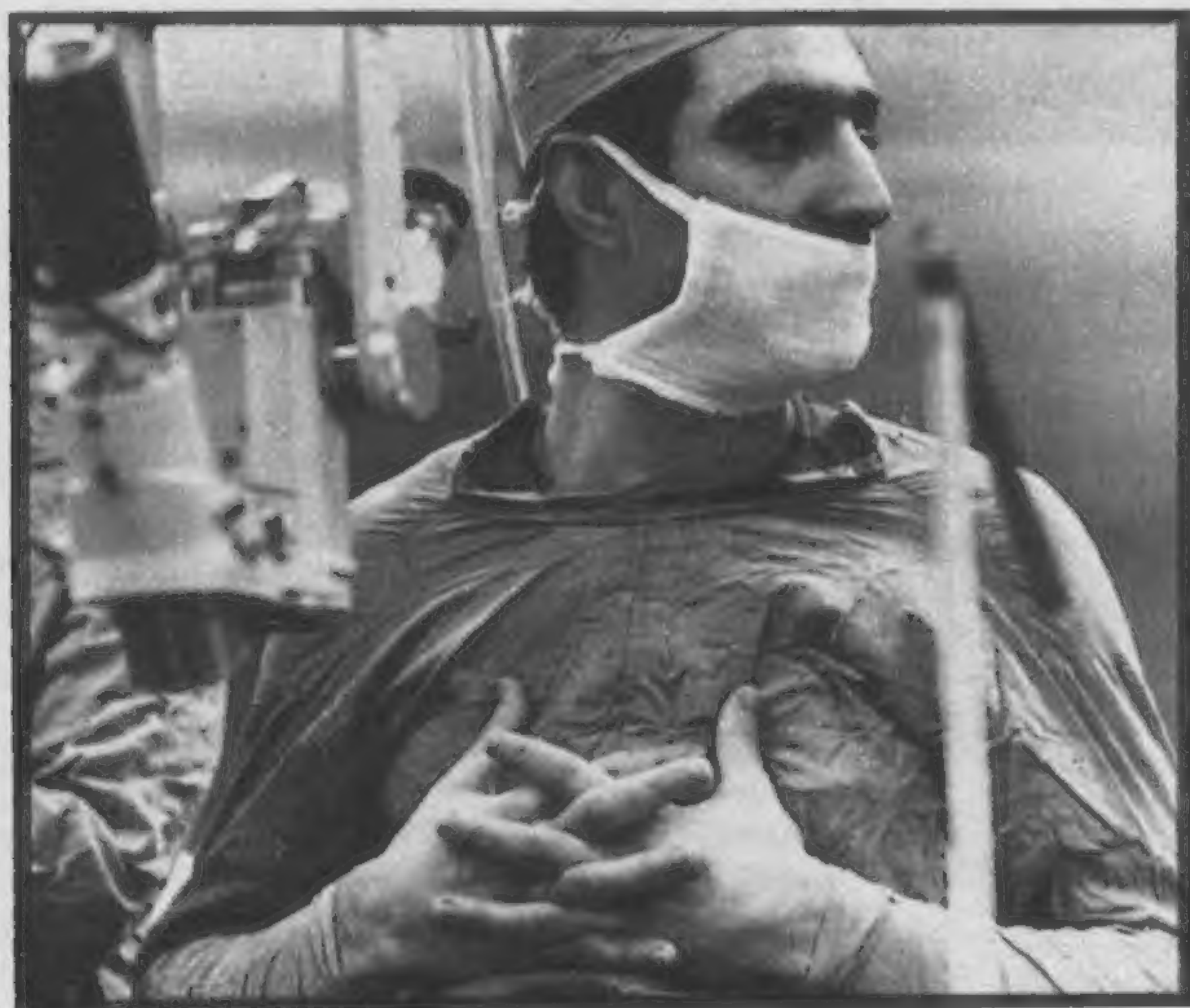
Г. ВЛАДИМИРОВА

Оля Н. — студентка одного из периферийных вузов. Уже три года она ждет, когда подойдет ее очередь на операцию кератотомии, другими словами — коррекции близорукости. И тогда она наконец избавится от очков. А они так мешают ей заниматься любимыми видами спорта.

Операция предстоит в Московском научно-исследовательском институте

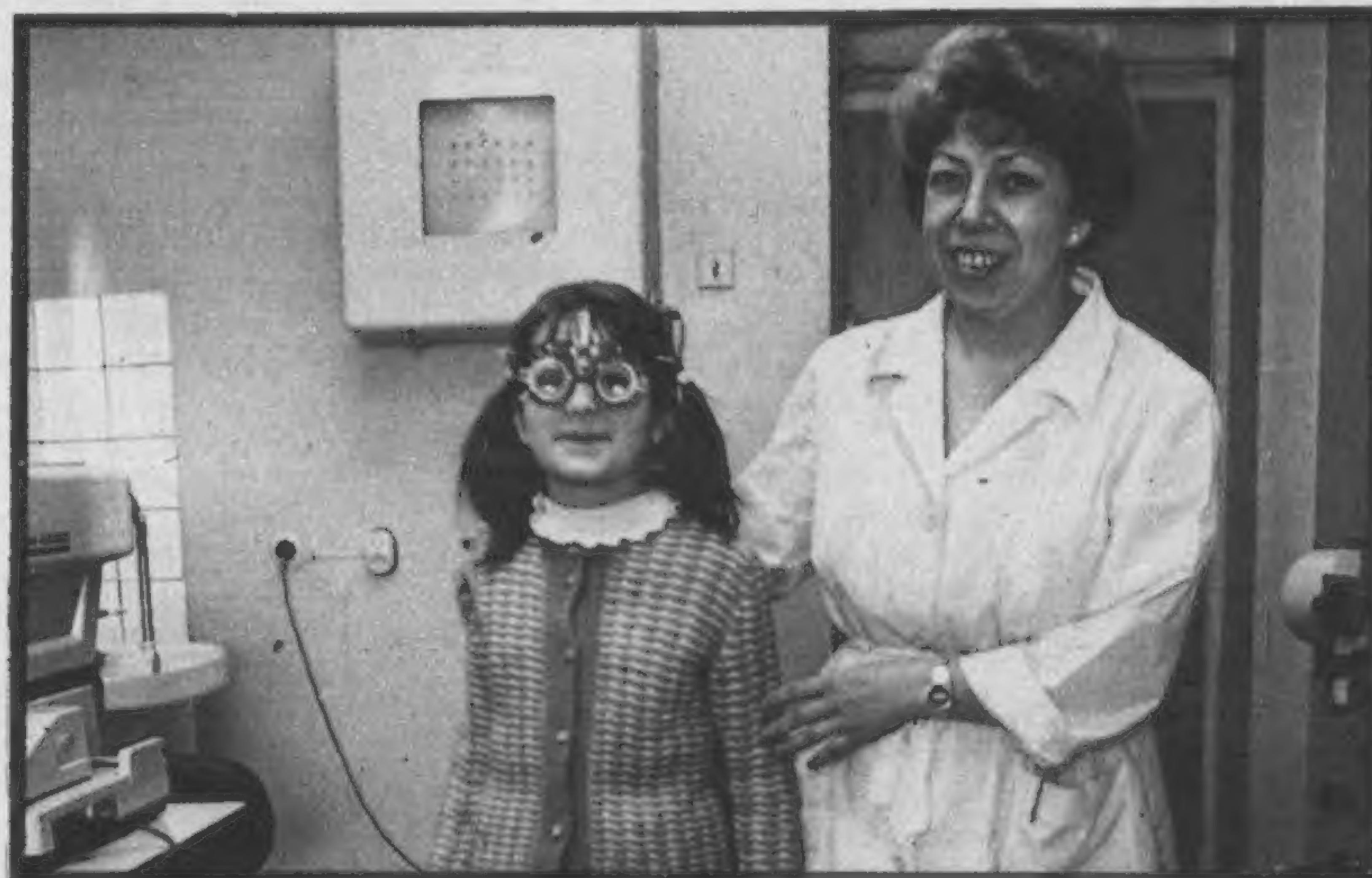
КЕРАТОТОМИЯ И ХОЗРАСЧЕТ

●
Хирург
А. А. Аграновский:
«Новая
система оплаты!..
Справедливый
стимул».

●
Медсестра
Т. Ю. Зачатейская:
«Это совсем
не больно...»

Фото
Игоря ФЛИСА

микрохирургии глаза. О том, как там лечат, в нашем журнале рассказывалось не раз. Сейчас речь пойдет о другом — о том, что делается для того, чтобы не было таких очередей; как начинает воплощаться в жизнь идея, разработанная директором института, ученым-новатором и блистательным хирургом, членом-корреспондентом АМН СССР профессором С. Н. Федоровым.

Мы свидетели удивительного явления, происходящего в экономической жизни общества. На наших глазах совершают первые шаги организации принципиально нового типа: межотраслевые научно-технические комплексы — МНТК. «Биоген», «Персональные компьютеры», «Сварка»... Среди них и МНТК «Микрохирургия глаза».

Создание комплекса началось прошлой весной. В крупнейших горо-

дах России должны быть построены его филиалы. Пока землемеры изыскивали и отводили для них участки, в Москве, в самом институте, ускоренно, без раскачки началась перестройка. Всего через три месяца (после аттестации научных сотрудников и хирургов) только что рожденный МНТК приступил к экономическому эксперименту. В чем его сущность? Заработок каждого стал определяться объемом и качеством вложенного труда. И определяется эта мера не административным лицом, не руководителем отдела, а во избежание субъективизма советом трудового коллектива, избранным на общем собрании. Заработок может быть установлен в два оклада, как, например, хирургу А. А. Аграновскому, выполняющему самый ответственный этап операции на автоматизированной линии (конвейере) прозрения; или в полтора ок-

лада, как медсестре Т. Ю. Зачатейской, но коэффициент может быть установлен и меньший. Предложения совета утверждает общее собрание отдела и больше никто, это конечная инстанция. Если будет премия из фонда материального поощрения, то она тоже будет распределена по коэффициенту трудового участия.

Элементы самоуправления на пути к подлинному хозрасчету? Да, именно так. А за ними, будто вешними водами, взломавшими льды, вскрылся главный резерв: резкое, на 56 процентов увеличение производительности труда. За это известно что платается — премия. Так успехи каждого обернулись достижением высокого конечного результата всем институтом. Выгодно и тем, кто лечит, но прежде всего, конечно, самим больным. На несколько тысяч сократилась очередь ждущих операции, и на це-

лый год подвинулась она вперед у Оли Н.

Другой важный шаг к хозяйственной самостоятельности — прямой экспорт продукции МНТК и импорт необходимой аппаратуры для интенсификации и улучшения хирургического процесса; в банке институту открыт свой расчетный счет, на который поступают средства, полученные от продажи лицензий, за обучение иностранных специалистов и лечение иностранных граждан.

На самом высоком, как в столице, уровне будут оснащены современной технологией институтские филиалы, они уже строятся, особенно успешно в Краснодаре, Ленинграде и Чебоксарах. А у генерального директора МНТК Святослава Николаевича Федорова уже близка к реализации идея создания новых, передвижных операционных...

В письмах, присланных читателями в редакцию после опубликования материала «Книга: читать или иметь?» (№ 33, 1986 г.), содержалось множество самых различных вопросов, связанных с проблемами книги. Наш корреспондент Владимир ШАХИДЖАНИЯ с наиболее интересными из них отправился в Госкомиздат СССР.

Михаил НЕНАШЕВ,
председатель Госкомиздата СССР

И ВНОВЬ О КНИГЕ ГОВОРИМ...

Кабинет председателя
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли в старинном
здании на Пушкинской площади.
Во всю стену — застекленные полки с книгами.
Ленин, Чехов, Достоевский, Пушкин.
Большая Советская Энциклопедия.
Книги по живописи. Поэзия, литературоведение.
Великолепные издания для детей, сувенирные,
подарочные, книги-малютки.
Вот бы в каждом домашнем, а может быть,
рабочем кабинете иметь такие книги!

Мой собеседник, председатель Госкомиздата СССР, Михаил Федорович Ненашев, словно угадав мои мысли, спросил:

— Что, хорошие книги? Наверное, подумали: почему все еще у нас книжный голод, дефицит? И с этого собираетесь начать беседу?

— Михаил Федорович, нет, не с вопроса о дефиците книги хочу начать беседу. 1 марта 1987 года исполнится год, как вы председатель Госкомиздата СССР. Понимаю, процесс создания книги длительный, занимающий три-четыре года. Вроде бы говорить о результатах вашей работы рано, но все-таки: что удалось решить, что...

— Что успел сделать? Пока, на мой взгляд, мало. Хотелось бы значительно больше.

Впрочем, процесс революционной перестройки, охватывающей ныне различные сферы общественной жизни, заставляет нас энергичнее осваивать Госкомиздат от застойных наслоений, с которыми до недавнего времени мирились, к которым привыкли.

Чтобы не «заговорить» перестройку, мы попытались максимально поставить ее на деловые рельсы. И в этих целях создали в прошедшем году шесть аналитических групп, перед которыми выдвинули задачу: изучить, трезво оценив положение дел, и внести предложения по перестройке книгоиздания.

Одна группа (ее возглавил первый заместитель председателя комитета Д. Ф. Мамлеев) занималась изучением такого ключевого вопроса, как повышение инициативы и самостоятельности издательства, изменение практики тематического планирования.

Другие группы сосредоточили внимание на выработке предложений по улучшению книжной торговли, совершенствованию полиграфического дела, созданию действенной системы изучения запросов читателей как первоосновы для принятия решений. Специальная группа аналитиков была занята вопросами перестройки управленческого механизма издательской сферы.

По каждому из этих направлений в конце года на заседании коллегии приняты специальные решения, реализация которых и будет означать перестройку управления книгоиздательским делом.

— Конечная цель работы Госкомиздата — книга. Самым узким местом, судя по всему, в ее производ-

стве стала полиграфия — отрасль, находящаяся далеко не на передовых рубежах научно-технического прогресса. По какому пути вы намерены идти в этой области и есть ли резервы?

— Меня как председателя Госкомиздата больше всего беспокоит отсутствие так нужной для нашего времени оперативности в книгоиздании. Побывал почти на всех полиграфических предприятиях Москвы и Ленинграда, был в Можайске, Чехове. Ездил в Белоруссию, Литву. Стало очевидно, что ключевая проблема — обеспечение нас полиграфической техникой, ее мы сегодня получаем не более 60 процентов от потребности. Что делается в этих условиях? Сложилось твердое убеждение, что нам необходимо прежде всего сосредоточить внимание на 12—15 крупных предприятиях. Раньше новую технику распределяли как бы поровну. Условно говоря: если тысячу рублей раздать 10 тысячам человек, то каждый получит лишь по 10 копеек. Распыление — оно и есть распыление. Без концентрации усилий в развитии полиграфической базы при весьма ограниченных возможностях мы не сможем выйти на новый уровень выпуска книг.

Перед нами со всей остротой стоит вопрос: где найти резервы для того, чтобы издать все, что мы хотим?

Можно многое сделать за счет повышения дисциплины труда. Подсчеты показывают: если мы сумеем сократить прямые потери на полиграфическом производстве хотя бы на десять процентов, то только за счет этого получим дополнительно один миллиард листов-оттисков в год.

У нас ныне более 1500 журналов преимущественно производственных, отраслевых. И, по нашему мнению, существует настоятельная необходимость в инвентаризации журнального хозяйства. Следует внимательно посмотреть и, может быть, какую-то часть журналов сократить, другие объединить. А за счет этого можно было бы начать издавать новые журналы: для ветеранов, домохозяек, подростков, для дома, для семьи...

Готовясь к беседе, я ходил по книжным магазинам, бывал в издательствах, на полиграфических комбинатах, встречался с журналистами и писателями. В результате родились вопросы, которые перед встречей я передал председателю Госкомиздата. И вот я вижу около М. Ф. Ненашева на столе свои листки с пометками, а рядом журнал «Огонек», раскрытый в том месте, где был напечатан материал «Книга: читать или иметь?».

Михаил Федорович посмотрел на лежавший перед ним журнал и, не дожидаясь вопроса, продолжил:

— Уже первая фраза — из выступления Евгения Осетрова, главного редактора «Альманаха библиофила»: «Книг много и мало» — заключает суть проблемы. Проблемы «читать или иметь». Поэтому дело, которое начал журнал «Огонек», можно только приветствовать.

Единственный культ, который нам следует всемерно утверждать в нашей жизни, — это культ знаний. В условиях ускорения возрастает дефицит в людях мыслящих, и книга играет здесь первостепенную роль. Человечество еще не придумало инструмента более действенного, более могучего, чем книга, чтобы стимулировать мысль.

— Однако, согласитесь, что много, Михаил Федорович, зависит и от качества книг...

— Несомненно. Больше того, признаюсь, что мы, книгоиздатели, во многом сами стали хранителями стандарта и формализма. Еще нередко, когда автор проявляет самостоятельность и бесстрашие мысли, присущий только ему стиль, редакторы его нивелируют, сводят на нет творческую индивидуальность. Вспомните «Манифест Коммунистической партии». Как он начинается? «Призраки бродят по Европе» — призраки коммунизма? Нетрудно допустить, что современный редактор «призрака» бы обязательно сократил.

Сегодня мы выпускаем около 80 тысяч названий книг и брошюр в год. Конечно же, важно, чтобы каждая из них была той, которая нужна людям. Но возможно ли это? А не лучше ли нам пойти по пути значительного уменьшения количества названий книг и одновременно увеличить тиражи книг действительно интересных, полезных и нужных людям?

Особенно это касается общественно-политической литературы. У нас есть прекрасные авторы: Татьяна Заславская, Александр Бовин, Николай Молчанов, Всеволод Овчинников, Иван Фролов, Николай Яковлев. Книг этих авторов вы не достанете — я назвал лишь имена, пришедшие на память сразу. Сегодня интерес к хорошей политической книге сильно возрос. Недавно в этих стенах мы собрали двенадцать директоров и главных редакторов крупнейших издательств. В том числе «Молодой гвардии», «Советской России», Политиздата, Воениздата, Профиздата. И поставили перед ними задачу: определить по каждому издательству на ближайшее время семь — десять книг по самым острым вопросам

перестройки. При этом обязательно, чтобы книги отличались и актуальностью, и ярким, интересным изложением. Что касается авторов, то мы порекомендовали использовать лучших, выступающих в нашей периодической печати. Думается, что такая интеграция усилий издательства с периодической печатью открывает большие возможности в ускорении выпуска актуальных книг. Мы намерены обеспечить этим книгам по всей технологической цепочке зеленую улицу.

Намерены мы подумать и о том, чтобы создать группу внештатных политических обозревателей при Госкомиздате, которые могли бы оперативно и интересно писать о современных проблемах нашей жизни.

...Еще раз оглядываю кабинет собеседника. Пытаюсь сосчитать количество книг — примерно полторы тысячи (на самом деле, оказывается, больше трех). Помню, меня поразили данные о том, сколько книг может прочесть человек за всю свою жизнь. За пятьдесят лет, читая по одной книге в неделю, — 2600 книг. Не так уж много. И вот она — проблема: какие книги нужны и кому? Почему мы зачастую не можем купить именно те книги, которые нам необходимы? Так мы подошли к проблеме дефицита книги.

— Может быть, вызову недоумение, — продолжал Михаил Федорович, — заявив, что нас не пугает дефицит книги. Почему? Давайте подумаем над тем, что лежит в его основе. В основе, если исключить всякие приходящие факторы, в том числе и моду, лежит одна из величайших сил, двигающих общество по пути прогресса, — жажда познания. Она никогда не может быть удовлетворена полностью, иначе человечество просто остановится в своем развитии. В нашей стране, как известно, традиционно много читали. Академик Д. С. Лихачев считает, что ни в одной стране мира с самого начала ее возникновения литература не играла такой огромной роли, как у нас. Из прошлого книга унаследовала в нашей стране огромный общественный авторитет. В годы Советской власти в процессе культурной революции, с ростом материального благосостояния советских людей книга все увереннее и шире стала входить в дома.

Однако здесь я хотел бы остановиться и сказать, что, когда речь идет об удовлетворении запросов в книге, нельзя все измерять количеством. Известно, что книга имеет ценность лишь тогда, когда она прочитана. А вот сегодня мы все больше

сталкиваемся с тем, что ее приобретение совсем не означает прочтение. Не случайно в большинстве читательских писем авторы ставят вопрос не о том, что не могут «прочитать» книгу, а о том, что не могут «купить» ее. Таким образом, книга, по сути, приравнивается к потребительским товарам, книжный дефицит существует больше как категория товарно-потребительская. С другой стороны, если мы в обозримое время преодолеем трудности материального характера — отсутствие необходимых ресурсов бумаги, полиграфической базы и т. д., то даже при этом «книжный голод» полностью удовлетворить не сможем, ибо в его основе, подчеркиваю, не материальная, а духовная природа.

— Если вы считаете невозможным полностью удовлетворить «книжный голод», то ведь ослабить его, поставив книгоиздательскую политику на базу научного анализа, социологических исследований, наверное, можно?

— Да. Любопытное замечание было высказано академиком Н. Н. Моисеевым: «Если первая половина XX века проходила под знаком приоритетного развития физики, а затем биологии, то XXI век... станет веком гуманитарных наук — наук о человеке и человечестве». Это обязывает нас, издателей, более внимательно изучать те изменения, которые происходят в читательских интересах. И в этом нам должна серьезно помочь отраслевая социологическая служба, которая бы не только фотографировала сегодняшние запросы и нужды читателей, но и помогала нам прогнозировать их на завтра.

В этих целях мы намерены создать Институт книги. К стати говоря, в нашей стране на базе Петроградского университета он действовал с 1918-го до 30-х годов. За рубежом ныне насчитывается более тридцати подобных центров. Этот институт, работая в составе Всесоюзной книжной палаты, должен изучать запросы читателей, опираясь в своей деятельности на книжные магазины, библиотеки и представляя в наше распоряжение соответствующие разработки: что и как читается, что необходимо издавать в первую очередь, какие изменения необходимо вносить в тиражную политику.

Как пример нашего незнания общественных потребностей, социологические неведения, если позволите так выразиться, я мог бы назвать тиражные предложения к изданиям историков В. О. Ключевского и С. М. Соловьева. Приняв решение о переиздании собраний их сочинений, мы получили массу писем с требованием увеличить тиражи. Мы, конечно же, пойдём на это. Однако подобного разрыва предложения со спросом могло бы и не произойти, имея комитет в своем распоряжении надежно функционирующую систему научного определения читательского и покупательского спроса.

— Ваше личное отношение к книге? Что вы любите читать?

— Личное? Самое благоговейное. Это с детства. Очевидно, потому, что в детстве и юности книги доставались с трудом. Рос в деревне, в семье не было библиотеки, но книги ценили и любили читать вслух. При отсутствии радио и телевидения чтение было главным источником познания, информации и вообще духовной жизни. До сих пор храню добрую память о сельской районной библиотеке, которой всем добрым обязан не меньше, чем школе.

Что больше люблю читать? Классику — Чехова, Толстого, советскую — Шолохова, Леонова. Из современной прозы — Айтматова, Бакланова, Бон-

дарева, Быкова, Бориса Васильева, Распутина, Нагибина. Сейчас перечитываю «Момент истины» Владимира Богомолова, другие его повести, рассказы.

Чтобы постоянно следить за новинками, уже долгие годы в семье стало правилом выписывать и читать журналы «Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Москва», «Дружба народов». Жена у меня филолог. Длительное время преподавала литературу в школе. Отсюда страсти в семье к классике. Библиотека — собиралась она десятилетиями — конечно, рассчитана на вкусы всей семьи. Но часто ее «фондов» не хватает, и тогда беру книги у других. Порой ловлю себя на том, что не очень-то тороплюсь их вернуть... Но возвращаю! Потому, очевидно, и сам не отказываю тем, кто просит книги.

— Михаил Федорович, прошу простить меня за слишком пространный вопрос. Готовясь к беседе с вами, я побывал во многих книжных магазинах. И увидел — и это в Москве! — что абсолютное большинство их находится в малоприспособленных помещениях. Отсутствует погрузочно-разгрузочная техника, нет бытовых условий для нормальной работы продавцов. Лишь в Перовском районе я увидел магазины, отвечающие современным требованиям. В целом же складывается мнение, что и подобным торговым точкам местные Советы относятся пренебрежительно. Стоит ли их строить, стоит ли проявлять о них заботу?

Одновременно я провел еще один своеобразный эксперимент. Бывая в магазинах, всюду спрашивал необходимый мне для работы со студентами как преподавателю факультета журналистики МГУ учебник «Машинопись». Ни в одном из магазинов книги не было, и я не мог узнать, будет ли в ближайшее время. И подумалось: если бы была как следует налажена телефонная справочно-библиографическая служба, то, видимо, каждый мог бы быстро узнать, есть ли нет требуемые книги, будут ли их новые поступления и в какие магазины, в какие сроки. В магазинах бы собирались своеобразные заявки на те или иные издания и при необходимости давался бы заказ на оперативную доставку требуемых книг. Неужели это невозможно сделать, хотя бы по книгам, необходимым для учебы?

— Действительно, местные Советы относятся к нашим проблемам недостаточно заинтересованно. Хотя в последнее время кое-где есть, и это приятно отметить, наметился поворот к лучшему.

Однако много у нас и своих проблем, связанных с неграмотной тиражной политикой, неумением внимательно работать с покупателем, изучать его запросы, проявлять индивидуальный подход. В том решении, о котором я говорил вначале, мы определили ряд мер по совершенствованию книгораспространения, произойдут изменения и в работе объединения «Союзкнига».

Распределение книг улучшится, если мы больше будем заботиться о том, чтобы книга была все время в обороте. За последние двадцать лет покупка книг у населения для повторной продажи возросла у нас в 13 раз. В XII пятилетке мы планируем товарооборот по букинистической книге довести до 500 миллионов рублей. И все-таки в целом объем невелик. В стране, к сожалению, ныне всего лишь 232 специализированных магазина и около пяти тысяч — это тоже мало — пунктов по приему книг от населения для вторичной продажи. Мы намерены значительно расширить сеть букинистических магазинов, будем стремиться к тому, чтобы пункты приема книг для повторной продажи были при каждом магазине.

Шире вводим изменения в правила покупки — со сдающего книгу в букинистический магазин не будут удерживать 20 процентов в пользу

торговли. Эти 20 процентов будет платить тот, кто покупает книгу. Кроме того, организуем продажу книг на аукционах и комиссионных началах.

Книга нуждается в более внимательном отношении и со стороны Всесоюзного общества любителей книги. Может быть, и несколько преувеличены, но в целом справедливы мнения о том, что некоторые организации этого общества заняты лишь тем, что получают кое-что из дефицита и распространяют его среди своих членов. Такой подход, конечно, приносит больше вреда, чем пользы.

— Насколько мне известно, изданием книг занимаются и издательства, не относящиеся к союзному Госкомиздату и республиканским комитетам. Как строятся взаимоотношения с вашими коллегами? Нет ли здесь дублирования?

— Дублирования нет. Действительно, издательства «Правда», «Молодая гвардия», Воениздат, Профиздат, «Советский писатель» не входят в систему Госкомиздата. Но мы, от имени государства, отвечаем за единую политику в книгоиздании. Осуществляем координацию тематических планов всех издательств.

— Как объяснить такую ситуацию: издательство «Юридическая литература», думаю, знает, что у нас есть дефицит, скажем, на «Уголовный кодекс РСФСР». Прежние издания кодекса устарели, как и комментарии к ним, а где достать новый? Или какой молодой семье, на мой взгляд, нужна книга о половом воспитании. Тема, вроде, деликатная, но важная, а издательство «Медицина» выпускает книги по этой проблеме миллионными тиражами.

— Непростой вопрос, что и каким тиражом издавать. К Госкомиздату СССР относятся специализированные издательства «Медицина», «Искусство», «Транспорт», «Юридическая литература» и другие. Работают они в тесном контакте с соответствующими министерствами и ведомствами, ибо специалисты лучше осведомлены, какая литература особенно необходима по той или другой конкретной области знаний.

В преодолении дефицита книги, видимо, многое будет зависеть и от наших точных знаний его размеров. Специалисты считают, что размеры эти не так уж велики и что можно выделить 30—40 названий самых необходимых и нужных людям книг. Мы хотим попытаться определить самые дефицитные книги, для начала не будем пока включать сюда художественную литературу. Речь идет о таких книгах, как «Домашняя энциклопедия», «Книга о здоровой и вкусной пище», и других. «Молодая гвардия», в частности, запланировала выпуск 20-томной «Библиотеки молодой семьи», и надо подумать, как обеспечить ее разумное тиражирование.

В числе этих книг, видимо, должны быть и те книги по юридической и медицинской тематике, о которых вы упомянули.

Слушая своего собеседника, я невольно ловил себя на мысли, что все время анализирую стиль его речи. Постоянная смена ритма. Он все время будто ного-то убеждал. Доказывал. Утверждал. В интонации — личная заинтересованность. Он говорил, как учитель, стараясь, чтобы мысль его запомнилась, и как инженир — в лучшем значении этого понятия — делился своими радостями и бедами.

Было интересно узнать, что в ближайшее время издадутся массовым тиражом стихи Владимира Высоцкого, а в издательстве «Музыка» выйдет его песни. Готовятся избранные произведения Ахматовой, Пастернака, Цветаевой.

— А что будет делаться для того, чтобы не выходили в прямом и переносном значении слова серые издания?

— Автор принес рукопись в издательство. С рукописью познакомились, и, хотя она не ахти какая, ее включили в план будущего года. Но тут появляется другая рукопись. Лучшее предыдущей. А план вроде уже сформирован, одобрен. Как быть? Может, стоит издавать вторую рукопись? Более интересную? Но если из плана исключают уже принятую, дело может дойти до суда. Автор требует публикации. Да и план надо выполнять и по числу названий, и по тиражам. Но я за то, чтобы талантливые рукописи теснили проходные, серенькие. На практике часто так и поступают — книгу, если она посредственная, не издают. Авторы жалуются. Какой у них аргумент главный? «Я написал не хуже, чем другие». Но «не хуже» — плохой аргумент. Вот если бы автор говорил о рукописи: она интереснее, острее, талантливее других — такой аргумент можно и принять.

— Михаил Федорович, наша беседа подходит к концу, поэтому я хотел бы вернуться к тому, с чего мы начали: «Книга: читать или иметь?» Ваше отношение к тем предложениям и к вопросам, которые были поставлены на наших журнальных страницах?

— Самое положительное. Хорошо, что в таком массовом и популярном журнале глубоко рассматривается проблема уважительного отношения к книге. Правильно были поставлены вопросы о сложных взаимоотношениях писателей и издателей. На съезде писателей нас справедливо критиковали за консерватизм, неповоротливость. Мы обязаны учить ритм времени, должны интенсифицировать процесс издания книги, шире привлекать интересных авторов, активно искать новые имена.

Среди вопросов, поставленных в журнале ко мне как председателю Госкомиздата, вопрос-пожелание установить на «Роман-газету» меньшую цену. В этом году подписка на издание увеличилась на 740 тысяч. Думаем, что она будет расти и дальше. Мы сейчас изучаем проблему изменения формата популярного издания, хотим печатать его в формате книги. Когда это произойдет, тогда рассмотрим и вопрос о цене.

Предложение о создании кооперативных издательств тоже заслуживает внимания. Сейчас мы изучаем возможность создания подобного издательства в составе таких учредителей, как Союз писателей СССР, Общество книголюбителей, Фонд культуры. Видимо, они могли бы привлечь и средства писателей и, опираясь на это, получив поддержку от нас, оказать помощь в издании первых книг молодым писателям.

...Выйдя из кабинета М. Ф. Ненашева, я задержался у застекленных витрин постоянно действующей выставки новых поступлений.

Около ста книг. Каждая — образец искусного полиграфического исполнения. Здесь книги Джанни Родари, Свифта, сочинения Эрнеста Хемингуэя, Расула Гамзатова, Тютчева, избранное Валентина Распутина, Владимира Богомолова, очередной том из собрания сочинений Юрия Трифонова...

Что ж, подумал я, вполне возможно, будет перестроена книгоиздательская деятельность таким образом, чтобы книги, которые стоят в витринах, каждый смог купить в магазине, получить, воспользовавшись услугами «Книга — почтой».

И еще подумал о том, что больше всего меня порадовало в нашей беседе вера моего собеседника в то, что можно изменить существующую неблагоприятную ситуацию в издательском деле, и большое желание сделать это безотлагательно.

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
академик,
Герой Социалистического Труда,
председатель правления
Советского фонда культуры.

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

— Как вы считаете, Дмитрий Сергеевич, сбывается ли это гениальное пророчество Гоголя? Что значит Пушкин для нас, людей, живущих в последние годы второго тысячелетия?

— Пушкин — это лучшее, что есть в каждом из людей. Это доброта и талант, смелость и простота, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и к людям труда... И еще мы любим и постоянно оплакиваем Пушкина потому, что он погиб за честь свою и честь своей поэзии, за любовь. Погиб в бою, с оружием в руках, хотя, уверен, убить человека ему было не суждено. Он не был бы для нас Пушкиным.

Говоря про честь, я в первую очередь имею в виду бой за честь поэта, ибо не может ни уважать себя, ни жить, ни быть уважаемым и любимым читателями поэт с замаранной честью. Этот закон в полной мере действует и сегодня. Не будут ни уважать, ни любить поэта, как бы хорошо он ни писал, если он марает себя корыстолюбием, низкопоклонством или бесчестными поступками.

Я думаю о Бородине, о героях 1812 года. Современники Пушкина, многие из них — его близкие друзья. И в то же время никому из нас не придет на ум считать Багратиона и Кутузова, Раевского и Ермолова, Дениса Давыдова и Надежду Дурову своими современниками. Они наша славная, величая, героическая, прекрасная история.

А Пушкин — сегодняшний, современный. Это не столько можно объяснить, сколько понять душой, всем существом своим.

Любое из человеческих чувств — любовь, печаль, гнев, грусть, чувство приближающейся смерти — он поднимал в своей поэзии до высочайшей точки. Его поэзия облагораживает нашу жизнь.

Думаю, что тайна безмерного обаяния Пушкина в том, что он в каждое мгновение жизни, в каждой ее песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный, вселенский смысл. И потому он не просто любил жизнь во всех ее проявлениях, жизнь была для него величайшим таинством, величайшим действием. И потому он был велик во всем: и в своих надеждах, и в своих заблуждениях, и в своих победах, и в своей любви к людям, к природе, к любви к Родине, к ее истории, ее будущему.

Даже самые закоренелые циники, самые отъявленные мещане и обыватели, самые легкомысленные вертопрахи ближе или глубже в душе своей сознают — или всегда, или со временем — свою ничтожность.

А все простые, хорошие люди на планете или знают, или догадываются, или смутно ощущают, что жизнь вокруг нас и в каждом из нас есть величайшая тайна, требующая серьезного, глубокого отношения, полной отдачи, и что жизнь за это дарит нам ощущение счастья, гармонии, полноты существования. В конечном счете это и есть идеал каждого из нас. И в Пушкине этот идеал был воплощен в полной мере. Потому он и есть

**«ПРИ ИМЕНИ ПУШКИНА ТОТЧАС ОСЕНЯЕТ МЫСЛЬ
О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПОЭТЕ.
В САМОМ ДЕЛЕ, НИКТО ИЗ ПОЭТОВ НАШИХ
НЕ ВЫШЕ ЕГО И НЕ МОЖЕТ БОЛЕЕ
НАЗЫВАТЬСЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ;
ЭТО ПРАВО РЕШИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖИТ ЕМУ.
В НЕМ, КАК БУДТО В ЛЕКСИКОНЕ,
ЗАКЛЮЧИЛОСЬ ВСЕ БОГАТСТВО, СИЛА И ГИБКОСТЬ
НАШЕГО ЯЗЫКА.
ОН БОЛЕЕ ВСЕХ, ОН ДАЛЕЕ
РАЗДВИНУЛ ЕМУ ГРАНИЦЫ
И БОЛЕЕ ПОКАЗАЛ ВСЕ ЕГО ПРОСТРАНСТВО.
ПУШКИН ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ
И, МОЖЕТ БЫТЬ,
ЕДИНСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОГО ДУХА:
ЭТО РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЕГО РАЗВИТИИ,
В КАКОМ ОН, МОЖЕТ БЫТЬ,
ЯВИТСЯ ЧЕРЕЗ ДВЕСТИ ЛЕТ.
В НЕМ РУССКАЯ ПРИРОДА, РУССКАЯ ДУША,
РУССКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ХАРАКТЕР
ОТРАЗИЛИСЬ В ТАКОЙ ЖЕ ЧИСТОТЕ,
В ТАКОЙ ОЧИЩЕННОЙ КРАСОТЕ,
В КАКОЙ ОТРАЖАЕТСЯ
ЛАНДШАФТ НА ВЫПУКЛОЙ ПОВЕРХНОСТИ
ОПТИЧЕСКОГО СТЕКЛА».**

Н. В. ГОГОЛЬ

наш идеал, вечно живой, вечно с нами. Но идеал этот не напыщенный, не громогласный и не чванливый, а как бы равный со всеми нами, свободный и простой. Слова Николая Васильевича Гоголя, поклонника, ученика, друга Пушкина, с которых началась наша беседа, пожалуй, самые точные, самые пронзительные для определения всевременного значения для нас Пушкина.

Это философская сторона вопроса. А бытовое ее воплощение оказывает на людей второй половины восьмидесятых годов XX века не меньшее, если не большее воздействие.

Мы уважаем труд, знаем цену труду, ценим людей по их труду. Пушкин был первым профессиональным литератором России, он жил своим трудом, боролся против произвола издателей, добивался достойной оплаты за труд поэтов, писателей, драматургов.

Он был верным другом и добрым товарищем.

Он не боялся царей и презирал карьеристов-вельмож.

Он был другом декабристов, их учеником и их учителем.

Он был внимательным мужем, заботился о чести и покое жены до последней минуты жизни.

Наконец, он был просто здоровым, веселым, смелым и сильным человеком.

И все эти обычные, земные, общечеловеческие превосходные качества никогда не будут забыты, всегда будут залогом его бессмертия в наших сердцах.

Много пишут о Пушкине — величайшем поэте, гении. Но народ любит гениев, простых в своем величии и ве-

ликих в своей простоте. И потому я говорю именно о простых, общечеловеческих чертах в образе Пушкина.

Размышляя о Пушкине, люди невольно сравнивают себя с ним. А сделал ли бы и я так? А поступил бы так же? А что я думаю об этом?

Это очень полезные размышления и очень важные. Они способствуют пробуждению в наших душах и умах самых лучших, самых высоконравственных мыслей и устремлений.

В конечном счете это и есть самовоспитание добром и красотой человеческого души.

— «Пушкин и его время» — это огромный материал. И вот уже почти полтора века исследователи проникают в его тайны, стремясь приблизиться к загадке гения, постичь его жизненные и творческие связи. Какие проблемы стоят перед пушкинистами наших дней?

— Я бы даже расширил вопрос. По-моему, уровень пушкиноведения — лакмусовая бумажка развития отечественной науки о литературе. Сейчас Пушкиным занимаются очень многие: о нем пишут диссертации, биографии, стихи, романы, пьесы в стихах и прозе, и т. д., и т. п. Но с сожалением должен отметить, что пушкинистов, казалось бы, немало, а уровень науки о Пушкине сейчас сравнительно невысок. Ушли блестящие ученые-пушкинисты, носители высокой культуры и профессиональных знаний, а численно адекватной смены им не видно. Это настораживает. Ведь нас ожидают очень серьезные работы, связанные с Пушкиным. И прежде всего издание академического собрания сочинений, создание Пушкинской энциклопедии и, конечно, написание полной научной биографии Пушкина, летописи его

жизни. Вы понимаете, что я перечислил лишь некоторые задачи пушкиноведения. Но не только ученые должны участвовать в процессе расширения наших знаний о Пушкине, в воспитании любви к нему и понимания его произведений. Разве не прекрасна, например, идея создания Пушкинского театра, выдвинутая актером и поэтом Владимиром Рецептером? Действительно, в Англии есть всемирно известный Шекспировский театр, а мы до сих пор не имеем театра нашего национального гения — Пушкина. Его драматургия — это драматургия слова, ее необычайно трудно донести до зрителя. У актеров театра Пушкина должна быть высочайшая, одухотворенная и осмысленная, подчеркиваю, осмысленная, школа чтения стиха, текста, пушкинского текста. Это был бы экспериментальный театр, и в том тоже его важная роль.

Загадка театра Пушкина разгадывается, как мне кажется, тем, что это театр слова и мысли. Есть театр ситуаций, театр сюжетов, театр настроений, театр мысли, театр театра. Театр слова — один из самых трудных видов театра. Пушкина читать невероятно трудно, ибо его надо читать с предельной простотой, не на минуту не забывая музыки стиха и драматизма мысли, заложенной во всем произведении и в каждом его отдельном слове.

Предложение Владимира Рецептера создать театр Пушкина — театр, где ставился бы Пушкин — один Пушкин или по преимуществу Пушкин, — не только «интересно» и «своевременно», эти два слова обычны в одобрениях подобных предложений, но и умно, ибо на Пушкине лучше всего учиться читать поэзию — в драматургической, лирической или эпической форме. Опыт Пушкинского театра был бы крайне важен для всех театров. На игре Пушкина проверялся бы актер и постановщик. Удачи и неудачи в пушкинских произведениях были бы показательными и поучительными. В. Рецептер не предлагает воссоздать яхонтовский «театр одного актера». Он предлагает нечто иное, но в чем-то близкое: создать театр одного автора, чтобы актеры учились на труднейшем тексте, а зрители сравнивали, вникая тем самым и в слово Пушкина, и в игру разных актеров, учились бы слушать, а не просто ожидать развязку.

— На VIII съезде писателей вы выступили с конкретными предложениями о переиздании произведений целого ряда русских писателей, чьи книги по тем или иным причинам долгое время были преданы забвению, не печатались. А существуют ли работы о Пушкине или его времени, которые необходимо вернуть к активной жизни?

— Я с огромным удовлетворением слежу за переменами, которые сейчас происходят, и по мере сил стремлюсь участвовать в процессе обновления, демократизации. Действительно, на VIII съезде писателей я назвал имена некоторых русских авторов, чьи книги надо издать и донести до читателей без излишнего шума

П. Ф. СОКОЛОВ. А. С. Пушкин. 1836.

Петр Федорович СОКОЛОВ (1791—1848).
Один из самых популярных портретистов первой половины XIX века.
Акварелист. Родился в Москве. Учился в Академии художеств. В 1839 го-
ду получил звание академика «по живописи портретной акварели».

В. И. ГАУ. Н. Н. Пушкина. 1843[1]

Владимир Иванович ГАУ (1816—1895).
Акварелист, миниатюрист, портретист. Сын пейзажного живописца Иоганна Гау. Учился в Ревеле, в Академии художеств в Петербурге. В 1836 году получил звание свободного (неклассного) художника, в 1849 году — академика.
В. Гау принадлежат многие портреты современников Пушкина. Известны несколько портретов Н. Н. Пушкиной, выполненных художником.

и ажиотажа. Кое-что уже сделано, хотя в этом очень важном аспекте перестройки иные литературные деятели, обремененные чинами и должностями, усмотрели чуть ли не посягательство на основы литературной и общественной жизни. И я рад, что абсолютное большинство литераторов и читателей поддерживает тот ветер перемен, который врывается в атмосферу. Разве не симптоматично, что будет издано в приложении к журналу «Огонек» 12-томное собрание сочинений Карамзина, куда войдет и его «История государства Российского». Честь и хвала «Огоньку», проявившему инициативу в этом деле. Н. М. Карамзин, которого высочайше ценит Пушкин, наконец выйдет к самому широкому читателю.

Конечно, надо издать многие забытые, очень хорошие исследования о Пушкине. Например, статьи о Пушкине пронзительно умного Владислава Ходасевича, особенно «Колеблемый треножник», да и ряд других работ. «Мой Пушкин», как сказала Цветаева, был у многих русских писателей, и как бы было интересно собрать в одну книгу наиболее яркие, концептуальные статьи и речи, выходящие за пределы собственно академического пушкиноведения, начиная, например, с бессмертной пушкинской речи Ф. М. Достоевского и гениального завещания А. А. Блока «О назначении поэта». Это была бы поистине провидческая книга.

— Когда вы работали над фильмом «Дом у Пушкина» — а его съемки проходили в самый разгар реставрации последней квартиры поэта на Мойке, — то многие сомневались, стоит ли показывать ее в таком, можно сказать, «обнаженном» виде — без мебели, книг, мемориальных вещей.

— Мне кажется, что мы тогда получили уникальную возможность увидеть и показать квартиру Пушкина на Мойке в ее обнаженно-доподлинном виде, какой ее никогда больше увидеть не удастся. Перед нами открылись совершенно неожиданные, неизвестные вещи. Нина Ивановна Попова, хранитель музея, рассказала об интересных находках, которые были сделаны во время реставрации. Они свидетельствуют и о полутрехвековой жизни самого дома, и о быте Пушкина и его семьи. Мне кажется, что целый ряд археологических фрагментов — живых свидетелей ушедшей эпохи — надо после реставрации сохранить, ведь замечательно интересно увидеть какие-то детали, будь то кусок старых обоев, неожиданно найденное окно там, где была глухая стена, или что-то еще.

— А лично у вас что-нибудь связано с этим самым пушкинским местом в Ленинграде?

— Конечно, ведь я старый петербуржец. Всю жизнь я живу в этом городе, и это одно из любимых мест моих прогулок. В старости хочется ходить в те места, где бывал в детстве. Здесь еще до революции и до первой мировой войны я бывал с отцом. По воскресеньям мы ходили смотреть развод караула в Зимнем дворце, смотреть через ворота (сам развод совершался во дворе) и слушать, потому что караул шел во дворец через арку Главного штаба при оглушительном звуке оркестра. После Дворцовой площади мы шли сюда, к окнам пушкинской квартиры. Сюда часто приводили детей, здесь не было еще ни музея, ни памятной доски.

Но все петербуржцы знали, что тут умер Пушкин. И приводили детей посмотреть на окна этой квартиры.

Я не специалист по жизни и творчеству Пушкина, моих знаний о Пушкине не больше, чем у любого русского человека, моя специальность — древнерусская литература, но постоянно я возвращаюсь мыслями к Пушкину, постоянно тянет прийти сюда. Я помню, как в доме на Мойке уже в 30-е годы, когда я начал работать в Институте русской литературы,

было уже несколько музейных коммун и появился замечательный музейный организатор, Борис Валентинович Шапошников. Он был директором нашего музея в Институте русской литературы и здесь, на Мойке, работал по созданию музея-квартиры Пушкина. Мне кажется, что он обладал абсолютным музейным чутьем, как люди обладают абсолютным слухом в музыке. Это был совершенно замечательный человек по своему музейному вкусу, по умению делать экспозиции, создавать музеи.

Потом наступили дни Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года в Мойку, рядом с квартирой Пушкина, попала бомба. Набережная дала трещины, дом был под угрозой, и мы, сотрудники Института русской литературы, пришли сюда, чтобы спасти вещи, экспонаты, мебель. Я тащил со всеми диван — это я очень ясно помню. Потом с трудом достали грузовик, чтобы перевезти вещи в Пушкинский Дом. Так что и я совсем немного, но причастен к судьбе музея на Мойке.

— Весь этот район Ленинграда можно считать пушкинским. И вид из окна последней квартиры поэта, быть может, самая достоверная его часть. Здесь буквально все напоено пушкиным, причастно к его жизни, биографии. Рядом с последней квартирой Пушкина — Конюшенная церковь, где отпевали Пушкина и где еще сохранились остатки росписи Брюллова. В этой церкви следовало бы сделать вместо занимающего ее учреждения выставку видов Петербурга пушкинской поры — их ведь очень много: гравюр, акварелей, картин.

— Пушкин мог видеть из своего окна Зимний дворец. Поразительно. На многие размышления может натолкнуть эта, казалось бы, случайность. Дома, который сейчас закрывает дворец, не было, и Пушкин мог видеть обитель царя. Поэт и царь. Ведь именно Пушкин изменил во многом это соотношение. Положение его предшественников было иным. Они получали высочайшие подарки, дорогие табакерки, перстни, обязаны были писать оды и т. д. А Пушкин ощущал себя независимым. Он высоко ставил честь поэта и чувство чести своей поэзии. Ибо поэт и поэзия неразлучны.

Пушкин осознал свою силу как поэт, а без этого осознания не может быть истинного творчества. Вот к каким мыслям приводит это противостояние Мойки и Зимнего дворца, не в житейском смысле, конечно, а в смысле высоком, духовном.

— Но Пушкина назначают камер-юнкером. Николай Первый решил свести его положение к положению поэта придворного.

— Пушкин оскорбился, что его, поэта, царя, низводят до какой-то табели о рангах. Почему царя? Я часто думаю над его строкой: «Ты царь: живи один». Как нужно ее понимать? Поэт ощущал себя царем в царстве литературы. Это поразительно сказано Пушкиным. Осознавая себя царем, в одиночестве равным со всеми, он как бы замыкается в своем творчестве и ощущает себя властителем не подданных, а властителем всего мира.

Всего мира, поэтического мира, и мира, который он поэтизирует. Царем над русской историей, в какой-то мере потому, что ведь он же выступает в качестве судьи и судьи над Пугачевым, над Петром, над Борисом Годуновым. Он вершит суд свой — суд поэта. Это совершенно замечательное ощущение себя как царя духа, одинокого царя, взирающего на Россию, который может сказать словами письма к Чаадаеву, что он никогда не променяет русскую историю ни на какую иную.

Вот почему он оскорбился, а не потому, что перерос возраст камер-юнкера. Бывали они и старыми.

А ведь Пушкин был поэт-пророк. Впрочем, все великие поэты России были пророками: и Лермонтов, и А. К. Толстой, и Вл. Соловьев, и Блок.

Именно это и дало Аполлону Григорьеву право сказать, что «Пушкин — наше все». Будем же всегда помнить эти слова.

— А что, Александрийская колонна была видна из его квартиры?

— Видна была с набережной Мойки. Но это не важно. Важно, что Александрийский столп был недалеко. Ведь вы помните, как начинается «Памятник» Пушкина:

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Это значит, что поэзия, царство поэзии больше и выше, чем власть императора, она непокорна царю. И это утверждение свободы духа, которая необходима царству поэзии. Пушкин осознавал себя национальным поэтом, выразителем народных дум, он понимал свое предназначение. Он действительно был пророк, кажется, что он знал будущее. Но несомненно, что полное осознание своего предназначения пришло к нему, когда он занялся русской историей, стал интересоваться отношением народа и государства, народа и царя. Это выразилось и в «Борисе Годунове», и «Капитанской дочке», истории Петра, истории Пугачева — здесь Пушкин выступает и как историограф, и он остается верен своей концепции поэта-пророка: «глаголом жгит сердца людей».

— В книге «Поэзия садов» вы неоднократно обращаетесь к имени Пушкина. Но тема «Пушкин и сады Лицея», кажется, вас наиболее интересует.

— Действительно, это очень важная и очень непростая тема. Ведь лицейская лирика Пушкина своими мотивами тесно связана с царскосельскими садами. И царскосельские сады, и лирика Пушкина в значительной мере зависели от общих им поэтических «настроений эпохи», а само пребывание молодого поэта в «садах Лицея», несомненно, воздействовало на его лицейскую лирику.

Но вначале скажем, что же это такое — «сады Лицея», о которых Пушкин говорит в восьмой главе «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

Владимир Набоков, не говоря уж о других толкователях, не пошел в понимание слов «сады Лицея» дальше, чем, определив их, как «сады, примыкающие к Лицею». Но в понятии «сады Лицея» есть примечательные оттенки. Ведь сады были непременно принадлежностью лицеев и академий, начиная со времен Платона и Аристотеля.

Понимание «садов Лицея» как садов, традиционно связанных с учебными заведениями, садов Аристотеля и Платона, было живо и в представлениях царскосельских лицеев.

И. И. Пущин писал, вспоминая, как его отдавал в Лицей его дед: «Старик с лишком восьмидесятилетний хотел непременно сам представить своих внуков, записанных по его же просьбе в число кандидатов Лицея, нового заведения, которое самым своим названием поражаало публику в России, — не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали со своими учениками».

В пушкинских парках надо хранить эстетический идеал молодого Пушкина и живую память о нем.

Подумайте, Пушкин, женившись, поехал именно в Царское Село. Он хотел поделиться с Натальей Николаевной своими отроческими и детскими воспоминаниями, побродить с ней вместе у озерных берегов, это очень хорошо уловила Ахматова, именно у озерных берегов пейзаж-

ных парков. Эстетика пейзажных парков пронизывает поэзию Пушкина. Пушкин был связан не с регулярными парками, а именно с пейзажными.

— Природа царскосельских парков и пейзаж Михайловского — как они, казалось бы, столь различные, сосуществуют в поэзии Пушкина?

— Пушкин сознательно открыл природу в царскосельских парках, а затем перешел в русскую деревню. Простой русский пейзаж Пушкин знал еще в раннем детстве, в Захарове, но полное открытие русской природы в ее органической связи с русской деревней произошло именно в Михайловском и Тригорском. Вот почему они святы для каждого русского человека.

Природа Святых Гор (теперь Пушкинских Гор) служит как бы комментарием к многим стихам Пушкина, к отдельным главам «Евгения Онегина», освящена встречами здесь с его друзьями, с Ариной Родионовной, с крестьянами. Воспоминания о Пушкине живут здесь в каждом уголке. Пушкин и природа здешних мест в дружном единстве творили новую поэзию, новое отношение к миру, к человеку! Хранить природу Михайловского и Тригорского мы должны со всеми деревьями, лесами, озерами и рекой Соротью с особым вниманием, ибо здесь, повторяю, совершилось поэтическое открытие русской природы.

Пушкин, идя от природы России, постепенно открыл для себя русскую действительность.

Изменить что-либо в Михайловском и Тригорском да и вообще в пушкинских местах бывшей Псковской губернии нельзя, так же как и во всяком дорогом нашему сердцу памятном месте. Даже и драгоценная оправа здесь не годится, так как пушкинские места — это только центр той обширной части русской природы, которую зовем Россией.

В пушкинских местах сама тишина целебна. Поэтому я так люблю их поздней осенью или ранней весной.

— Дмитрий Сергеевич, мы говорили о местах, связанных с Пушкиным в Ленинграде и его пригородах, на псковской земле. Хотелось бы услышать ваше мнение о Москве, как здесь берегут память о великом поэте?

— Одним из значительных событий культурной жизни стало открытие мемориального музея Пушкина на Арбате. Мы давно мечтали о нем. Этот музей создавался долго и трудно, и вот, наконец, он открыт. Это замечательный подарок всем любящим русскую литературу, русскую культуру. А почему бы не создать Пушкинский театр, о котором мы говорили, в церкви Большого Вознесения, где венчался поэт? Для этого здание следует, не откладывая, освободить от арендующего его учреждения и передать театру, необходимость которого очевидна.

Говоря о пушкинской Москве, я не могу не сказать о человеке, который много сил вложил в создание мемориальной квартиры Пушкина на Арбате. Это Марк Михайлович Баринин. Незадолго до преждевременной кончины он стал директором Государственного музея А. С. Пушкина и всего себя отдавал служению памяти поэта. Писатель, журналист, моряк, он пришел к Пушкину уже в зрелом возрасте, и любовь его к русскому гению была действенной. В свое время именно с Марком Михайловичем делился я идеей создания в Москве Пушкинского парка. Действительно, есть в Москве в пределах Бульварного кольца в буквальном смысле пушкинский район. Определяется он не административными границами, а духовным содержанием. И рождается идея «Пушкинского парка», состоящего из нынешних бульваров, скверов, памятников архитектуры в арбатских и кропоткинских переулках.

Вместе с М. М. Барининым мы в 1982 году опубликовали в «Огоньке» материал, в котором поставили

вопрос о создании в Одинцовском районе Подмосковья Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Захарове и Больших Вяземах, где прошло его долицейское детство. Это одно из главных пушкинских мест в нашей стране, и стыдно сказать, в каком ужасном оно находится состоянии. И вот через четыре года я читаю в «Правде» изложение письма секретаря Московского обкома КПСС В. Борисенкова, в котором говорится, что «бюро МК КПСС дана принципиальная оценка недостатков в деле охраны и использования мемориала пушкинских мест в Одинцовском районе... В настоящее время все вопросы, связанные с созданием Государственного Пушкинского музея-заповедника, находятся на рассмотрении в компетентных организациях». Прекрасно, что наконец-то сдвинулось решение вопроса о приведении в порядок пушкинского Подмосковья. Но кто виновен в годах проволочек, за которые многое безвозвратно утеряно, искажено, уничтожено, несмотря на то, что в августе 1982 года Захарово принято на государственную охрану? Руководители Московской области давно и хорошо знали о том, что творится в Захарове и Больших Вяземах, об этом на протяжении многих лет бьют тревогу центральная пресса и телевидение, — и только сейчас решили поставить вопрос о заповеднике. Кстати, как следует из той же публикации в «Правде», решение этой проблемы предполагается половинчатое, на первом этапе пушкинские места становятся филиалом Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея. Почему? Для Звенигородского музея пушкинская тема чужда, не проще ли и, главное, целесообразнее организовывать пушкинский заповедник в Подмосковье как естественную составляющую Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, придав ему, конечно, соответствующие полномочия, штаты, средства? Это было бы государственное, разумное решение проблемы, а не попытка случайного, поспешного выхода из критической ситуации. Во многих городах, в том числе и Ленинграде, такие объединенные музеи прекрасно работают. К тому же Захарово и Вяземы, связанные с детством поэта, должны быть по преимуществу музеями молодежи. И здесь должна быть расположена Летняя Пушкинская школа, путевки в которую должны получать дети, решившие серьезно заниматься творчеством Пушкина.

— Мы беседуем с вами, Дмитрий Сергеевич, в канун печальной годовщины — 150-летия со дня гибели А. С. Пушкина. Те конкретные проблемы, которые мы затронули, не уведят ли в сторону от высокой и чистой темы осознания значения Пушкина для нас и наших потомков?

— Давно пора научиться не отрывать слов от дел. Я не помню времени, когда бы не говорили о любви к Пушкину, но, и я не раз уже это повторял, любовь должна быть действительна: каждый юбилей, особенно такой, какой мы отмечаем в февральские дни 1987 года, заставляет подвести некоторые итоги, собраться, сосредоточиться для движения вперед. В делах и планах сегодняшнего дня живет будущее, вот почему мы и в юбилейные дни говорим о делах. Ведь скоро великая годовщина — двухсотлетие со дня рождения Пушкина. Пусть же нашим подарком любимому поэту, и себе, и детям, и внукам, потомкам нашим будут приведенные в порядок пушкинские места, новые издания его книг, Пушкинский театр, достойные музеи поэта... Я верю, нет, я уверен, что это будет один из краеугольных камней нравственного и патриотического воспитания подрастающего и грядущих поколений.

Беседу вел Д. ЧУКОВСКИЙ.

ОСОВРЕМЕНЕННАЯ ПУШКИНЫМ

К сожалению, до нас дошли не все дневники П. Лукницкого. В 1942 году немецкий тяжелый снаряд разорвался в квартире Павла Николаевича, уничтожив часть его архива. Навсегда исчезло немало бесценных материалов, в том числе и «ахматовских». Перед нами часть того, что осталось. Пушкин постоянно открывался Ахматовой все новыми и новыми гранями своего исполнительского творчества — хрустального, прозрачного, простого, музыкального, чистого... Крупницы ее изысканий — в дневниках Лукницкого.

Из дневника. 29—30.06.1927

Вот сейчас она при мне нашла «слово» для выражения ее понимания методов творчества Пушкина. Творчество Пушкина — горн, переплавляющий весь материал, которым Пушкин пользуется. Например, когда он пользуется материалом иностранных авторов. После «переплавки» получается нечто совершенно новое — чисто пушкинское. Попадаются, правда, иногда непереплавленные зерна, но это еще больше украшает, придает прелести. Батюшков, вообще все современники Пушкина не переплавляют материала, а только ставят его в тепленькую печь, подогревают, чуть-чуть обновляют, но не меняют состава — он остается тем же. (Пример — «послание к Хлое» — Батюшкова ак. изд. 1-й том. Кстати, перевод из Вольтера — чего не знали академики — см. акад. изд.)

7.06.1927

О гении (в частности, Пушкине).

Гений — захватчик. Он собирает, выхватывает отовсюду слова, сравнения, образы и т. п. — самые простые и даже иногда никем не замечаемые, но — лучшие. Он берет их — они до того, как он взял их, — ничье достояние, они в свободном обращении всюду. Каждый может их произнести. Но когда гений их возьмет, он их так пронизывает, что они становятся неповторимыми. Он накладывает на них свое клеймо. Они становятся его собственностью, и никто не может их повторить, и если б кто-нибудь захотел повторить их — он не мог бы сделать этого, — ему запрещено. На них клеймо гения.

Сейчас от гения Пушкина никто не страдает. Прошло достаточно времени. Накопились новые словесные богатства. Но каково было поэтам, которые должны были работать непосредственно после Пушкина и Лермонтова! Словесные богатства были расхищены Пушкиным, Пушкин был опустошителем.

Конечно, это — одна сторона медали. Стоит только повернуть медаль, чтоб увидеть другую сторону ее: Пушкин открыл дорогу для новых изысканий. Пушкин принудил следующих за ним поэтов искать новые пути. В этом — благодатная роль гения.

А разве Блок не наложил своего клейма на многое из современных словесных богатств?

Началось это с поисков не только книжных примеров, испытанных Пушкиным влияний мировых классиков — Шенье, Шелли, Байрона и других, но и с «самовлияний», когда настойчиво звучавшее в мозгу Пушкина слово, привлекавший его образ не отступали от него и возникали все в новых и новых его произведениях... Ахматова уже не могла ограничиваться известными, даже лучшими переводами изучаемых ею поэтов, все необходимой становится ей обращение к подлинникам... Ей нужно было вчитываться в подлинные тексты, ей нужно было знать итальянский язык для Данте, французский — для Шенье, английский — для Байрона, немецкий, даже испанский... Некоторые из этих языков она знала неплохо, другими почти или совсем не владела. На ее столе появились учебники, грамматики, словари... Чаше становились встречи с теми пушкинистами, которые представлялись Ахматовой наиболее даровитыми, знающими, авторитетными. Хорошим пушкинистом она считала Томашевского. Иных из пушкинистов и поверхностные методы их работы она полностью отвергала.

Некоторые из пушкинистов вначале к занятиям ее тоже относились скептически, с недоверием, даже с плохо скрываемой недоброжелательностью. Она постепенно побеждала их остротой, проникновенной мыслью, неопровержимыми доказательствами, бесспорностью найденного ею умозаключения.

Ахматова и Пушкин.
Тема поистине неисчерпаемая.
Ее размышления о Пушкине поражают пронизательностью и точностью проникновения в тайны гения.
Встречаясь с Ахматовой в 1920-х годах, молодой литератор Павел Лукницкий подробно записывал разговоры с ней, ее суждения о литературе, в том числе и о Пушкине.
Его дневник, отрывки из которого публикуются ниже впервые, донес живой голос Ахматовой, размышляющей о Пушкине.

Из дневника. 26.10.1925.

Рассказывает о вчерашнем обеде у Замятиных¹.

За столом заговорили о Пушкине. АА² убедилась, что никто из присутствующих Пушкина не знает. Заспорили о том, был ли Пушкин религиозным или нет? Так как никто Пушкина не знал, из спора ничего не выходило. Каждый застрял на своей первой фразе и поминутно к ней возвращался, не зная, как продолжать дальше. Наконец АА не выдержала и процитировала строки, что Пушкин был религиозным.

Мне АА говорила по этому поводу, что этот вопрос — очень трудный. И она не берет на себя смелости ответить на него. Но ей кажется, что Пушкин был религиозным. Может быть, не православного склада, не церковником, но во всяком случае — религиозным. А стихи — противоположного порядка — большей частью или шуточного характера, или навеяны французскими настроениями XVIII века.

Заговорили о Пушкине. АА говорит о нем с пиеетом. Я спросил, какое стихотворение она больше всего любит. АА сказала, что вопрос этот трудный и, пожалуй, — наивный. Сказала, что лучше назовет то, что она не любит у Пушкина. Первым по порядку назвала «Черную шаль»... Это, во-первых, перевод, во-вторых, вообще неудачная вещь (не любит поэтому, а не потому, что ее затаскали). Затем — «Гусар» — этот реализм (такой) вообще противоречит Пушкину...

АА задумалась, вспоминая, что она не любит у Пушкина... «Кажется, и все»... Но вспомнила: «Под вечер, осенью ненастной»... Вот эти три вещи АА не любит, а все остальное, все, особенно последнего времени, — и АА не нашла слова, чтоб выразить величие пушкинской поэзии. Я заговорил о «Заклинании», и АА задумчиво повторила — «поразительное стихотворение».

Сегодня в «Красной газете» напечатано письмо Пушкина к Хитровой. Я сказал об этом АА. Она сказала, что к Хитровой Пушкин относился иронически. «Она была лет на 30 старше его и очень к нему приставала»... — «Но дочь Хитровой»... — «Вы знаете ее?» Я: «Знаю». — «Назовите ее фамилию». Я смолк со стыдом. — «Вот у Замятиных вчера тоже никто не знал о Пушкине».

«Правда, Замятин не производит впечатления человека, у которого в божнице мог бы быть Пушкин?» — сказала АА <...>

30.11.1925

Вчера (или позавчера?) у Замятиных: там были Тынянов и Вас. Каменский. АА говорила о книжке Эйхенбаума «Лермонтов», желая узнать его мнение, и вообще о поэтических влияниях. АА, конечно, ничего не сказала ему о своей работе, но нащупывала его мнение о таких работах вообще. Вас. Каменский рассказывал о своей новой пьесе — о Пушкине... АА с юмором рассказала мне, с какой трогательной наивностью Каменский говорил о Пушкине, об Арине Родионовне и ее сказках и т. д. АА сказала, что Каменский, вероятно, плохо знает литературу о Пушкине, если хочет так легко изобразить жизнь Пушкина в пьесе. Если бы он знал, сколько знают о Пушкине, он, вероятно, не решился бы писать такую пьесу.

6.12.1925.

Я заговорил о статье в «Красной газете» — «Кто истинный виновник смерти Пушкина»...

Не читала. Улыбнулась: «Николай 1-й». — «Нет, Нессельроде...»

Но она обо всем этом прекрасно знает...

5.02.1926.

Вчера вечером и ночью, бессонничая, читала Пушкина (по Ефремовскому изданию, которого раньше не знала). Сегодня утром перечитывала Полтавский бой.

Восхищаясь Пушкиным, сказала:

«Пушкин такой прозрачный... и кажется, что он не умеет стихи писать!»

18.04.1926

АА говорит мне, что читала вчера Шенье (Шилейко³ купил вчера для себя томик. А тот, который принадлежит АА, — сейчас у меня)... АА обнаружила в нем места, совершенно явно использованные Пушкиным, Баратынским, Дельвигом... Но некоторые известны уже исследователям, а другие еще никем не подмеченные. Так, из Шенье взяты строчки: «не трогайте... вострушки. Не трогайте парнасского пера» (Баратынский), только у Шенье тон гораздо серьезней в данном случае... И другое место АА цитировала из Пушкина:

¹ Писатель Е. И. Замятин и его жена, подруга Ахматовой, Л. Н. Замятина.

² Так Лукницкий называет в дневнике Ахматову.

³ В. К. Шилейко — известный ученый-востоковед.

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной...

И голос, тихий, внятный, гортанный голос АА, вибрировал пушкинскими стихами в мягком, глушащем весеннем воздухе. АА лукаво взглянула на меня: «Все, все — и Пушкин и Баратынский брали у него!» И затем заговорила о том, что теперь уже много выясняется в области взаимодействий одного поэта на другого, того, о чем десять лет тому назад и не задумывались просто: что, вероятно, изменится взгляд на сущность поэтического творчества. Такое исследование, какое сделал Эйхенбаум над Лермонтовым, сейчас звучит почти как укор Лермонтову: «Никто не пользовался чужими стихами, а он один это делал!» В действительности же не он один, Лермонтов, — все это делали, но исследован только один Лермонтов. Теперь все занялись исследованиями и над другими поэтами, и в скором времени, конечно, многое узнается и выяснится... И, конечно, не попрекать поэтов этими заимствованиями придется, а просто изменить взгляд на сущность поэтического творчества. Оно будет пониматься иначе, чем понималось до сих пор и лет десять тому назад, например <...>

19.05.1926.

Ехали на извозчике. Читала на память Шенье. Сказала, что любит из Шенье его тюремные стихи и ямбы, а совсем не то, что любил Пушкин. «Если б кто-нибудь знал, как я не люблю Парни!»

4.07.1926

<...> АА помнит наизусть «Плач Ярославны». Очень любит «Слово о полку Игореве».

Сегодня читала Жуковского, наткнулась на подражание «Плачу Ярославны» — буквальное. Жуковский легоньким размером, обрубленными, короткими строчками перелагает <...>

«Я не ищу, я нахожу», — сказал Пикассо в письме, в этом году. Так вот, Пушкин не ищет. Он всегда только находит. И когда он подражает — он делает лучше того, кому подражает. Но когда подражают слабые поэты более сильным — это бывает отвратительно, — таков пример с Жуковским.

Пушкин, милый... Черное лицо — такое!

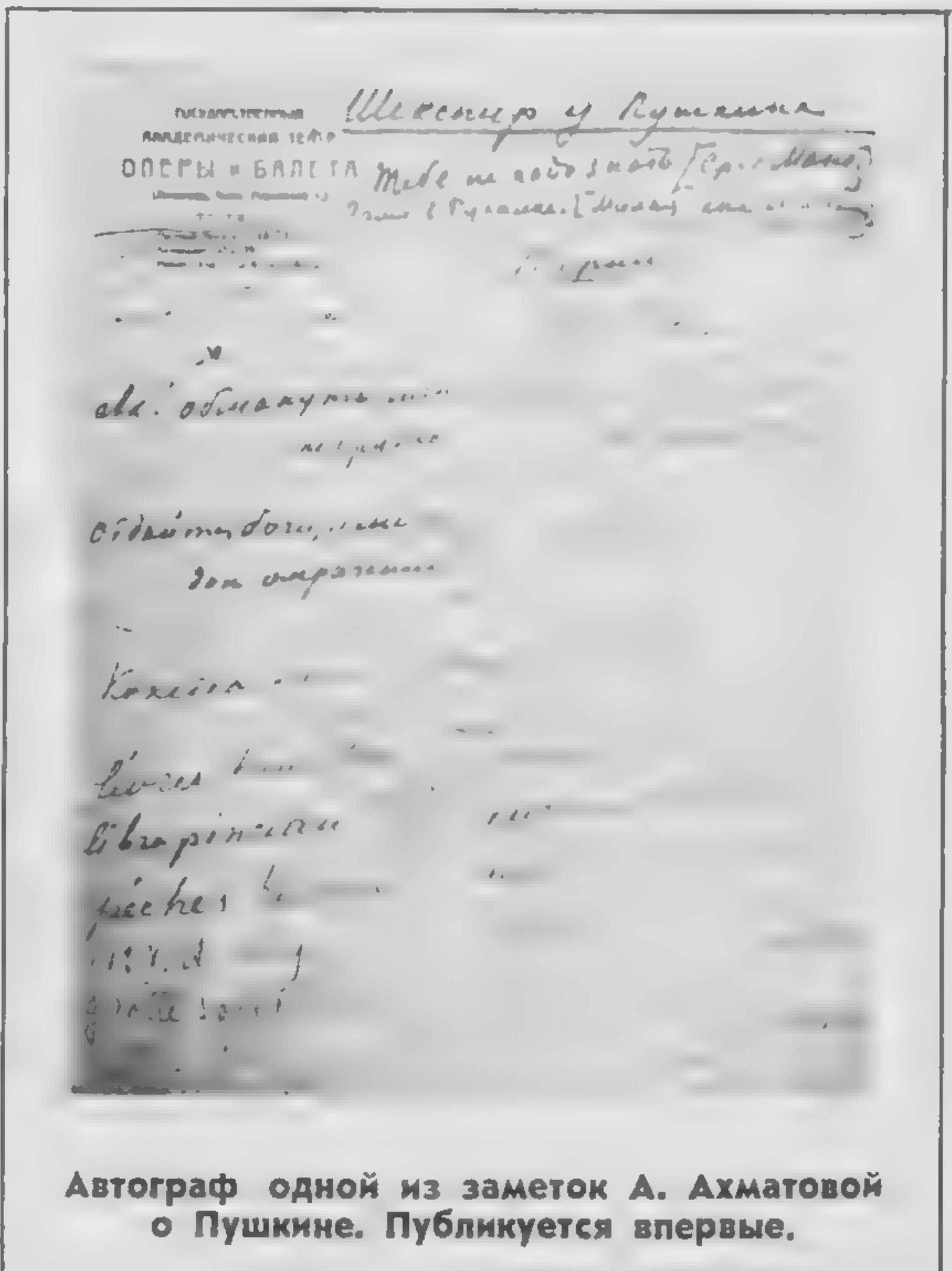
9.07.1926.

Вечером была у меня. С ней вместе вошел Ш., пришедший к папе. Сидела у меня — читала «Поэтическое хозяйство Пушкина» — Ходасевича <...>

АА не понимает, почему так ругали эту книжку. Книжка — ценная, во всяком случае, несмотря на все свои недостатки... Во всяком случае — это точная наука, а не рассуждения вроде «Тип Татьяны как русской женщины», или Айхенвальд¹.

Книга довольно небрежно сделана, но оправданием этому может служить и то, что она писалась в тяжкий год и что не было под рукой исчерпывающих материалов и пр. Ходасевич — умный и тонкий человек.

¹ Ю. И. Айхенвальд — известный критик и литературовед.

Автограф одной из заметок А. Ахматовой о Пушкине. Публикуется впервые.

30.04.1927

Вчера Тырса¹ подарил АА маленький, красивый томик стихотворений Вольтера. АА сегодня и вчера, после ухода Тырсы, читает его и делает находки <...>

К работе по Пушкину АА прочла целиком Шенье, Вольтера, Гросса, Парни и много других французских — не целиком.

АА очень хорошо — превосходно знает Батюшкова. О Жуковском говорит, что плохо его знает. АА, кажется, не любит Жуковского.

4.05.1927.

Сказала, что до конца, ни на секунду не сомневаясь, уверена: если бы Пушкину предложили на выбор — или первое: не ковыряться в его интимных отношениях с Нат. Ник. Гончаровой, потребовав с него за это полного отречения от всей литературы, деятельности, отказаться от всего, что он написал, или — второе: сделать все так, как случилось с Пушкиным, т. е. Пушкин — великий поэт, и исследователи ковыряются бесстыдно в его интимной жизни, — Пушкин не задумываясь выбрал бы первое: отречься бы от всего, что написал, чтоб только умереть спокойно, в уверенности, что никто никогда не будет ковыряться в его интимной жизни — с радостью согласился бы умереть в полной безвестности.

Ухожу от АА, чтоб вечером прийти опять. Дома звоню по просьбе АА к Гуковским, я передаю им, чтоб они вечером зашли к АА, звоню и Ю. Н. Тынянову, чтобы спросить у него об известных ему примечаниях к 4-й главе Евг. Онегина, — в отношении влияний на Пушкина, — потому что АА уверена, что влияние на эту главу Шенье — известно <...>

Гуковский остался доволен. Он заявил, что все заключения АА очень убедительны, но что талантливее всего, всего неожиданней и интереснее — ее открытие влияния Шенье в Борисе Годунове <...>

20.05.1927.

О праве поэта (вообще творца) уничтожать те письма, те сведения, касающиеся его биографии, которые он не считает нужным отдавать «миру». Долгий разговор с АА.

«Интересно ведь: биографы Пушкина говорят, что он был легкомысленным. По сравнению с кем? — спросить их. Они упрекают изучаемых поэтов в том, что те что-то скрыли от потомков. А сами — ничтожества — не думают о том, чтоб оповещать мир о своих интимных тайнах <...>

Священное право каждого человека — иметь свои тайны и не желать их опубликования».

20.11.1927.

АА на основании всех своих исследований в Пушкине делает следующий вывод:

1. В тех случаях, когда у Пушкина какой-нибудь прием (образ, сравнение, эпитет и т. д.) попадает часто в виде автореминисценции (то, о чем пишет Ходасевич в «Хозяйстве»), когда Пушкин цитирует самого же себя, по несколько раз, — на протяжении ряда произведений, можно почти всегда с уверенностью сказать, что ряд того или иного момента (например, одного и того же излюбленного эпитета или сравнения) всегда приводит к источнику — всегда взят из какого-нибудь другого автора.

2. У Пушкина — в больших произведениях (особенно в Онегине), ибо Онегин — это басейн, куда стекаются все излюбленные Пушкиным приемы и моменты («куски»), всегда имеются «сгустки». В ответственных местах, в тех описаниях ли, эпитетах ли, образах, сравнениях, которые больше всего отвечают... (Пушкину)... Пушкин пользуется этими «сгустками» — этими испытанными и излюбленными их местами, взятыми из других авторов. Пушкин умеет так хорошо подчинять их себе, что они совершенно сливаются с остальным текстом, он так хорошо прикладывает и сливает эти куски с остальным текстом, что места спайки нельзя найти — (за 100 лет никто не заметил же их!), — и произведение получается цельное и однородное — как цветок, — неразложимое на составные элементы. В мелких произведениях — это тоже есть, но заметить их, а также доказать правильность заключений гораздо труднее.

Вот два основных, главных и, собственно говоря, единственных вывода, какие делает АА на основании своих исследований. Выражены мною здесь они очень неточно и грубо — АА говорила гораздо тоньше, но, мне кажется, основной смысл слов АА в этой записи не искажен.

Публикация В. ЛУКНИЦКОЙ.

¹ Н. А. Тырса — советский художник-график.

Признаюсь, больше всего меня поразило, что pistols, которые участвовали в роковой дуэли Пушкина с Дантесом на Черной речке, находятся сейчас во Франции, в «Почтовом музее» небольшого городка Le Haut-Chantier Limeray. Пятьдесят лет назад они были выставлены в Париже на организованной знаменитым русским танцором, балетмейстером и коллекционером Сергеем Михайловичем Лифарем выставке «Пушкин и его эпоха», а в 1952 году проданы в «Почтовый музей».

История и судьба пушкинских реликвий, рукописей, книг и автографов за рубежом — тема очень широкая, часто тяжелая, но исключительно важная. Все, что связано с нашим великим национальным поэтом, является частью отечественного культурного наследия. И потому поиск «зарубежной Пушкинианы», возвращение на Родину пушкинских реликвий — задача благородная и чрезвычайно актуальная.

Об этом мы беседуем с доктором искусствоведения, лауреатом Государственной премии СССР

И. С. Зильберштейном, инициатором, создателем и бессменным редактором уникального «Литературного наследия», автором цикла научно-художественных очерков «Парижские находки. Эпоха Пушкина», исследователем русской культуры XIX и XX веков.

И. С. Зильберштейну удалось разыскать за границей и вернуть на Родину, в государственные архивы и музеи, тысячи рукописей, документов, акварелей выдающихся деятелей русской культуры. Но во всех поисках и странствиях неутомимого ученого прежде всего интересовали материалы, связанные с Пушкиным.

А. С. Пушкин.
Рисунок
Ж. Кокто.
1937 год.

Афиша
организованной
С. М. Лифарем
пушкинской
выставки
в Париже.
Рис. Ж. Кокто.

Письмо
А. С. Пушкина
Н. Н. Гончаровой.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор
искусствоведения

ПУШКИНИАНА

Лучшее из известных мне пушкинских собраний за границей, безусловно, принадлежало С. М. Лифарю. Пушкин был его кумиром с детских лет, а оказавшись за границей, Сергей Михайлович стал увлеченно и настойчиво собирать Пушкиниану. Так организовалась его чудесная коллекция. Я много раз встречался с Лифарем, посетил его в Лозанне прошлой осенью, когда он уже был тяжело болен и жить ему оставалось всего несколько месяцев. Мы давно и активно переписывались. И всегда, и в письмах, и в беседах, мы говорили о том, что необходимо, чтобы пушкинские реликвии вернулись домой, в Советский Союз. Сам Лифарь мечтал об этом.

— А какие наиболее интересные материалы были в коллекции С. Лифаря?

— О, Сергею Михайловичу принадлежали настоящие жемчужины. Во-первых, это, конечно, автографы писем Пушкина к невесте, Н. Н. Гончаровой. Наталья Николаевна бережно хранила письма Пушкина, а после ее смерти они перешли к их младшей дочери, графине Н. А. Меренберг, той самой, что в молодости была необычайно хороша и похожа на отца. В 1877 году графиня Меренберг передала их И. С. Тургеневу для публикации в «Вестнике Европы», где они и были напечатаны. Сыновья Пушкина так возмутились бестактной, по их мнению, публикацией семейных писем, что намеревались ехать в Париж, чтобы «поколотить» Тургенева.

Через некоторое время графиня Н. А. Меренберг передала письма отца к матери в Румянцевский музей, а письма Пушкина к невесте Н. Н. Гончаровой, кроме двух, различными путями оказавшихся в Пушкинском Доме, хранились у дочери графини Меренберг, графини Торби, вышедшей замуж за великого князя Михаила Михайловича. Вот эти письма и оказались впоследствии у Лифаря.

— Но вначале их приобрел Дягилев?

— Совершенно верно. С. П. Дяги-

лев, замечательный деятель русской культуры XX века, основатель творческого содружества и художественного журнала «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже, был и страстным, увлеченным, компетентным коллекционером. Страсть Дягилева к собирательству послужила для Лифаря, его ученика и друга, отправной точкой в его собирательстве. Вот как сам Лифарь рассказывал историю приобретения Дягилевым пушкинских писем.

И. С. Зильберштейн открывает подаренную ему автором книгу С. Лифаря «Моя зарубежная Пушкиниана», вышедшую в Париже в 1966 году.

— С. Лифарь писал: «В 1929 году Дягилеву удалось сделать, наконец, то приобретение, которое позже положило начало и моему активному «пушкинианству». В зимнем сезоне 1928 года мы давали балетные спектакли в Монте-Карло, и здесь, на Лазурном берегу, на одном из благотворительных спектаклей в Каннах, 30 марта я познакомился с устроительницей этого спектакля — леди Торби. Для меня эта светская дама — жена великого князя Михаила Михайловича — была интересна главным образом тем, что она была... родной внучкой Пушкина. С Дягилевым леди Торби была исключительно любезна, к тому же он ее совершенно очаровал. Она рассказала ему, что хранит у себя неоценимое сокровище — письма своего великого деда к ее бабушке, тогда его невесте — Наталии Николаевне Гончаровой, от которой к леди Торби и перешли по наследству эти письма. Леди Торби прибавила, что после того, как она вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича и ему за этот брак было запрещено государем жить в России, она поклялась, что не только она сама, но и принадлежащие ей письма ее деда никогда не увидят России. Слово свое она крепко держала. Еще до революции российская Академия наук неоднократно командировала своих представителей в Англию — леди Торби их не принимала. Писал ей и быв-

ший президент императорской Академии наук великий князь Константин Константинович, убеждая внучку Пушкина передать России русское достояние. Рассказывая об этом, графиня Торби возмущалась:

— Константин Константинович смел мне писать, что я обязана передать в их академию мои письма, что они не мои, а их, так как они чтут память великого поэта, который принадлежит не семье, а всей стране. Хорошо же они чтут память великого поэта: за то, что великий князь женился на внучке чтимого ими Пушкина, они выгоняют его из России, как будто он опозорил их своей женитьбой!

И тут же леди Торби обещала завещать Дягилеву для его коллекции один из этих бесценных автографов.

— Вы будете иметь его скоро, — прибавила она. — Мне недолго осталось жить.

Предчувствие не обмануло ее: она умерла через несколько месяцев после этого разговора, произведшего на Дягилева очень большое впечатление. Он стал буквально бредить этим письмом и поставил себе целью иметь его. В следующем году, уже совсем незадолго до своей смерти, он добился своего... Ему отчасти помогло то, что великий князь Михаил Михайлович, в распоряжении которого остались письма после смерти жены, в то время нуждался, постоянно болел и плохо разбирался в чем бы то ни было.

— Мне мои дочери не помогают и держат меня в черном теле, — говорил он Дягилеву. — Я уступаю вам, Сергей Павлович, все письма Пушкина. Мне не хватает на «красненькое»... Вы только ничего не говорите моим дочерям...»

— Дягилев получил эти письма в конце июля, тут же со свойственной ему энергией стал строить проекты об их издании, — продолжает рассказ И. С. Зильберштейн, — но внезапно 19 августа он умер в Венеции. Его библиотеку и коллекцию выкупил С. М. Лифарь. Для того, чтобы заработать достаточно денег для вы-

купа коллекции, Лифарь провел чудовищно напряженный сезон, танцуя в Лондоне и Парижской опере. «Средства на приобретение дягилевского архива и библиотеки я зарабатывал «ногами», — шутил он, признаваясь, что боялся только одного — как бы не вывихнуть ногу, ибо, не уплатив даже один взнос в течение года, он терял право на все, в том числе и на пушкинские автографы.

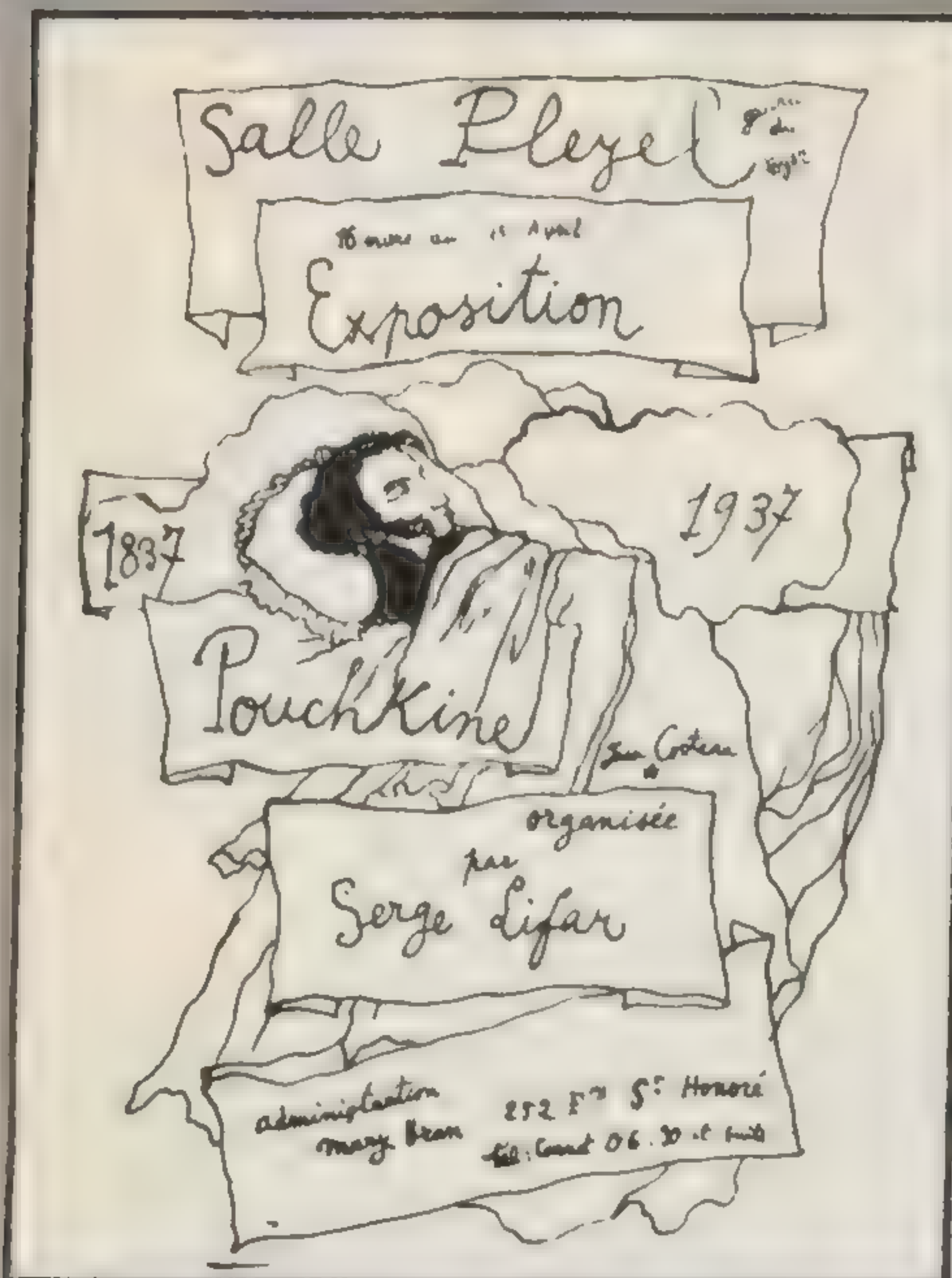
Так было положено начало коллекции, которую сейчас мы с полным правом можем назвать «Пушкиниана Сергея Лифаря».

— В ней были не только автографы Пушкина?

— Нет, хотя автографы составляли, пожалуй, наиболее ценную часть собрания.

Например, Сергею Михайловичу удалось приобрести у одного парижского антиквара тетрадку с написанным рукой Пушкина «Предисловием» к «Путешествию в Арзрум». Эта тетрадка была представлена Пушкиным в цензуру. С. Лифарь опубликовал факсимильно эту рукопись в изданной им в 1934 году в Париже книге «Путешествие в Арзрум», а затем подарил бесценный автограф Пушкинскому Дому в Ленинграде. А в 1961 году, приехав в Советский Союз, Сергей Михайлович передал в Пушкинский Дом «Подорожную» Пушкина, разысканную им у букиниста на набережной Сены. Ну не чудо ли найти в Париже в середине XX века такой документ:

«По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского и прочая и прочая и прочая. Показатель сего, Ведомства Государственной коллегии иностранных дел Коллежский Секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к Главному Попечителю Колонистов Южного края России, г. Генерал-Лейтенанту Инзову, почему для свободного проезда сей паспорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге Мая 5 дня 1820 года. Граф Несельроде. У сего Его Императорского Величе-

С. М. Лифарь с дуэльным пистолетом, бывшим на пушкинской выставке в 1937 году в Париже. Фото 1937 года.

СЕРГЕЯ ЛИФАРЯ

ства Государственной Коллегии иностранных дел печать. Секретарь Яковлев. № 2295».

— А теперь, Илья Самойлович, мы переходим к вопросу непременному, но который прояснить необходимо: почему, несмотря на не раз высказанные С. Лифарем пожелания, его пушкинское собрание не вернулось на Родину? Со стороны коллекционера ясно видно стремление, даже энтузиазм, он, безусловно, желал передать в Советский Союз свои пушкинские реликвии. Что же этому помешало?

— Все началось в 1964 году. Я опубликовал в газете «Голос Родины» обращение к русской эмиграции с призывом присылать на Родину различные литературные материалы, архивы, художественные ценности для их изучения, публикации, экспонирования. Первым и очень быстро откликнулся С. М. Лифарь. Он писал в редакцию «Голоса Родины»: «Статью И. С. Зильберштейна я прочел с огромным интересом. Его научные труды по литературе мне знакомы. Они всегда глубоки по мысли и вносят новые и светлые лучи в историю русской литературы. Его призыв к русской эмиграции с просьбой присылать на Родину русские художественные ценности, всевозможные литературные материалы, архивы для изучения, сохранения, напечатания, безусловно, заслуживает внимания и отклика...»

Так завязалось наше знакомство с Сергеем Михайловичем. То, что вернулся он в Россию, неоспоримо. Это и картина Лермонтова, и альбом балерины Тальони, и пушкинские автографы, о которых мы говорили... Но... главное все же осталось теперь у наследников Лифаря и окажется ли когда-нибудь на Родине — неизвестно. Все дело в том, что Сергей Михайлович Лифарь был человеком старого закала и ожидал за свою деятельность по собиранию и возвращению на Родину реликвий отечественной культуры элементарного внимания и благодарности. Он мечтал поставить на сцене Большого театра несколько своих балетов, особенно «Федру». Ему отказали. Абсурд — один из круп-

нейших балетмейстеров мира предлагает осуществить постановку балета, в признательность за это готов передать государству автографы Пушкина, а мы будто не слышим. Посылая мне в ноябре 1975 года каталог дягилевской русско-славянской библиотеки, с которой Лифарь вынужден был расстаться, он писал мне: «Мою зарубежную Пушкиниану и дягилевские архивы мне удалось сохранить. А что дальше?.. Москва молчит!.. Как «Сфинкс»...» А ведь «Огонек» еще в 1970 году напечатал мою статью «Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры», посвященную поискам и находкам С. М. Лифаря.

Сколько же потеряла наша культура из-за чиновничьего равнодушия, некомпетентности, перестраховки! С. М. Лифарь мечтал и о Музее личных коллекций, который по моей инициативе должен был быть создан в Москве. Он готов был передать туда жемчужины своего собрания. Но, несмотря на все решения, постановления, обещания, даже дом для Музея личных коллекций в Москве освободить не могут. Музей остается пока на бумаге, а мы теряем и теряем наше национальное достояние. Зарубежные друзья и соотечественники готовы, я это хорошо знаю, передать в Советский Союз ценнейшие вещи, документы, произведения искусства, но они хотят, чтобы эти реликвии были доступны людям и хранились как единое целое, а не пылились в безвестности в запасниках.

— Печально, что так происходит. Мы забываем хорошие примеры, которые были раньше в нашей стране. Достаточно вспомнить судьбу зарубежного пушкинского собрания А. Ф. Онегина. Он основал свой знаменитый пушкинский музей в 60-х годах прошлого столетия в Париже. К началу XX века это уже было выдающееся собрание. В 1907 году был поднят вопрос о приобретении для Пушкинского Дома музея А. Ф. Онегина. В трудном и сложном деле участвовали руководители императорской Академии наук, министры, ученые. Цель была одна — приобретение для государства пушкинских реликвий. И цель была

достигнута. В 1909 году был подписан договор, по которому А. Ф. Онегин, оставаясь пожизненным хранителем собрания, уступил его в собственность Академии для Пушкинского Дома. Свершилась революция, прошла гражданская война, и наконец вспомнили о Пушкинском музее в Париже. В 1922 году во Францию направился представитель Пушкинского Дома и убедился (а вокруг собрания Онегина после революции витало много слухов и домыслов), что, несмотря на все трудности и лишения, А. Ф. Онегин не только сохранил, но и преумножил свое собрание для России. После его кончины все материалы Пушкинского музея поступили в Пушкинский Дом.

Это ли не пример того, как должно сотрудничать с собирателями, пример, который не стал, а должен был стать правилом, государственной политикой по сохранению и возвращению на Родину культурных ценностей.

Быть может, теперь, когда создан Советский фонд культуры, членом президиума правления которого вы, Илья Самойлович, являетесь, положение изменится?

— Я бы хотел надеяться на это. Но для начала надо незамедлительно открыть Музей личных коллекций. Уже есть десяток предложений о передаче замечательных памятников культуры в этот Музей, «наш Музей», как пишут мне русские коллекционеры из-за рубежа, а дело по его созданию не движется. Перестройка в сознании бюрократов, я убеждаюсь, невозможна. Следует просто освободиться от тех, кто мешает нашему движению вперед, сознательно тормозит архиважное государственное дело.

— Следующий вопрос, наверное, фантастичен, но как, по-вашему, выглядел бы пушкинский зал С. М. Лифаря в Музее личных коллекций? Что бы увидел там посетитель?

— Об автографах Пушкина мы уже говорили. К перечисленным можно было бы добавить автографы двух строф «Евгения Онегина», письмо Пушкина А. И. Беклешовой и другие. В собрании Лифаря находился уникальный прижизненный миниатюрный портрет Пушкина, приписываемый Тропинину (некоторые исследователи предполагают, что его автор А. П. Елагина), портреты родителей Натальи Гончаровой, печать Пушкина с его родовым гербом, его расшитый бисе-

ром кошелек, один из вариантов картины Чернецовых «Пушкин в Бахчисарайском дворце», автографы Державина, Лермонтова, Глинки, Вяземского, множество других уникальных эпистолярных материалов и документов, картин, рисунков, гравюр.

Боюсь, что многие из этих реликвий утеряны теперь для нас безвозвратно. У наследников С. М. Лифаря, кажется, нет его патриотической идеи передать пушкинское собрание в Музей личных коллекций, которой был когда-то вдохновлен Сергей Михайлович.

— Перспективен ли дальнейший поиск зарубежной Пушкинианы?

— Безусловно, я уже писал о том, что за границей можно найти очень много материалов, связанных с историей русской культуры и общественной жизни, и с Пушкиным в частности. Мне самому посчастливилось вернуть на Родину немало таких материалов. В заключение как пример приведу одну из историй поиска пушкинских реликвий, о которой неоднократно рассказывал С. М. Лифарь.

«В конце 1922 года советский торговый представитель в Париже М. И. Скобелев получил из Константинополя от некоей Елены Александровны Пушкиной, называвшей себя внучкой поэта (она действительно была дочерью сына поэта Александра Александровича), письмо, в котором предлагала приобрести у нее гербовую печать Пушкина и некоторые другие реликвии деда. М. И. Скобелев передал это письмо М. Л. Гофману, который незадолго до того приехал в Париж в качестве официального представителя российской Академии наук, командированного для переговоров о приобретении Пушкинского музея у известного коллекционера А. Ф. Онегина. М. Л. Гофман вступил в переписку с Е. А. Пушкиной, которая в то время уже вышла замуж и стала по мужу Розенмайер. В одном из своих писем она перечисляла имеющиеся у нее реликвии и, между прочим, писала:

«Что касается до имеющегося не-

известного дневника (1100 страниц) и других рукописей деда, то я не имею права продавать их, так как, согласно воле моего покойного отца, дневник деда не может быть напечатан раньше, чем через сто лет после его смерти, то есть раньше 1937 года».

М. Л. Гофман, как пушкинист, знал, разумеется, о поисках неизданной части дневника и мог по достоинству оценить сенсационность этого открытия. После целого ряда перипетий ему удалось получить необходимые средства на поездку в Константинополь (от А. Ф. Онегина, пообещав ему передать в его музей найденный дневник), и он отправился в далекую Турцию с целью убедить Е. А. Пушкину-Розенмайер передать ему драгоценный манускрипт.

Увы, поездка Гофмана в Константинополь окончилась полной неудачей. Вместо самой внучки Пушкина Гофману пришлось говорить с ее мужем, офицером Розенмайером, который ему заявил:

— С неизданным дневником произошло недоразумение. Елена Александровна никогда не собиралась и не собирается передать дневник своего деда.

Это противоречило письму Е. А. Пушкиной-Розенмайер к Гофману, в котором она после длительной переписки наконец соглашалась передать дневник и просила «поторопиться с приездом в Константинополь, так как они собирались уезжать в Африку» и она хотела передать дневник Гофману, как представителю Пушкинского Дома.

Никакие уговоры и доводы не действовали, муж внучки Пушкина был непоколебим. Когда же Гофман заметил ему, что неосторожно везти такую драгоценность с собой в Африку, Розенмайер заявил:

— Не беспокойтесь. Дневник находится в очень надежном, безопасном месте.

На этом фиаско и закончились поиски Гофмана. Возобновил эти поиски, увы, тоже безуспешно, я.

В 1935 году я был поглощен организацией пушкинской выставки, которая должна была состояться в Париже в столетнюю годовщину смерти поэта, и собирал повсюду экспонаты. От Гофмана я много раз слышал рассказ о его посещении супругов Розенмайер в Константинополе, вместе с ним мы делали разные догадки, где мог находиться этот драгоценный памятник пушкинской жизни и творчества. И, конечно, в поисках экспонатов для моей выставки я решил возобновить и поиски неизданного дневника Пушкина.

Следует сказать, что незадолго до этого я виделся с Е. А. Пушкиной-Розенмайер в Ницце, куда она приехала по возвращении из Африки. У нее оказалось несколько реликвий деда, в том числе его печатка, гусиное перо и еще что-то. Все это я у нее купил. Разумеется, я ее спросил о дневнике Пушкина: история с неудачей Гофмана мне была, повторяю, хорошо известна с его же слов. Е. А. Пушкина-Розенмайер сказала мне, что дневника этого у нее нет, но что она может мне указать лицо, которому судьба этого драгоценного документа известна. Лицо это, по ее словам, проживало в Константинополе. Я послал специального человека в Константинополь, который разыскал там указанное Еленой Александровной лицо. Но дневника у него тоже не оказалось. По словам этого лица, сведения о дневнике можно было получить... в Гельсингфорсе.

Я послал моего эмиссара и туда. Тут у меня промелькнул луч надежды. Мой посланец, вернувшись, сказал мне, что дневник действительно находится в Гельсингфорсе, но что владелец его запрашивает за него какую-то астрономическую сумму. У меня в тот момент таких денег не

было. Я бросился отыскивать их, но когда — через некоторое время — мне эти средства были обещаны, мне было отвечено, что драгоценный документ ушел в какие-то другие руки...

Признаться сказать, я склоняюсь к мысли, что вся эта история с гельсингфорским следом была выдумкой. Кто-то меня, по-видимому, обманывал. Кто? Мой ли посланец, таинственные лица в Константинополе, сама ли Е. А. Пушкина-Розенмайер или все они вместе? Так или иначе, факт остается фактом: никакого дневника обнаружить не удалось. Несомненно, что какой-то элемент фантазии Е. А. Пушкиной-Розенмайер в этом деле был. Она приходила ко мне потом в Париже и предлагала приобрести якобы хранящиеся у нее халат, чернильницу, гусиное перо. Производила она на меня впечатление женщины неуравновешенной.

Умерла она в Ницце 14 августа 1943 года от рака, умерла в большой нужде. Это были тяжкие месяцы войны и оккупации, и смерть внучки Пушкина прошла никем не отмеченной.

Должен указать здесь на чрезвычайно любопытную гипотезу, высказанную советским пушкинистом И. Фейнбергом насчет местонахождения дневника, гипотезу, к которой я имею возможность дать некоторое дополнительное свидетельство. Согласно этой гипотезе, дневник Пушкина находится в Англии у английских потомков поэта.

В 1956 году в лондонском театре Ковент-Гарден на гастролях Большого театра, когда Уланова танцевала впервые в Лондоне в балете «Ромео и Джульетта», в антракте ко мне быстро подошла элегантная дама. Это была леди Мильдфордхевен, дочь леди Торби. Обращаясь ко мне, она сказала по-французски:

— Лифарь, я знаю, что вы купили у французского правительства письма Пушкина. Ну так вот, я хочу, чтобы вы продали их обратно мне.

Я ответил ей, что эти сокровища принадлежат России, а не семье, и на этом наш разговор прекратился.

Дочь графини Торби, Надежда Михайловна, правнучка Пушкина, приходится по мужу теткой принцу Филиппу Эдинбургскому — супругу английской королевы Елизаветы.

Так создалось родство великого русского национального поэта с английским королевским домом.

Быть может, гипотеза о принадлежности дневника именно этой ветви потомков Пушкина имеет некоторое основание. Действительно, погруженные в другой мир, воспитанные в других интересах, эти потомки, возможно, даже не отдадут себе отчета в том, что такое Пушкин для русской культуры. Дневник великого поэта для них, быть может, не больше как семейная реликвия, семейный документ, который «никого не касается» и который они не желают предать гласности, так как они слышали от матери, что его не следует показывать «никому из посторонних»...

— С. М. Лифарь провел в свое время интереснейший поиск. Мне представляется, что его отрицательный результат говорит о многом, и Сергей Михайлович в свое время стал жертвой мистификации. Видимо, все же так называемый «дневник № 2» не существует, хотя, безусловно, в Англии должны быть пушкинские документы.

Никогда нельзя терять надежду. По-видимому, Советскому фонду культуры следует по-деловому заняться спасением для нашей страны и пушкинского музея С. М. Лифаря, и поиском других пушкинских реликвий. Это будет настоящее патристическое дело, которое найдет благодарный отклик у каждого человека.

Беседу вел Вл. ВЕЛЬЯШЕВ.

прекра

Царское Село. Лицей.
Литография Шульца
по рисунку Мейера.
Начало XIX века.

Николай СКАТОВ,
доктор филологических наук,
директор Института
русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Несколько лет назад в Чикаго устраивалась школа — «для миллионеров». Естественно, «с возможностями». В частности, и с возможностью широко и основательно изучить мировой школьный опыт. В беседе с одним оказавшимся там в ту пору представителем наших литературно-академических кругов устроители школы признались, что самое глубокое и совершенное из найденного ими по этой части во всей новейшей человеческой истории было Царскосельский лицей. Признание таково, что явно выходит за рамки хозяйской любезности и желания сказать гостю приятное. Да и вообще иноземному взгляду, видимо, отчетливее кинулось в глаза то, к чему мы уже пригляделись, может быть, еще по-настоящему не успев и взглядеться.

Для уяснения сути Лицея нам, очевидно, мешают две вещи. Не секрет, что скрупулезная дотошность изучения, воссоздание быта, житейские подробности подчас способны и затенить собственно историческое осмысление. Во-вторых, ...Пушкин. Пушкин, который вполне выявил суть Лицея, чуть ли не к себе только его и свел в наших глазах: «пушкинский Лицей», «пушкинские сокурсники», «пушкинский выпуск». А ведь, конечно же, дело не только в том, что там случайно оказался гениальный мальчуган.

Б. В. Томашевский резюмировал: «Имя Пушкина обязательно сопутствовало теме о «лицейском духе», другие имена случайны. Пушкин определял суждения о Лицее». Случайны ли, однако, и другие имена? Правильно: Пушкин определял суждения о Лицее, но случайны ли суждения о Лицее самого Пушкина:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких тайнствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Пушкин писал, объединяя в братстве людей, разошедшихся по полюсам: ведь, вообще говоря, как минимум одной из забот «царской служ-

бы» было содержание в «темных пропастях земли» людей, против этой службы восставших. Пушкин же устремляется к лицейским друзьям поверх всего этого и поверх всего этого их объединяет. Но и потому, что в известном смысле так оно было в самой жизни этих людей.

«Слава Лицея», — писали авторы отличных книг о Лицее и одни из его первооткрывателей М. П. Руденская и С. Д. Руденская, — началась с именем Пушкина, с его посвящений Лицею, с его светлых воспоминаний. Благодаря Пушкину впервые заговорили о «лицейских питомцах», о первом «блистательном» выпуске Царскосельского лицея. И современниками всегда подчеркивалось, когда речь шла о Малиновском, Вольховском или Данзасе, что он был из числа именно первого «славного» выпуска. Но что слава Лицея без Пушкина? «...Лицейское солнце обманчиво. Если оно и горит, то лишь отсвечиваясь Пушкиным», — заметил А. Эфрос (в книге «Рисунки поэта». — Н. С.). — И это справедливые слова. И все же вряд ли слова эти абсолютно справедливые. Опять-таки доверимся Пушкину. Неужели все уже им сказанные слова о «прекрасном союзе» и «святом братстве» лишь сентиментальная дань детским впечатлениям, лишь, уже по оценке Ю. М. Лотмана, «идиллические воспоминания»?

Выдающихся людей во все сферы русской жизни Лицей поставит и позднее (достаточно назвать М. В. Буташевича-Петрашевского или М. Е. Салтыкова-Щедрина), но уже никогда больше не создастся той общности, что существовала в первом выпуске, а если она и появляется, то лишь как бледная тень этого первого выпуска и слабое о нем напоминание.

В фискальной записке о Лицее В. Н. Каразин писал злобно, но умно и совершенно точно: «Из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом...». Да, Пушкин с колоссальной силой сконцентрировал, представил и выразил то, чем был там «почти всякий».

Дело не только в Пушкине, но и в самом Лицее. Не восстанавливаем же мы — и вряд ли когда-нибудь зай-

СЕН НАШ СОЮЗ...

ОЧЕРК Н. СКАТОВА
ПОСВЯЩЕН ЛИЦЕЮ,
ОТКРЫТОМУ
В ЦАРСКОМ СЕЛЕ
В 1811 ГОДУ,—
УНИКАЛЬНОМУ
УЧЕБНОМУ ЗАВЕДЕНИЮ
РОССИИ,
ИЗ СТЕН КОТОРОГО
ВЫШЛА
ЦЕЛАЯ ПЛЕЯДА
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ
НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

мемся этим — казарму школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров только потому, что там оказался Михаил Лермонтов, или гимназические классы петербургской гимназии, раз уж туда попал Александр Блок. Отметка в справочнике или путеводителе, какое-нибудь мемориальное обозначение, настенная доска — все: достаточно. Ибо для нас здесь важен только сам Лермонтов. Только сам Блок. Не то с Лицеумом.

Недаром уже тогда Лицей вызывал напряженный интерес за рубежом как одно из центральных явлений русской жизни, а уже в двадцатые годы сам Меттерних, канцлер Австрии, но фактически один из руководителей всей политической Европы, запрашивал подробную историю создания Лицея, желая получить «ключ» к важнейшим русским событиям, прежде всего к декабрю 1825 года. Пушкинский Лицей есть зародыш, модель и прогноз удивительного человеческого сообщества, впрочем, тогда столь же исторически необходимо возникшего, сколь и необходимо исторически обреченного: Лицей в пушкинском его смысле погубили много раньше, чем погубили самого Пушкина.

Лицей создан, когда устанавливалась, как надеялись, новая Россия, когда призывались к историческому служению на Отечество новые люди. Их нужно было найти, вырастить и воспитать. Требовались деятели общенационального масштаба и всего государственного образа мыслей. На Лицей возложены были великие надежды, и потому в него было вложено почти все лучшее, что имела культурная Россия. Посадили и пустили в рост редкое растение, развитие которого уже потом вышло из-под контроля и за пределы самых далеко идущих видов и совершалось как бы само по себе. Известно, что надежды и планы обычно оказываются прекраснее, выше и шире своих претворений. Здесь же реализация далеко превзошла пусть самые благие административные замыслы, воплощение становилось ярче всех мечтаний и опрокидывало их.

Может быть, даже этому способствовало то, что собственно практические начертания и намерения властей предрежащих отпадали довольно быстро: «дней Александровых прекрасное начало» все более тускло. Сперанский от государственных дел, а значит, и от Лицея, призванного обеспечить эту государственность «кадрами», был отставлен. В этом смысле вокруг Лицея постепенно образовывался как бы вакуум, в конце концов для него благодетельный.

Характерно ведь и то, как пышно, с какими фанфарами и при каком стечении кавалеров Лицей открыли и как скромно, буднично и равнодушно, произведя первый выпуск, Лицей «закрывали»: уже с 1823 года в нем будет наводить порядок генерал Гольдгофер. А ведь до этого дирекция решительно

и с успехом противилась введению в Лицей военных дисциплин.

Но осенью 1811 года дело было не только в торжественности открытия и представительности «первенствующих лиц», а благословляла Лицей при начале вся официальная (впрочем, и неофициальная тоже) Россия: царь и царская семья, и высшее духовенство, и члены Государственного совета, и министры. Три десятка мальчишек напутствовались на учение и на служение как на предназначение и на миссию. Но, повторю, дело не только в этом. Профессор Куницын, о котором позднее Пушкин скажет: «Он создал нас, он воспитал наш пламень», — действительно начнет «создавать» их в первый же день. Уже при открытии в яркой речи им было сказано о гражданских обязанностях, но, по воспоминаниям Ивана Пущина, «ни разу не было упомянуто о государе. Это небывалое дело так поразило и понравилось императору Александру, что он тотчас прислал Куницыну Владимирский крест». При открытии Лицея рядом с царем еще сидел Сперанский. Но уже присутствовал и Аракчеев.

Лицейское детство — это и детство всей молодой России и ее надежда. Нам нельзя не любить это детство там, где оно проявилось прекрасно, и не лелеять его колыбель. Кажется, слова Маркса об античности как прекрасной порою человеческого детства многое могут пояснить и в этой части нашей истории.

Да и само название нового учебного заведения было для России необычным, и, может быть, не только в России, но и во всей Европе его античное происхождение впервые получило какое-то оправдание. Недаром и сами лицеисты так ревниво его оберегали. «Лицей (или Лицей, только, ради бога, не Лицея)», — предостерегает Пушкин своего корреспондента П. А. Вяземского в марте 1816 года.

Отблеск античности ложился в Лицей на русскую культуру интереснейшей эпохи. В Лицей приняли тридцать мальчиков. Естественно, как всегда в России, шли в полный ход знакомства, связи и протектирования, но все же состав единственного в своем роде русского учебного класса подобрался опять-таки с удивительной исторической точностью. Когда позднее, особенно в определенную пору, Пушкин возложит самые большие надежды на русское дворянство, то почти без сомнения можно сказать, что его социология здесь питалась и очень сильными впечатлениями от та-

кого дворянства, вынесенными из детских и отроческих лет.

Речь должна идти не об абстрактном вообще дворянстве, да такого никогда и не было. Ленин недаром определит целый этап освободительного движения в России как дворянский. Недаром восполезует и известной характеристикой декабристов у Герцена: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раблепия».

Все это прямо связано с тем, что именно дворянство в лучшей своей части было хранилищем культурных ценностей России и держателем ее культурных акций. Позднее Блок даже назовет пушкинскую эпоху самой и единственно культурной эпохой в жизни России.

Лицеисты возмужали среди святых воспоминаний прошлого, но и среди живых впечатлений настоящего. 1812 год — могучий толчок всему последующему лицейскому пребыванию. Было наглядно ясно, что само настоящее это уже история. Свой патриотизм Пушкин выносил отсюда. Конечно, патриотизм этот не имел ничего общего с националистической исключительностью или с противопоставлением кому бы то ни было. Такой патриотизм в Пушкине поселялся и укреплялся Лицеумом. Это был, так сказать, интернационалистский патриотизм. Совершенно особый тип именно русского патриотизма, открытый и готовый к приятию инонационального. И в то же время проникавшийся все растущим осознанием того, что национальное находится у правящего режима в загоне и небрежении.

Что же собой представлял Лицей, чему там учили, кого и как воспитали?

Для чего же долгие годы готовились и приготавливались эти юноши, почти мальчишки? Ответ может быть только один — ни для чего. Или для всего. Они готовились универсально, энциклопедически, многопредметно — именно для всего. Тогда это понимали. Понимали при начале Лицея. Поэтому-то Сперанский писал, что Лицей соединяет в себе виды несравненно большие, чем все наши университеты, а во главе Лицея были поставлены самые выдающиеся русские, не просто педагоги, но просветители: Василий Федорович Малиновский и Егор Антонович Энгельгардт. Понимали это и при конце Лицея. Иван Пущин рассказывает о лицеистах 1817 года: «Мы, шестеро, назначенные в гвардию, были в лицейских мундирах на параде гвардейского корпуса. Подъезжает к нам граф Милорадович, тогдашний корпусный командир, с вопросом: что мы за люди и какой это мундир? Услышав наш ответ, он несколько задумался и потом очень важно сказал окружающим его: «Да, это не то, что университет, не то, что кадетский корпус, не гимназия, не семинария — это... Лицей!» Поклонился, повернул лошадь и ускакал.

Тот же царскосельский педагог уже конца века, Иннокентий Анненский, писал: «В Лицее были уставом запрещены телесные наказания — черта в высокой степени замечательная; в интернате не было обычного в наше время казенного устройства; всем питомцам полагались отдельные комнаты — «кельи», как их называл Пушкин; пансионский день распределялся гигиенично: на ученье 7 часов, остальное время прогулки, игры, гимнастика. Курс был общеобразовательный и рассчитан только на шесть лет. Прекрасная библиотека, выпускавшая всю периодическую печать, и лицеисты читали много и свободно. Профессора аттестовали питомцев не цифрами, а отзывами, и еще теперь, благодаря этому можно видеть индивидуальные черты Пушкина и его товарищей в школьном возрасте».

Много внимания в Лицее уделяли спорту. Пушкин и всегда держал себя, как теперь сказали бы, в хорошей спортивной форме: много ходил, плавал, скакал на лошади, стрелял. Мы

привыкли говорить о Пушкине: первый, первый... Естественно, в литературе. Но вот неожиданная заметка в современном спортивном издании: «Пушкин — первый русский боксер» — во французском тогда боксе.

Кроме того — иностранные языки, кроме того — музыка, рисование, выведившие на почти профессиональный уровень. Все это очень насыщенно, в очень размеренном, строгом режиме. Лет обучения оказалось шесть, но, говоря нынешним языком, интенсивность обучения была чрезвычайной. Не все там может быть измерено табельными оценками: в конце концов имя-то выпуску дал человек, который занимал по успеваемости 26-е место (из 29). А ведь, кроме того, нам известно, как много, почти фанатически самоотверженно предавалось большинство лицеистов «самостоятельной» работе. И Пушкин своей тоже.

«...Кто знает, — пишет И. Ф. Анненский, — если бы еще в Лицее Пушкин не прошел практического курса поэзии и не пережил периода подражаний (Державину, Жуковскому, Батюшкову и ранним французским парнасцам), если бы вместо досуга для творческих снов и вдохновения и для отделки стихов он выучил вчетверо больше уроков и прослушал гораздо больше по тогдашнему ученых лекций, если бы, наконец, у него не было литературных общений, подстрекающего соперничества метроманов-друзей, — удалось ли бы ему войти в жизнь уже сложившимся писателем, успел ли бы он в короткий срок, отмежеванный ему судьбою, создать все то великое и вечное, что он нам оставил? Не надо забывать и положительных знаний, и навыков, вынесенных Пушкиным из Лицея: он был несравненно грамотнее Лермонтова, я уже не говорю о Гоголе; он вышел из Лицея с порядочным запасом сведений по мифологии и истории, по русской литературе, и выучился по латыни: по крайней мере на юге он читает Овидия в подлиннике, а поступая в Лицей, читал Вергилия во французском переводе».

Хотя Лицей располагался в Царском Селе, как бы при императоре и в этом смысле при дворе, он не становился придворным, и руководители за этим очень следили. Когда возникло пожелание, чтобы лицеисты несли часть придворной службы, директор его решительно пресек, дабы никак не поселить духа искательства и угодничества. При русской монархической резиденции жила своей жизнью маленькая лицейская республика. «Благодаря Бога, у нас по крайней мере, — пишет лицеист Илличевский, — царствует... свобода (а свобода дело золотое). Нет скучного заведения сидеть à ses places (на своих местах. — Н. С.); в классах бываем недолго: 7 часов в день; больших уроков не имеем, летом досуг проводим в прогулке, зимою — в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся». Здесь складывалось удивительное сообщество, уникальный, говоря нынешним языком, коллектив. Два качества здесь все определяли: это было общество, и это были личности. Особенно любопытны с этой точки зрения позднейшие столкновения с жандармами бывших лицеистов, совсем не «неблагонамеренных» политически. Очевидно, человеческое достоинство бесило власть не меньше, чем политическая неблагонадежность. Со вторым даже было явно проще, понятнее и потому с ним было легче расправляться. Тем более хотелось ломать первое.

Оказавшийся однажды по делам службы в Вене Горчаков, который приехавший туда же с царем Бенкендорф попытается помыкать, даст жандарму ледяной презытийный отпор. Правда, скоро в полицейском досье князя появится запись: «Князь Горчаков не без способности, но не любит Россию». А ознакомится со своим досье Горчаков, уже только став канц-

лером России и прилагая все свои способности во имя спасения России. Впрочем, в ранге политического доноса обвинение в любви к России обычно уравнивалось с обвинением в любви к ней.

«Самостоянье человека — залог величия его», — скажет позднее Пушкин. Из Лицея начало такого самостоянья лицеисты вынесли и через всю жизнь свою его пронесли. Пушкин на вопрос царя, кто среди лицейстов первый, отвечал, что первых среди них нет, все — вторые. Впрочем, в ответе носившему номер первый Александру это могло выглядеть и как ловкий светский каламбур.

В каждом лицеисте было воспитано такое чувство личного достоинства, неприменной особенностью которого было в то же время уважение к другому, соотносимость себя с другими, чувство дружбы, родства и братства. Пушкин написал много горьких стихов и сказал в них немало горьких слов о дружбе и друзьях, но никогда ни одного упрека не раздалось в адрес лицейских товарищей, совершенно особых друзей в ряду всех друзей. Необязательно лицейские друзья были ближайшими.

У Пушкина вне Лицея были и тогда, и позднее более близкие. И в Лицее были не только друзья, были и не-други. И все-таки суть отношений лицейстов заключена в том, что они союз, с правами уникальной духовной экстерриториальности и душевной близости. Это даже не дружба в обычном смысле слова, а нечто высшее, во всяком случае, иное, необычное явление невиданного ни до того, ни после того типа связи:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен —
Срастался он под сенью дружных

Муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир

чужбина;
Отечество нам Царское Село.

«Береги честь смолоду» — такими словами осенит Пушкин последнее свое создание — «Капитанскую дочку». И это будет не отвлеченное нравственное поучение, а действенный жизненный принцип, нашедший народную форму выражения, но вынесенный еще из детства, из Лицея. Там располагаются истоки последнего

пушкинского завета. Лицейсты были людьми такой сбереженной смолоту чести, и чем дальше, тем больше это осознавалось. Встреча лицейстов каждый раз становилась находждением ими самих себя, постоянным возвращением к самим себе, к своей сбереженной молодости. Когда сходятся лицейсты, то за порогом как бы оставляется все: они просто люди, пусть на один день, на один вечер, на несколько часов, на какой-то момент.

Ощущая острее, чем кто-либо, именно это особое качество Лицея, то есть его первого выпуска, Пушкин категорически воспротивился тому, чтобы, например, 25-летие Лицея праздновали совместно тремя выпусками: «Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист один будет праздновать 19 октября». Пусть один: ибо он особый, объединенный только со всеми своими и отъединенный от всех не своих.

К моменту окончания Лицея выявлялись и определялись вкусы, наклонности и интересы каждого из лицейстов. В то же время именно в совокупности своей все они были готовы ко всему. Небольшой этот класс оказался способен выдвинуть группу потенциальных государственных деятелей. И уже заключал в себе человека, который станет самым выдающимся дипломатом всего русского, а может быть, и европейского девятнадцатого века, — князя Горчакова. И он же, класс этот, создает нескольких «антигосударственных» деятелей: семь — почти треть класса — фамилий лицейстов попадут в следственные дела по декабристскому движению, а некоторые станут выдающимися его участниками, рыцарями даже этого рыцарства (Иван Пущин) и, может быть, немного его донкихотами (Вильгельм Кюхельбекер).

Первый лицейский класс выдвинет и замечательного боевого генерала Вольховского. И замечательного мореплавателя, адмирала Матюшкина. И музыканта Яковлева: полагают, что, может быть, и сейчас мы распеваем или слушаем некоторые его романсы из тех, о которых говорят: «автор неизвестен». И группу выдающихся литераторов: того же Кюхельбекера, Дельвига...

Но набранный странной исторической разбег уже обрывался. И почти

все стали не тем, чем должны были стать. Вопреки всем прогнозам никакой быстрой карьеры не сделал князь Горчаков. Да и что в самом деле за государственный деятель, который прибегает спасать государственного преступника только потому, что тот даже и не друг его в тесном смысле, а просто вместе учились. Ведь Горчаков примчался после 25 декабря к Ивану Пущину с заграничным паспортом, умоляя того уехать, но Пущин отказался все из-за той же чести. И бог с ним, с его, Горчакова, государственным умом и масштабом, если такой деятель способен встретиться с опальным поэтом, пусть даже не по личной потребности, а всего лишь из одного чувства чести.

Такие люди, как Матюшкин, stanno сниться по морям и океанам и окажутся полуставленными от дел к тому времени, когда русский флот будет в них нуждаться в смертельно опасные години.

А Сергей Ломоносов не совсем неудачник, может быть, только за дальностью расстояния: он дипломат, и чем дальше, тем дальше: наконец, посланник аж в Рио-де-Жанейро. В Лицее директор, составляя на него характеристику, не решился, правда, на определение «гениальный», но, видно, задумался над ним: «Очень интересный юноша, не то чтобы гениальный, но все же выдающийся талант... Политикой интересуется очень живо. Очень словоохотлив и умеет обычно направить разговор на наиболее высокие интересы человечества... Он любит людей... и часто думает о том, каким образом он может быть для них наиболее полезен. От этого он всегда полон проектов и предложений, направленных обычно на преобразование армии, новые порядки в министерстве, другое управление финансами и т. п.».

Как видим, в глазах педагогов Ломоносов не то чтобы гениальный, но... Вообще же слово «гениальность» именно в Лицее многие примеряли ко многим лицам. О быстрых способностях («если не гений») Дельвига, еще мальчика, пишет еще мальчик Илличевский. А мальчика Горчакова взрослый внимательный наставник Егор Антонович Энгельгардт определяет уже без тени сомнения: «Если в схватывании идей он высказывает себя гениальным, то и во всех его более механических занятиях царят величайший порядок и изящество».

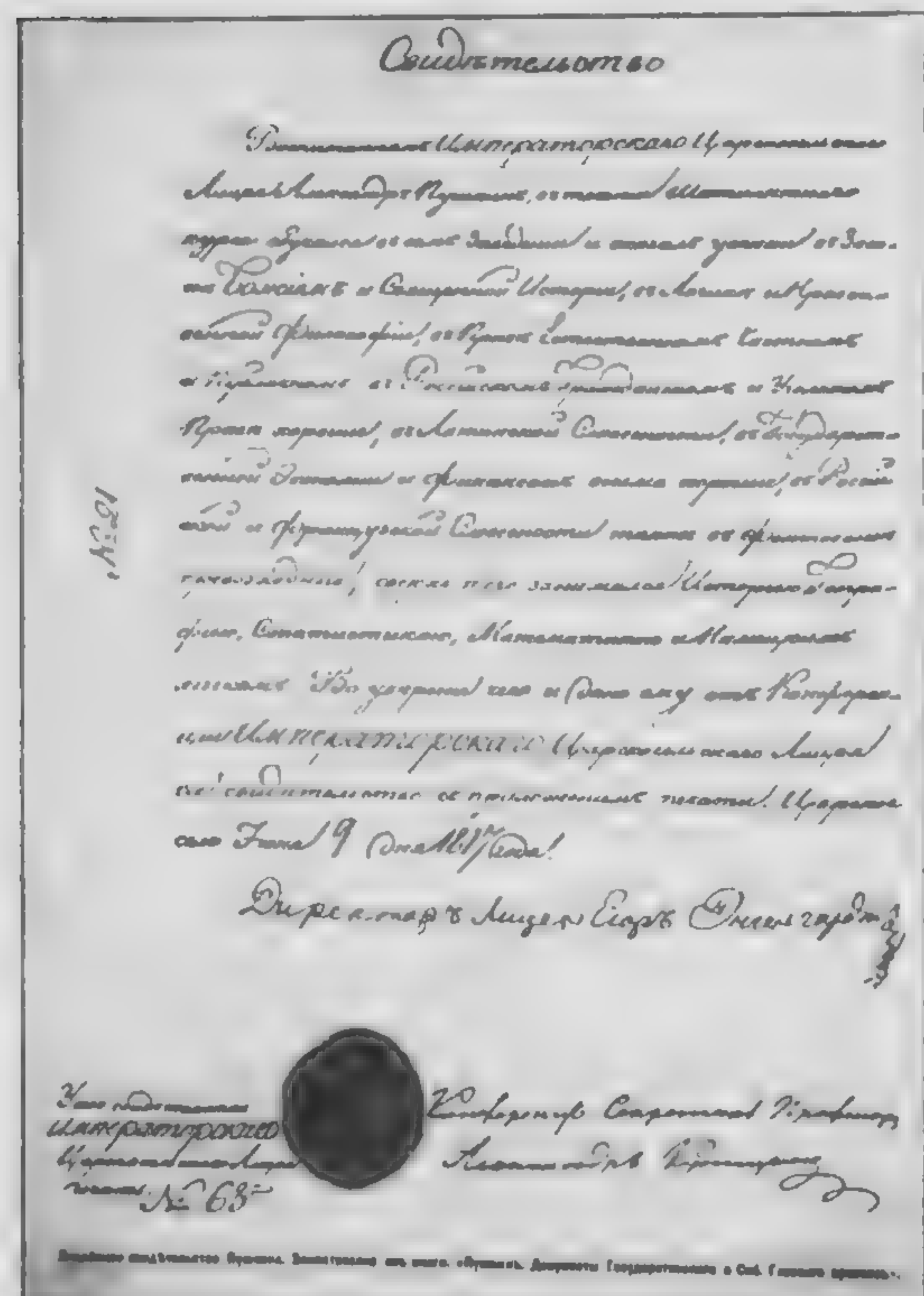
Таким образом, Пушкин не был единственный, кого уже в Лицее называли (правда, не наставники) гением. Да и как развивался бы его гений, например, без содействия, «если не гения», то «быстрых способностей» Дельвига и других. «Блажен поэт, — напишет о Пушкине через много лет Дружинин, — имеющий в лучшем своем друге (т. е. в Дельвиге. — Н. С.) испытанного путеvodителя». Все лицейсты были в той или иной мере поэтами, но был среди них не просто лучший и превосходящий прочих, но первый в России абсолютный тип поэта. И его поэтическая абсолютность прямо связана с человеческой абсолютностью. «При самом начале — он наш поэт», — скажет Иван Пущин.

Обычно поэты стыдливо отрекаются от большинства своих ранних стихов, в лучшем случае относя некоторые из них в приложения, выделяя лишь те или иные, достаточно редкие, удачные. Общее читательское ощущение поэзии Некрасова, например, вполне может обходиться без его первой книги «Мечты и звуки». Эта книга, по сути, не входит в понятие «Некрасов», хотя историками литературы и биографами она, естественно, исследуется в своей неслучайности. «Детские» «Мечты и звуки» в общем даже искажают образ поэта Некрасова.

Полный образ Пушкина невозможно представить без его детских лицейских стихотворений. Маркс говорил о древних греках как прекрасной порою человеческого детства, потому что и вызывающей наше восхищение, и называл греков нормальными детьми.

Подобно этому мы восхищаемся литературным детством Пушкина как единственной в своем роде порой прекрасного литературного детства, пристрастно и нежно опекаем Лицей, а самую колыбель — Царское Село — назвали именем Пушкина. Разве не уникально для нас это понятие — «Лицей», разве повторимо и не единственно это место?

Лицейское свидетельство Пушкина.

И. Е. Репин.
Пушкин
на лицейском акте.
1911 г.

В САДАХ ЛИЦЕЯ

— В ТЕ ДНИ В ТАИНСТВЕННЫХ
ДОЛИНАХ,
ВЕСНОЙ, ПРИ КЛИКАХ ЛЕБЕДИНЫХ,
БЛИЗ ВОД, СЯВШИХ В ТИШИНЕ,
ЯВЛЯТЬСЯ МУЗА СТАЛА МНЕ.
МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КЕЛЬЯ
ВДРУГ ОЗАРИЛАСЬ: МУЗА В НЕЙ
ОТКРЫЛА ПИР МЛАДЫХ ЗАТЕЙ,
ВОСПЕЛА ДЕТСКИЕ ВЕСЕЛЬЯ,
И СЛАВУ НАШЕЙ СТАРИНЫ,
И СЕРДЦА ТРЕПЕТНЫЕ СНЫ.

● Парк Екатерининского дворца.

● Лицейская комната Пушкина.

● Книги, которые читали лицеисты.

● Актный зал Лицея.

БОЛДИНСКАЯ ОС

СЕНЬ

БЕЗУМНЫХ ЛЕТ, УГАСШЕЕ ВЕСЕЛЬЕ
МНЕ ТЯЖЕЛО, КАК СМУТНОЕ ПОХМЕЛЬЕ
НО, КАК ВИНО — ПЕЧАЛЬ МИНУВШИХ

В МОЕЙ ДУШЕ ЧЕМ СТАРЕ ТЕМ ДНЕЙ
СИЛЬНЕЙ
МОЙ ПУТЬ УНЫЛ, СУЛИТ МНЕ ТРУД
И ГОРЕ
ГРЯДУЩЕГО ВОЛНУЕМОЕ МОРЕ

НО НЕ ХОЧУ, О ДРУГИ, УМИРАТЬ —
Я ЖИТЬ ХОЧУ, ЧТОБ МЫСЛИТЬ
И СТРАДАТЬ
И ВЕДАЮ, МНЕ БУДУТ НАСЛАЖДЕНЬЯ
МЕЖ ГОРЕСТЕЙ, ЗАБОТ И ТРЕВОЛНЕНЬЯ:
ПОРОЙ ОПЯТЬ ГАРМОНИЕЙ УПЬЮСЬ,
НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ,
И МОЖЕТ БЫТЬ — НА МОЙ ЗАКАТ
ПЕЧАЛЬНЫЙ
БЛЕСНЕТ ЛЮБОВЬ УЛЫБКОЮ,
ПРОЩАЛЬНОЙ.

Болдино, 8 сентября 1830 год

Болдинская усадьба реставрируется.

СВЯТОГОРЬЕ

И ГДЕ МНЕ СМЕРТЬ ПОШЛЕТ
СУДЬБИНА!
В БОЮ ЛИ, В СТРАНСТВИИ,
В ВОЛНАХ!
ИЛИ СОСЕДНЯЯ ДОЛИНА
МОЙ ПРИМЕТ ОХЛАДЕЛЫЙ
ПРАХ!

И ХОТЬ БЕСЧУВСТВЕННОМУ
ТЕЛУ
РАВНО ПОВСЮДУ ИСТЛЕВАТЬ,
НО БЛИЖЕ К МИЛОМУ
ПРЕДЕЛУ
МНЕ ВСЕ Б ХОТЕЛОСЬ
ПОЧИВАТЬ.

И ПУСТЬ У ГРОБОВОГО
ВХОДА
МЛАДАЯ БУДЕТ ЖИЗНЬ
ИГРАТЬ,
И РАВНОДУШНАЯ ПРИРОДА
КРАСОЮ ВЕЧНОЮ СЯТЬ.

● Древний
Святогорский
монастырь.

● Могила Пушкина.

● Михайловское.

Зима 1921 года. Петроград готовился отметить дни памяти Пушкина, восемьдесят четвертую годовщину со дня его смерти. Закончилась гражданская война, но в стране было неспокойно. Голод и разруха не отступали. Петроградская «Красная газета» призывала: «Теми же руками, которые в 20-м выковали победу над белыми генералами, в 21-м — выкуем победу над их союзником — голодом». И в эти дни в холодном и голодном Петрограде научные, культурно-просветительские, литературные организации выступили с Декларацией о ежегодном всероссийском чествовании памяти Пушкина в день его смерти. «Жестокий век» прошел — мы верим в это, — говорилось в декларации.

Но чувство благоговения перед Пушкиным, которое всегда было свойственно лучшим русским людям последних трех поколений, не должно угаснуть, оно должно стать всеобщим, всенародным. Событием пушкинских торжеств 1921 года стала речь-завещание Александра Блока «О назначении поэта». Первый раз он читал ее 11 февраля в Доме литераторов. В президиуме собрания были академики А. Ф. Кони и Н. А. Котляревский, А. А. Ахматова, П. Е. Щеголев, М. А. Кузмин, В. Ф. Ходасевич. Глуховатым голосом, отрубая слова, произносил Блок свою пушкинскую речь: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни... Сегодня мы чтим память величайшего русского поэта. Мне кажется уместным сказать по этому поводу о НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА и подкрепить

свои слова мыслями Пушкина. Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, т. е. приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт». Речь Блока произвела впечатление необычайное. Позже было точно сказано: «Представители разных мировоззрений сошлись ради двух поэтов — окруженного ореолом бессмертия Пушкина и идущего к бессмертию Блока». Михаил Кузмин написал специально к пушкинским дням стихотворение «Пушкин». На одном из пушкинских вечеров читал вслед за Блоком свое только что написанное эссе о Пушкине «Колеблемый треножник» и В. Ф. Ходасевич. Когда будет собрана книга всех статей В. Ходасевича о Пушкине, «Колеблемый треножник» должен открыть этот сборник. Некоторый пессимизм, слышимый в «Колеблемом треножнике», объясняется как воспринимался Пушкин разными людьми в различные периоды русской истории. Впрочем, и ставшую классической пророческую речь «О назначении поэта» вряд ли кто-либо решится назвать оптимистической. Но, как сказал тот же Блок: «Мы умираем, а искусство остается». В нашей культуре остался и очерк «Колеблемый треножник», фрагменты из которого мы публикуем.

В. ЕНИШЕРЛОВ

КОЛЕБЛЕМЫЙ ТРЕНОЖНИК

Владислав ХОДАСЕВИЧ

В каждом художественном произведении находим ряд заданий, поставленных себе автором. Задания эти бывают различного порядка: филологического, психологического, описательного и т. д. — до заданий чисто формальных включительно. Ставятся они не с одинаковой сознательностью. Часто в процессе творчества одна такая задача оказывается разрешенной полнее, чем другие, как бы подавленные, приглушенные, несущие лишь служебную роль. Но самая наличность ряда проблем в художественном произведении неизбежна; в частности, стихотворец, по самой природе своего ремесла, не может себе поставить менее двух заданий, ибо стих содержит в себе по крайней мере два содержания: логическое и звуковое.

Одно из самых поразительных свойств пушкинской поэзии, может быть — одна из тайн пресловутой ее гармоничности, заключается в необыкновенном равновесии, с каким разрешает поэт эти параллельные задания. Поразительно, с какой равномерностью делит он между ними свое внимание, с какой исчерпывающей полнотой одновременно разрешает их все. В пьесе, которой мысл — благоговение мирной, домашней, трудовой жизни, с равным вниманием изображен и добрый домовой, к которому обращено стихотворение, и молитвенное смирение обитателя дома, и наконец, самое поместье, с его лесом, садом, разрушенным забором, шумными кленами и зеленым скатом холмов. Задачи лирика, передающего свое непосредственное чувство, и фольклориста, и живописца разрешены каждая в отдельности совершенно полно. В читателе одновременно и с равной силой затронуты три различных чувства. Трепханность картины дает ей стереоскопическую глубину.

Подобные ряды параллельных заданий можно вскрыть в любом из творений Пушкина, но нигде его мастерство не достигает таких вершин,

как в поэмах. Здесь поражает не только мастерство в разрешении заданий, но и количество их. Можно составить длинный перечень тем, получивших полную и глубокую разработку, например, в «Медном всаднике». Это, во-первых, трагедия национальная в тесном смысле слова: здесь, как не раз указывалось, изображено столкновение петровского самодержавия с исконным свободолюбием массы; особый смысл приобретает эта трагедия, если на бунт бедного Евгения посмотреть, как на протест личности против государственного принуждения, как на столкновение интересов частных с общими; особый оттенок получит эта трагедия, если вспомним, что именно пушкинский Петр смотрит на Петербург, как на окно в Европу: тут вскроется нам кое-что из проклятейшего вопроса, имя которому — Европа и мы <...>. Наконец, как мне уже приходилось указывать, «Медный всадник» есть одно из звеньев в цепи петербургских повестей Пушкина, изображающих столкновения человека с демонами. Однако сказанным далеко не исчерпаны задания поэмы. Прав будет тот, кто увидит в ней бесхитростную повесть о разбитых любовных надеждах маленького человека; прав и тот, кто выделит из поэмы ее описательную сторону и подчеркнет в ней чудесное изображение Петербурга, то благоденствующего, то «всплывающего, как Тритон», из волн наводнения, которое, само по себе, описано с документальной точностью. Наконец, мы будем не правы, если не отдадим должного Вступлению к поэме, как образцу блистательной поэтической полемики с Мицкевичем.

Но параллельные задания у Пушкина — тема большого, пристального исследования. Сейчас я коснулся ее затем только, чтобы на примере напомнить, как ряд заданий поэта придает его творениям ряд параллельных смыслов. Пушкин показывает предмет с целого множества точек зрения. Вещам своего мечтаемого мира он придает такую же полноту бытия, такую же выпуклость, много-

мерность и многоцветность, какой обладают предметы мира реального. Поэтому к каждому из его созданий приложим целый ряд критериев, как он приложим к вещам, окружающим нас. Подобно тому, как художник, и геометр, и ботаник, и физик в одном предмете вскрывают различные ряды свойств, так и в творениях Пушкина разные люди усматривают разное — с равными на то основаниями. Воистину — творец Пушкин, ибо полна и многообразна жизнь, создаваемая его мечтой. Есть нечто чудесное в возникновении этой жизни. Но нет ничего ни чудесного, ни даже удивительного в том, что, раз возникнув, мир, сотворенный Пушкиным, обретает собственную судьбу, самостоятельную протекающую историю.

Исключительная многомерность Пушкина влечет за собой такую же исключительную многозначимость его произведений. И если творения всех великих художников, заключая в себе ряды смыслов, вызывают соответственные ряды толкований, то творения Пушкина принадлежат к числу наиболее соблазнительных в этом отношении. Этот соблазн вытекает из самой природы пушкинского реализма. Так что, если к тому же мы примем во внимание естественное свойство критики отражать лицо критика, по крайней мере, в такой же степени, как и лицо поэта; другими словами, если припомним, с какой неизбежностью произведения великих художников приобретают разные оттенки, значения, смыслы в глазах сменяющихся поколений и целых народов, то нам станет исторически понятно все многообразие смыслов, вскрываемых в произведениях Пушкина. Пушкина толковали и толкуют по-разному. Но многообразие толкований есть, так сказать, профессиональный риск гениев — и надо признать, что в последнее время неожиданность суждений, высказываемых о Пушкине, начинает бросаться в глаза. Правда, многое намечается верно и зорко, но многое поражает отдаленностью от того непосредственного и непредвзятого впечатле-

ния, которое дается произведениями поэта; многое, наконец, положительно идет вразрез с непрерываемой ясностью пушкинского текста. Я имею в виду отнюдь не сознательные передергивания и подтасовки, совершаемые ради литературной, а то и просто житейской корысти, — хотя, к несчастью и стыду нашему, бывает и так. Но такие явления случайны и ничего не говорят о внутреннем соотношении между Пушкиным и нашей эпохой. Зато глубоко показательными представляются некоторые безукоризненно добросовестные труды, в которых даются толкования, находящие слишком смутное подтверждение в пушкинском тексте, делающие обобщения, слишком смелые, высказывающиеся гипотезы, слишком мало вероятные. Как один из примеров, со всевозможными оговорками, я бы все же решился назвать книгу Гершензона «Мудрость Пушкина», в высшей степени ценную и интересную по глубине и оригинальности многих мыслей. Немало верного сказано в ней о Пушкине, — а все-таки историк литературы Гершензон, выступая истолкователем Пушкина, оказался человеком слишком иного уклада, нежели сам Пушкин: Гершензон стоит уже на той незримой черте, которой история разделяет эпохи.

И Гершензон не один. С каждым днем таких критиков, большего или меньшего значения, является и будет являться все больше. Если, как я уже говорил, лицо великого писателя неизбежно меняется в глазах сменяющихся поколений, то в наши дни, да еще по отношению к бесконечно многомысленному Пушкину, эта смена должна проявиться с особой силой. История наша сделала такой бросок, что между вчерашним и нынешним оказалась какая-то пустота, психологически болезненная, как раскрытая рана. И все вокруг нас изменилось: не только политический строй и все общественные отношения, но и внешний порядок, ритм жизни, уклад, быт, стиль. У нас новые обычаи, нравы, одежды, даже, если

угодно, моды. Тот Петербург, по которому мы сегодня пойдем домой, — не Петербург недавнего прошлого. Мир, окружающий нас, стал иной. Происшедшие изменения глубоки и стойки. Они стали намечаться еще с 1905 года, 1917-й только дал последний толчок, показавший воочию, что мы присутствуем при смене двух эпох. Превратная Россия, а тем самым Россия Пушкинская, сразу и резко отодвинулась от нас на неизмеримо большее пространство, чем отодвинулась бы она за тот же период при эволюционном ходе событий. Петровский и петербургский период русской истории кончился; что бы ни предстояло — старое не вернется. Возврат немыслим ни исторически, ни психологически.

И вот, в применении к пушкинскому наследству, из создавшихся условий приходится сделать некоторые выводы. Мало того, что создания Пушкина предстоит претерпеть ряд изменений в сознании читателей. Об этих изменениях я говорил только как о явственном признаке того, что Пушкин уже, так сказать, отделился от своего времени и вышел в открытое море истории, и ему, как Софоклу или Данту, предстоит обрести толкованиями и комментариями. Должно произойти еще и другое.

В истории русской литературы уже был момент, когда Писарев «упразднил» Пушкина, объявив его лишним и ничтожным. Но писаревское течение не увлекло широкого круга читателей и вскоре исчезло. С тех пор имя Писарева не раз произносилось с раздражением, даже со злобой, естественной для ценителей литературы, но невозможной для историка, равнодушно внимающего добру и злу. Писаревское отношение к Пушкину было неумно и безвкусно. Однако же оно подсказывалось идеями, которые тогда носились в воздухе; оно до некоторой степени выражало дух времени, и, высказывая его, Писарев выражал взгляд известной части русского общества. Те, на кого опирался Писарев, были людьми небольшого ума и убогого эстетического развития, — но никак невозможно сказать, что это были дурные люди, хулиганы или мракобесы. В исконном расколе русского общества стояли они как раз на той стороне, на которой стояла его лучшая, а не худшая часть.

Это было первое затмение пушкинского солнца. Мне кажется, недалеко второе. Оно выразится не в такой грубой форме. Пушкин не будет ни осмеян, ни оскорблен. Но — предстоит охлаждение к нему.

Конечно, нельзя на часах указать ту минуту, когда это второе затмение станет очевидно для всех. Нельзя и среди людей точно определить те круги, те группы, на которые падет его тень. Но уже эти люди, не видящие Пушкина, вкраплены между нами. Уже многие не слышат Пушкина, как мы его слышим, потому что от грохота последних шести лет стали они туговаты на ухо. Чувство Пушкина приходится им переводить на язык своих ощущений, прикупленных раздирающими драмами кинематографа. Уже многие образы Пушкина меньше говорят им, нежели говорили нам, ибо неясно им виден мир, из которого почерпнуты эти образы, из соприкосновения с которым они родились. И тут снова — не отщепенцы, не выродки: это просто новые люди. Многие из них безусыми юношами, чуть не мальчиками, посланы были в окопы, перевидали целые горы трупов, сами распоролы немало человеческих животов, нажгли городов, разворотили дорог, вытоптали поля <...> Не они в этом виноваты, — но все же до понимания Пушкина им надо еще долго расти. Между тем необходимость учиться и развиваться духовно ими сознается недостаточно, — хотя в иных областях жизни, особенно в

практических, они проявляют большую активность.

И не только среди читателей: в поэзии русской намечается то же. Много в Пушкине почти непонятно иным молодым поэтам, — потому, между прочим, что они не всегда достаточно знакомы со всем окружением Пушкина, потому, что дух, стиль его эпохи им чужд и остатков его поры они уже не застали. То же нужно сказать о языке. Быть может, они даже следуют пушкинскому завету учиться языку у московской просвири, но просвири сама уже говорит не тем языком. Многие оттенки пушкинского

Говоря все это, я имею в виду вовсе не футуристов, а представителей гораздо более «умеренных» литературных групп. Можно бы рассказать великое множество прискорбных курьезов, доказывающих, что прямое, элементарное непонимание и незнание Пушкина есть явление, равно распространенное в молодой литературной среде, как и в среде читательской. Все это — следствие нарастающего невнимания к Пушкину; возникает оно из того, что эпоха Пушкина — уже не наша эпоха, а писателем древности он еще не сделался, так что научное изучение Пушкина, ка-

Время гонит толпу людей, спешащих выбраться на подмостки истории, чтобы сыграть свою роль — и уступить место другим, уже напирющим сзади. Шумя и теснясь, толпа колеблет треножник поэта. Наше самое драгоценное достояние, нашу любовь к Пушкину, как горсть благовонной травы, мы бросаем в огонь треножника. И она сгорит.

О, никогда не порвется кровавая, неизбывная связь русской культуры с Пушкиным. Только она получит новый оттенок. Как мы, так и наши потомки не перестанут ходить по земле, унаследованной от Пушкина, потому что с нее нам уйти некуда <...>

ИЗ АРХИВА В. ХОДАСЕВИЧА

Среди бумаг В. Ф. Ходасевича, сохранившихся в Москве в архиве А. Ивicha, есть множество высказываний о Пушкине. Несмотря на фрагментарность, они интересны тонкостью суждений поэта — одного из внимательнейших исследователей и толкователей Пушкина.

Материалы публикуются впервые.

* * *

Смысл пушкинских творений будет, конечно, предметом постоянных изысканий и споров до тех пор, пока живо культурное человечество. Здесь всестороннее изучение текста создаст необходимый и ценнейший материал для суждений общего, синтетического порядка. Такое изучение приоткрывает порой завесу над сокровеннейшей тайной, казалось бы, навсегда унесенной Поэтом в могилу: над тайной тех чувств и дум, которые им не изложены на бумаге и не сохранились в воспоминаниях современников. Сопоставления и сличения позволяют нам делать иногда весьма интересные наблюдения, — маленькие открытия, которым, быть может, суждено со временем сыграть не малую роль в вопросе о понимании Пушкина. Меж двумя текстами, иногда полужатерятыми в черновых набросках, вдруг явственно, как линия между двумя точками, воссоздается живая нить ассоциаций, казалось бы, уже недоступных нашему наблюдению. Ряд незначительных, гождественных явлений, наблюдаемых исследователем, и здесь, как во всякой другой науке, позволяет прийти к некоему общему выводу, быть может, немаловажному для грядущих трудов о Пушкине...

* * *

«Русская литература началась с Пушкина». Вздор. Она им кончилась. От былин и песен до Тредьяковского, Ломоносова — этап. От Ломоносова до Державина — другой. От Державина до П<ушкина> — третий. Уже «плеяда» ему сотрудничала — немного. После нее — одно вращение вокруг «солнца» все по тому же месту. Ни у одного из последующих нет ничего, что, хотя бы в зародыше, не было уже в Пушкине.

(Из записной книжки)

* * *

Современники равно фантастические и равно реальные: А<лександр> С<ергеевич> П<ушкин> и П<авел> И<ванович> Ч<ичиков>. Равно фантастические, ибо Ч<ичикова> не было, а Пушкин был, но он — чудо. Равно реальные, ибо П<ушкин> б<ыл>, жил, а Чичикова не было — но он некая реальность тогдашней России, более реальная, чем сама действительность. Равно реальны еще потому, что оба — истинные дети своего века, страны, общества. Но разница очевидна: гений, счастье и гордость; ничтожество, пошлость, позор и низость. Что же их разнит <?> Личность.

Чтобы понять и оценить деяния поэта, должно понять и изучить его

И. Лиев. А. С. Пушкин 1836—1837 гг.

словаря, такие многозначительные для нас, для них не более как архаизмы. Иные слова, с которыми связана драгоценнейшая традиция и которые вводишь в свой стих с опаской, не зная, имеешь ли внутреннее право на них — такой особый, сакральный смысл имеют они для нас, — оказываются попросту бледными перед судом молодого стихотворца, и не подозревающего, что еще значат для нас эти слова сверх того, что значат они для всех по словарю Даля. Порой целые ряды заветнейших мыслей и чувств оказываются неизъяснимыми иначе, как в пределах пушкинского словаря и синтаксиса, — и вот это заветнейшее оказывается всего только «стилизацией»!

Нельзя не указать тут же и на воскресшее в последнее время отсечение формы от содержания и проповедь главенства формы, подобно тому как в пору первого затмения проповедовалось главенство содержания. И то, и другое одинаково враждебно всему духу пушкинской поэзии. Те, кто утверждает, что Пушкин велик виртуозностью своей формы, содержание же его — вещь второстепенная, потому что вообще содержание в поэзии не имеет значения, — суть писаревцы наизнанку. Сами того не зная, они действуют, как клеветники и тайные враги Пушкина, выступая под личиной друзей.

кие бы огромные шаги оно ни сделало, составляет еще достояние немногих. Важность и ценность такого изучения еще непонятны ни массовому читателю, ни массовому писателю. И вот наивный юноша наших дней, равно читатель или молодой стихотворец, полагает, что Пушкин «попросту устарел» <...>

Пушкин не дорожил народной любовью, потому что не верил в нее. В лучшем случае надеялся он быть любезным народу «долго», — отнюдь не «всегда»: «И долго буду тем любезен я народу...» Охлаждение представлялось ему неизбежным и внешне выражающимся двояко: или толпа плюет на алтарь поэта, то есть его оскорбляет и ненавидит, — или колеблет треножник его «в детской резвости». По отношению к самому Пушкину первая формула уже невозможна: «толпа» никогда не плюет на алтарь, где горит огонь его; но следующий стих: «И в детской резвости колеблет твой треножник» — сбудется полностью. Мы уже наблюдаем наступление второго затмения. Но будут и еще. Треножник не упадет веками, но будет периодически колебаться под напором толпы, резвой и ничего не жалеющей, как история, как время — это «дитя играющее», которому никто не сумеет сказать: «Остановись! Не шали!»

личность. Для этого опять-таки — должно знать о нем все или хотя бы максимум возможного: происхождение, традиции, наследственность, воспитание, образование, среда, случайности личной жизни, литературные влияния, общ[ественные] и политические обстоятельства, среди которых жил. И вот все, что останется необъяснимым, неповторимым даже при условии, что все прочее будет повторено, и есть личность. То необъяснимое и чудесное, что рознит чел[овека] и от чел[овека], поэта от поэта.

(Из конспекта лекций о Пушкине)

* * *

...Россия XVIII века, особенно Россия екатерининская, победная и торжествующая, создала такую же победную и торжествующую поэзию. Русские люди екатерининского века были прежде всего создателями. Пробуждение внутренней самостоятельности как естественное продолжение толчка, данного Петром Великим, создание и укрепление внешней мощи России — дело их рук. Напряженное политическое строительство заставляло их и в самих себе чтить прежде всего способности организаторские, творческие. Творцы государства и его силы — как должны были они преклоняться перед Творцом всего мира. И от «Размышлений» Ломоносова до державинской оды «Бог» непрестанно звучали в русской поэзии гимны щедрому и всемогущему Зиждителю.

Но волна напряженной деятельности постепенно спадала. Создатели России один за другим сходили со сцены: их роль была сыграна. Ими созданная, цветущая Россия от восхвалений Творца переходила к восхвалению творений. Здесь и заключена основная, первоначальная разница между Державиным и Пушкиным, который застал Россию уже созданную. Первый воспел Творца, второй — тварь; Державин — господина, Пушкин — раба; Державин — Фелицу-Екатерину, Пушкин — декабристов и горестную судьбу «бедного Евгения». Основание пушкинской всеотзывчивости — любовь к земле, к «равнодушной природе», сияющей «красою вечною» <...>

* * *

К концу 20-х годов, т. е. к тому моменту, когда Лермонтов начал жить сознательной жизнью, «красота» господствовала в русской поэзии по всей линии. Вся беда была в том, что поэты пушкинской школы, даже наиболее выдающиеся, не были Пушкиными. В их творчестве красота вырождалась в красоту, объектом их поклонения было уже не «прекрасное», а «красивое». Слишком часто увлечение «красивым» вело к эстетизму довольно невыносимому: для примера укажем хотя бы «Фракийские элегии» Теплякова. И едва ли мы очень ошибемся, если скажем, что такому вырождению способствовали все, кроме самого Пушкина да еще Баратынского.

...Пушкин с проникновенностью гениального художника умел показывать читателю темную сторону души некоторых своих героев. Но всегда между читателем и героем проводил он неуловимую, но непреступную черту, нечто вроде рамы, отделяющей актера от зрителя. Герой оставался по одну сторону этой черты, читатель — по другую. И зло, и добро были для Пушкина составными частями того прекрасного, что зовется миром. Поэт, как и летописец, добру и злу «внимал равнодушно», памятуя, что «Прекрасное должно быть величаво».

(Из статьи
«Фрагменты о Лермонтове»)

Публикация С. И. БОГАТЫРЕВОЙ.

Михаил КУЗМИН

СТИХОТВОРЕНИЕ МИХАИЛА КУЗМИНА «ПУШКИН» БЫЛО ПРОЧИТАНО НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ ПОЭТА 11 ФЕВРАЛЯ 1921 ГОДА, И ОПУБЛИКОВАНО В ТОМ ЖЕ ГОДУ В СБОРНИКЕ «ПУШКИН. ДОСТОЕВСКИЙ», ИЗДАННОМ ПЕТРОГРАДСКИМ ДОМОМ ЛИТЕРАТОРОВ.

ПУШКИН

Он жив! У всех душа
нетленна,
Но он особенно живет.
Благоговейно и блаженно
Вкушаем вечной жизни мед.
Пленительны и полнозвучны
Текут родимые слова...
Как наши выдумки докучны
И новизна как не нова.
Но в совершенства хладный
камень
Его черты нельзя замкнуть:
Бежит, горя, летучий
пламень.
Взволнованно вздымая грудь.
Он — жрец и он — веселый
малый,
Пророк и страстный человек,
Но в смене чувства небывалой
К одной черте направлен бег.
Москва и лик Петра
победный,
Деревня, Моцарт и Жуан,
И мрачный Герман, Всадник
Медный,
И наше солнце, наш туман.
Романтик, классик, старый,
новый?
Он — Пушкин. И бессмертен он.
К чему же школьные оковы
Тому, кто сам себе закон?
Из стран, откуда нет
возврата,
Через года он бросил мост,
И если в нем признаем брата,
Он не обидится: он прост.
И он — живой, — живая шутка
Живит арабские уста;
И смех, и звон, и прибаутка
Влекут в бывалые места.
Так полон голос милой
жизни,
Такою прелестью живим,
Что слышим мы в печальной
тризне
Дыханье светлых имен.

НАХОДКА

уж мой велел мне носить траур по нем два года, и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра едет вместе со мной, и для меня это большое утешение»...

В феврале 1837 года Наталья Николаевна Пушкина отправилась в свое родовое поместье — Полотняный Завод. Старший брат — Дмитрий Гончаров — отвел ей просторный Красный дом, где когда-то останавливался и Пушкин. Вскоре в доме появились и его книги: «Я выписала сюда все его сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватает мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его — все равно что слышать его голос, а это так тяжело!»

Впервые покинуть свою печальную обитель Наталья Николаевна решила в конце лета того же года. Ее путь лежал в волоколамское имение матери — Ярополец, также еще не забывший пушкинских визитов. Спутницей стала неизменная наперсница — сестра Александрина, добровольно возложившая на себя траурную епитимию; взяли в дорогу и детей, за исключением маленькой Таши, оставленной на попечении брата.

Путешественники прибыли на место точно в срок — к 26 августа. В фамильном замке Яропольца их с нетерпением поджидала именинница — Наталья Ивановна Гончарова. Позже приехал из Царского Села и брат — Иван Николаевич, поручик лейб-гвардии гусарского полка. Впоследствии он писал Дмитрию: «Я нашел мать в окружении дочерей, невестки и приемной дочери и прибыл следственно весьма кстати, чтобы дополнить красивую семейную группу... Не буду тебе описывать те четыре дня, что я пробыл у матери, потому что вероятно сестры тебе уже об этом рассказали, и ты мог видеть, что все способствовало тому, чтобы она все время была в кротком расположении духа: прогулки, кавалькады, поездки в Осипов монастырь, и в заключение на четвертый день сцена трогательного, даже патетического прощания».

Неотложные дела вынудили И. Н. Гончарова покинуть семейное общество. А вскоре после отъезда брата Наталья Николаевна отослала с оказией в Полотняный Завод краткую эпистолию. До сих пор эта записка, адресованная Д. Н. Гончарову и написанная по-французски, была неизвестна в пушкиноведении. Недавно она обнаружена в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Вот ее перевод:

«16 сентября 1837
Ярополец.

Ты столь любезно обещал нам лошадей за Можайском, дорогой Дмитрий; следовательно, я на тебя полагаюсь и сообщаю, что мы выезжаем 2 октября. Ничего сверх того не пишу: уже полночь, и меня жутко клонит ко сну. Итак, прощай, мой дорогой брат; я нежно обнимаю тебя, равно как и твою супругу.

Если это тебя не слишком затруднит, постарайся добраться до Красного дома и запечатлей там нежный поцелуй на челе моей маленькой сиротки.

Н. Пушкина.

Алекс обнимает вас обоих»

Перед читателем — редкостная находка, уточняющая некоторые подробности биографической хроники жизни Натальи Николаевны и связующая воедино два крупных эпистолярных цикла: письма ее к брату, написанные до гибели Пушкина (последнее датируется сентябрем 1836 г.), и их переписку, возродившуюся в 1838 году. Незатейливые строки, пронизанные думой о младенце, отчасти заполняют эту хронологическую лауну. Впрочем, послание из Яропольца только на первый взгляд кажется обыденным и безыскусным. Ясно видится, что драгоценный, обнаруженный теперь в ЦГАЛИ автограф таит в себе и некий подтекст.

Просьба о предоставлении экипажа, высказанная в сентябрьском письме 1837 года (и ставшая затем постоянной), — лишь слабый символический отголосок тех житейских трудностей, с которыми столкнулась Н. Н. Пушкина, недавно блиставшая на балах в Аничковом дворце. Материальное положение вдовы великого поэта зачастую выглядело критическим; поиски денег превращались в ежедневное докучливое занятие. В те годы Александрина разсыпала к Д. Н. Гончарову: «Дорогой Дмитрий, я думаю ты не рассердишься, если я позволю себе просить тебя за Ташу... Я только умоляю тебя взять ее под свою защиту. Ради бога дорогой брат, войди в ее положение и будь так добр и великодушен — приди ей на помощь. Ты не поверишь, в каком состоянии она находится, на нее больно смотреть... Поверь, дорогой Дмитрий, бог тебя вознаграждает за добро, которое ты ей сделал бы. Я боюсь за нее. Со всеми ее горестями и неприятностями, она еще должна бороться с нищетой. Силы ей изменяют, она теряет остатки мужества, бывают дни, когда она совершенно падает духом...» Даже вернуться в Полотняный Завод Н. Н. Пушкина не могла, ибо не имела подставы собственных лошадей — предмета, наличествующего у любого помещика средней руки. Пришлось обращаться за помощью к брату: «...Я на тебя полагаюсь...» Это была первая эпистолярная просьба к нему в длинном ряду дальнейших и многолетних.

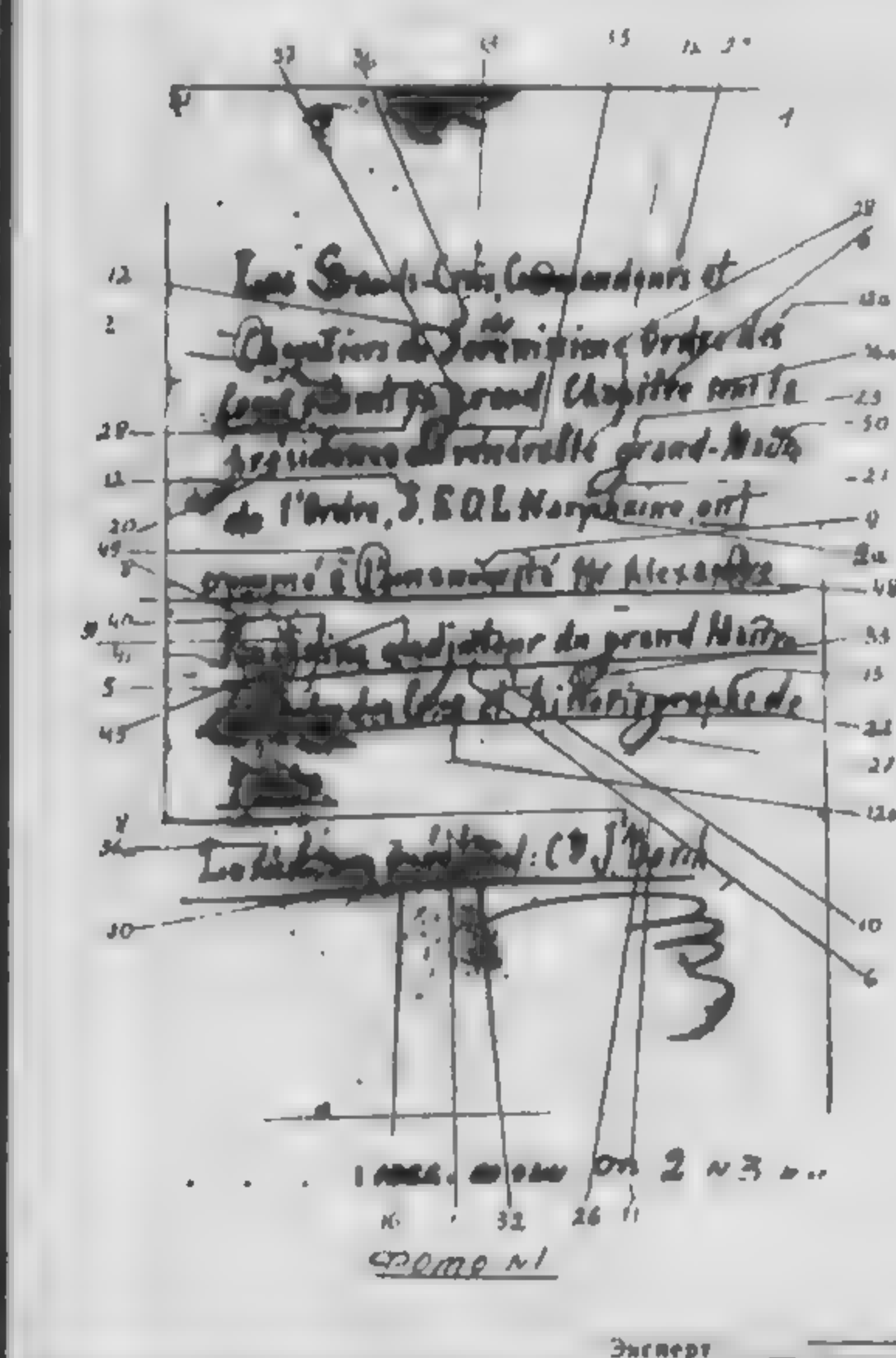
Михаил ФИЛИН

Григорий
ХАИТ

ПО СЛЕДАМ ПРЕДВЕСТИНИКА ГИБЕЛИ

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД, В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» № 42 ЗА 1927 ГОД, ИЗВЕСТНЫЙ ПУШКИНИСТ П. Е. ЩЕГОЛЕВ ОПУБЛИКОВАЛ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АНОНИМНОГО ПАСКВИЛЯ, ПОСЛУЖИВШЕГО ОДНОЙ ИЗ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПРИЧИН ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ ПУШКИНА. ОДНАКО МНОГИЕ ВИДНЫЕ УЧЕНЫЕ ПОДВЕРГЛИ СОМНЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТЫ ТОЙ ДАВНЕЙ ЭКСПЕРТИЗЫ. И ВОТ ПО ИНИЦИАТИВЕ «ОГОНЬКА» ИСТОРИКОМ-АРХЕОГРАФОМ Г. ХАИТОМ БЫЛО ОРГАНИЗОВАНО НОВОЕ КОНТРОЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКУМЕНТА, В КОТОРОМ ВМЕСТЕ С НИМ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ РАЗНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ. ЭТО НЕ ЭПИЗОДИЧЕСКОЕ РАЗЫСКАНИЕ, А ЧАСТЬ ОБЩЕЙ РАБОТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПОСЛЕДНИМ ДНЯМ ПОЭТА.

Министерство культуры СССР
ТАБЛИЦА № 1
И ЗАКЛЮЧЕНИЮ ЭКСПЕРТИЗЫ № 1019/41977 года

Текст «диплома» с пометами экспертов-почерковедов.

Исследование верхнего пакета с штампелем С.-Петербургской городской почты и адресом М. Ю. Виельгорского.

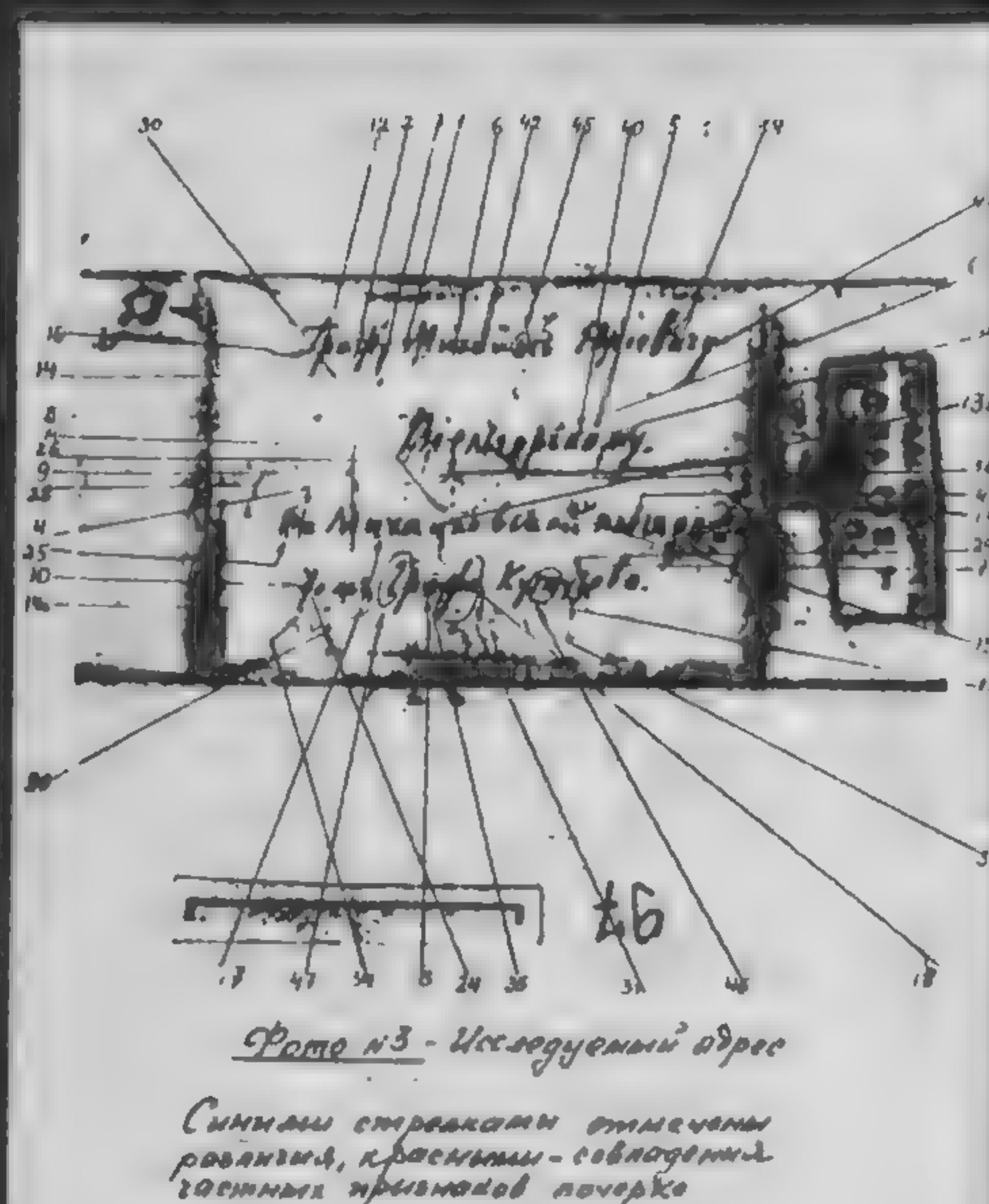

Рис. № 3 - Исследованный адрес

Символы старинной отменены, розовыми, красными - собственными, зелеными - приписками почерка

Тайна анонимных писем, посланных Пушкину, его друзьям и знакомым, — тайна, окружающая кончину поэта. Ее загадка мучила не одного исследователя...

В рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) находятся два экземпляра так называемого «диплома ордена рогоносцев». Один — полный, содержащий верхний пакет с адресом М. Ю. Виельгорского (в него и был вложен пасквиль, на оборотной стороне которого начертано «Александр Сергеевич Пушкину»), другой экземпляр — неполный, без верхнего пакета.

Они лежали в кабинете поэта*, и копию с них еще до кончины Пушкина снял Данзас — его лицейский друг и секундант.

Сохранился лист бумаги, на котором рукой Данзаса переписан ряд документов, прямо относящихся к предыстории дуэли. Именно Данзас сравнил оба экземпляра «диплома», одинаковые по форме и содержанию. Он же передал копии П. А. Вяземскому — составителю «дуэльных сборников», достоверно раскрывающих подоплеку тех трагических событий.

Затем П. А. Вяземский осуществил (по экземпляру пасквиля, присланному на имя его жены) одно из первых графологических исследований «диплома». Но его вывод о том, что это подметное письмо — дело рук иностранца, не подтвердился.

Уже в советское время видные пушкинисты А. С. Поляков и П. Е. Рейнбот полагали, что если бы жандармы пожелали в самом деле разыскать виновных, именно печать, которой были закрыты пакеты, могла направить их на нужный след. Но «расследование», начатое в первой половине 1837 года III отделением, вскоре ушло в песок.

В последние годы Ю. Плашевский в публикации в журнале «Простор» «О происхождении пасквильного диплома» утверждал, что печать (как и сам пасквиль) масонская и принадлежала, возможно, Великой ложе «Астреи», хотя во главе ее стоял и друг поэта — М. Ю. Виельгорский.

Старейший научный сотрудник Эрмитажа Иван Георгиевич Спасский, которому я в свое время показывал фотографии оттисков этой печати, не признал здесь следов ни масонской, ни личной, ни служебной печати, настолько она перебуржена какой-либо роль в задуманной травле поэта?

Нахожу нужные источники и принимаюсь «читать» то, что оттиснуто на сургуче, застывшем полтора века назад.

Например, две капли, похожие на пламенеющие сердца, означают: «Любовь двух сердец содеяла единое». Раскрытый циркуль может быть воспринят и в смысле: «Кто тайну знает, тот все имеет». Одновременно это и призыв к действию. Плющ — символ верности, привязанности и семейного благополучия. На оттиске плющ щиплет какая-то странная птица. Такое изображение, очевидно, намекало на нарушителя семейного благополучия.

Принимая во внимание, что и сам Пушкин, и люди его круга, кому посылались экземпляры «дип-

* Откуда были изъяты жандармами, которые завели «дело», озаглавленное «О присланных Пушкину безымянных билетах (записках)».

лома», скрепленные этой печатью, разбирались в значении подобных символов, можно допустить, что печать должна была подчеркнуть содержание анонимного письма.

Почтовые печати являлись в XIX веке непременной принадлежностью обихода всякого грамотного человека. Заказывала их петербургская знать, как правило, в «Английском магазине» Никольс и Плинке. Здесь же многие покупали и тот сорт бумаги, на которой написан «диплом», — потому она и не может быть признана уликой против определенного лица. Другое дело — почтовые аксессуары.

Хорошо известно, что подметные письма доставлялись Пушкину и его друзьям и знакомым по вновь введенной городской почте. Вместе с оттиском почтового штампа на пакете с адресом М. Ю. Виельгорского сохранилась и чернильная помета — «58». Не связана ли она с текстом штампа: «Городская почта, 4 ноя<бря>. Утро?».

Ленинградский филателист М. Добин, собиратель и исследователь материалов по истории именно Санкт-Петербургской почты, в том числе и пушкинской поры, изучив штампель и цифровую помету, сообщил мне, что пакет с пасквилем сдал вечером 3 ноября и пошел он в доставку утром 4-го. А помета «58» указывает на номер «приемного места» — мелочной лавки. Все существовавшие в то время в Петербурге «приемные места» (их было чуть больше ста) отправляли в среднем за день 400 писем, «закрыток» и билетов. Так что к «сидельцу» мелочной лавки (принимавшему плату за каждое из них) за день обращались 4—5 человек, и при необходимости он мог указать, кто, что и когда отправлял.

Помета, следовательно, являлась своеобразным «обратным адресом» определенного «приемного места». Жандармам это, конечно, было хорошо известно. Но они и туда не пошли, хотя однажды, когда последовал приказ свыше, было тотчас же обнаружено, кто и откуда отправил по городской почте оскорбительную анонимку графу Орлову.

Возможно ли теперь, 150 лет спустя, определить, где, в каком районе Петербурга находилось 58-е «приемное место», чтобы узнать, откуда был отправлен М. Ю. Виельгорскому (единственный с верхним пакетом, дошедший до нас) экземпляр подметного письма?

Увы, поначалу все попытки исследователей выяснить таинственный адрес оказались тщетными. Помог случай. В рукописном отделе Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина мне посчастливилось обнаружить «Записку об отданных в Почтамт из приемных мест письмах 11 округа, ноября 1». Год не указан, зато упомянуты фамилии почтальонов, количество сданных ими корреспонденций и сказано, что они были взяты из 55, 56, 57-го и, главное, 58-го «приемных мест». «Записка» составлена той же рукой, тем же почерком, что и помета «58» на интересующем нас пакете.

Далее оставалось лишь установить, что второй почтовый округ обслуживал территорию второй административной части Петербурга, в которую входил и его центр. Здесь и находилось 58-е «приемное место». Тут, в центре столицы, заказывали и пасквильную печать. Выходит, следов и улик для сыска было предостаточно!

Нельзя пройти мимо так называемого «конфиденциального» способа рассылки подметных писем, к которому тогда прибегали. Вполне приемлемый в деятельности ведомств и служб (верхний пакет — в их адрес, внутренний — на имя определенного чиновника), он у частных лиц при известных обстоятельствах вызывал замешательство, растерянность.

Явное несоответствие между сутью анонимного письма Пушкину (своего рода «общим извещением») и посылкой его под двойным пакетом уже само по себе тайло каверзу. Впрочем, в «диплом» была заложена целая «система» каверз. Ведь будь это «общее извещение», его следовало бы отправить открыто, дабы познакомиться с ним как можно больше людей. А тут десяток адресатов — и двойные пакеты! Спрашивается, к чему все эти ухищрения?

Думается, посылка пасквиля узкому кругу лиц (друзьям и знакомым поэта) в двойных пакетах преследовала еще одну, основную цель — непременно столкнуть Пушкина с Дантесом. Анонимные враги Александра Сергеевича добились своего, ведь именно от друзей и знакомых он узнал (о чем и сообщал), что «семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом...», и они «все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением; но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса».

Дело умело вели к картелю.

Резонно предположить в данном случае стремление анонимного пасквилянта и подставить вместо себя ни в чем не повинных лиц. Получивший пакет на свое имя обнаруживал в нем и внутренний, адресованный Пушкину, и оказывался перед альтернативой: вскрывать внутренний пакет или нет? Распечатывавший становился невольным обладателем чужой тайны. А попытавшийся что-либо разузнать как бы сам превращался в распространителя клеветы. Наконец, переславшего (не вскрывая его) внутренний пакет адресату — Пушкину можно было при желании объявить клеветником.

Нечто подобное и произошло, например, с Е. М. Хитрово. Она, не распечатав, переправила Пушкину пакет с «дипломом». Позже, узнав о случившемся, написала ему полные отчаяния строки, уверяя, что «жестокий враг» преднамеренно хотел «заставить меня сыграть роль посредника». Она волновалась, отыскивая автора этой гадости. Публикатор и комментатор письма Т. Г. Цявловская высказывала мнение: Е. М. Хитрово «вообразила, что, пересылая оскорбительное письмо Пушкину через нее, аноним рассчитывал, что ее сочтут автором пасквиля». И, зная нравы света, она была недалеко от истины. Уже в 1837 году настойчиво допытывались: «Кто же эта известная нам женщина и как стала она орудием этой жестокости?» В мемуарной литературе ее называли даже «весьма активной» в клевете на Пушкина и его жену. Более того, утверждали, будто Е. М. Хитрово являлась «орудием ужасного злодеяния».

Эти слухи были настолько стойкими, что П. А. Вяземскому пришлось защищать приятельницу и поклонницу Пушкина.

Следует заметить: подбор адресатов выглядит отнюдь не случайным. Среди получивших двойной пакет с «дипломом» был и поручик К. О. Россет. Он вскрыл его, показал друзьям — И. С. Гагарину и П. В. Долгорукову и стал расспрашивать: не знают ли они, кто мог сочинить и подкинуть этот пасквиль?

И именно эти молодые аристократы затем были названы участниками фабрикации подметного письма. Первый — еще в конце января 1837 года, другой — четверть века спустя. В 60-е годы прошлого столетия в русской печати появились публикации, где высказывались суждения о том, что анонимный пасквиль — дело рук представителей высшей русской аристократии, князей И. С. Гагарина и П. В. Долгорукова.

Суждения о Гагарине и Долгорукове как о непосредственных исполнителях подметных писем (а заодно адресов и надписей) повторялись и позже.

В XX веке исследованию этой версии посвятил свои публикации известный пушкинист П. Е. Щеголев. Именно он настоятельно стремился убедить читателя, что только князь П. В. Долгоруков являлся непосредственным исполнителем текста «диплома», так как был «подручным» у приемного отца Дантеса — нидерландского посла.

При всем этом до 1927 года исследователь утверждал: «Вопрос о том, кто писал диплом своей собственной рукой, остается невыясненным».

Однако в 1927-м в № 42 «Огонька» появился очерк П. Е. Щеголева «Кто писал анонимные письма Пушкину?», где, основываясь на проведенной по его инициативе криминалистической экспертизе, назвал писцом «диплома» П. В. Долгорукова.

Это обвинение заставляет нас вспомнить историю щеголевской экспертизы. Уже при отборе образцов почерка для исследований была допущена недопустимая «подсказка», ибо большую часть образцов составляли автографы именно Долгорукова. Гагаринских бумаг представлено три, а Луи Геккерн — только одна. Рукописные строки других современников отсутствовали.

В экспертизу Щеголев избрал А. Салькова — фельдшера по образованию, служившего до революции в полиции, где он занимался в основном дактилоскопией. В советское время, работая в научно-техническом бюро при Ленинградском губернском уголовном розыске, Сальков брался за самые разнообразные экспертизы, занимаясь также и изучением почерков.

Конечно, проводить подлинное научное исследование ему было не по силам. И тем не менее «сенсация» взяла старт 13 октября 1927 года на страницах ленинградской «Красной газеты» в заметке все того же А. Салькова: «Автор анонимных писем Пушкину найден». «Никто иной», — утверждалось в заметке, — как именно он, Долгоруков, представитель именнейшей дворянской фамилии, историк, публицист, журналист и эмигрант, писал эти анонимные письма».

«Закключение» Салькова, собственно, и легло в основу щеголевского очерка в «Огоньке», который сразу подвергся резкой критике. Прочитав этот материал, нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин написал Щеголеву письмо, где, в частности, говорилось:

«На почерк П. В. Долгорукова совсем непохоже. Экспертиза Салькова напоминает... экспертизу Бертильона в деле Дрейфуса». Известно, что Бертильон нашел в тексте «шпионского документа», якобы отобранного у офицера французской армии Дрейфуса, сходство с его почерком. Но при этом рассматривались только совпадения, характерные для многих лиц, учившихся писать в одно и то же время. И вовсе не принимались в расчет различия, благодаря которым как раз и выявляются признаки, характерные лишь для данного конкретного лица.

А. Сальков тоже обращал внимание лишь на совпадения, полностью обходя различия.

Чуть позже Г. В. Чичерина с критическими замечаниями относительно проведенной экспертизы выступил пушкинист М. Л. Гофман, а в 1931 году литературовед П. К. Губер отметил, что имя писавшего пасквиля установлено «при помощи далеко не всегда бесспорного графологического исследования». Подобную же точку зрения высказывали в своих неопубликованных работах, посвященных «диплому», Б. В. Казанский и П. Е. Рейнбот. Последний подчеркнул, что «вопрос о его (П. В. Долгорукова) виновности остается открытым...». И все же, несмотря на это, контрольной квалифицированной почерковедческой тщательной проверки выводов А. Салькова так и не было проведено. А обвинения против Долгорукова продолжали выдвигаться до наших дней на страницах монографий, романов, в фильмах, пьесах.

Имели, правда, место и неудачные попытки осуществить новую экспертизу. Взялся за нее по инициативе любителя-пушкиниста М. Яшина криминалист В. В. Томилин. Но вновь допустил явные нарушения основополагающих требований современного научного почерковедения. Эксперт искусственно сузил количество сравниваемых образцов, отобранные же опять-таки содержали не одну «подсказку». Так, при изучении надписи на внутреннем пакете с пасквилям: «Александр

Сергеичу Пушкину» (ею, собственно говоря, и занимался В. В. Томилин) она заранее была окрещена «простолюдинской», и для ее исследования был представлен только образец почерка московского слуги Гагариных Василия Яковлевича Завязкина. Затем «подтверждалось», что надпись сделал именно он.

Естественно, возникла острая необходимость в осуществлении нового исследования. С письмом «Огонька» я обратился к директору Всесоюзного НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции СССР, доктору юридических наук А. Р. Шляхову. Он любезно согласился помочь, поручил исследование анонимного пасквиля старшему научному сотруднику этого института Г. Р. Богачикиной, обладающей большим опытом исследования почерков, в том числе деятелей русской культуры XIX века. К исследованию была привлечена также старший научный сотрудник Киевского НИИЭС, кандидат юридических наук С. А. Ципенюк.

Но для того чтобы эти специалисты могли дать максимально точное заключение, им нужно было предоставить не только те материалы, которыми пользовался Сальков, но и дополнительно образцы почерков Долгорукова, Гагарина, других современников.

Добывал я их в отделах рукописей многих музеев и библиотек, в архивах. Там удалось отыскать образцы почерков Долгорукова, Гагарина, пригодные для исследования по самым строгим правилам и требованиям современного научного почерковедения. Среди них оказались документы 1836—1837 годов, написанные гусиным (Сальков пользовался позднейшими автографами Долгорукова и Гагарина) и стальным пером, на русском и французском языках.

Тем, однако, подготовительная работа перед проведением сложного исследования не исчерпалась. Необходим был консультант по французскому языку (для которого он являлся бы родным). Понадобились также консультации палеографов, специалистов по церковнославянскому языку и т. д.

Лишь после всего этого долгожданное контрольное исследование, наконец, состоялось, дав в итоге 31 машинописную страницу «Закключения специалиста». Привожу выдержки из него:

«На исследование поступили:

1. Фотокопии 2 экземпляров «диплома ордена рогоносцев» на французском языке, присланных на имя А. С. Пушкина.

2. Фотокопия адреса «Графу Михайле Юриевичу Вильгорскому. На Михайловской площади. Дом графа Кутузова».

3. Фотокопии двух надписей:

«Александру Сергеичу Пушкину».

Исследованием требуется установить:

1. Кем, князем Долгоруковым Петром Владимировичем или князем Гагариным Иваном Сергеевичем, исполнены указанные выше тексты 2 «дипломов [ордена] рогоносцев», адрес и две надписи?

2. Обоснованно ли «Закключение» эксперта научно-технического бюро Ленинградского губернского уголовного розыска А. А. Салькова, данное им в августе 1927 года?»

Прерву цитирование, дабы засвидетельствовать, сколь трудным, кропотливым было это исследование. Подтверждение тому — множество таблиц, фотокопии документов, испещренные условными знаками и множеством цифр. Ни одна деталь, ни один штрих, завиток, наклон в почерке не ускользнули от внимания экспертов. В результате почерковеды сделали совершенно определенный вывод: «Поскольку подавляющее большинство букв в французских и русских [исследуемых] текстах являются скорописными, эти тексты, несомненно, пригодны для сравнения их с представленными скорописными образцами почерков П. В. Долгорукова и И. С. Гагарина».

Анализ почерка, которым написаны исследуемые документы, установил, что «оба текста и адрес выполнены одним и тем же лицом».

А это не оставило сомнений и в другом вопросе: русский, оставивший адрес и надпись, воспроизвел также французский текст «диплома». Эксперт по французскому языку К. Фиц подтвердила нетвердое владение писцом «дипломом» французской орфографией.

Теперь посмотрим, что поведали отдельные детали технического исполнения экземпляров пасквиля. В тексте большинство знаков скорописи первой четверти XIX века. Но там оказались и отдельные литеры русской скорописи XVIII века. Из этого можно вывести, что фабрикант анонимки имел как образец документ той поры о награждении русским царским — императорским орденом («диплом ордена рогоносцев» — карикатура подобного акта), и даже предположить, что тут использовали диплом к ордену

Печать и номер почтового «приемного места» на пакете, полученном М. Ю. Вильгорским.

«Св. Иоанна Иерусалимского», которого были удостоены И. Борх и Д. Л. Нарышкин, чьи имена приведены в анонимном пасквиле.

Немало примечательного открывается и в эмоциональной окраске текста анонимного пасквиля. Так, в одном его экземпляре после слов «историографом ордена» — несколько восклицательных знаков, а в конце выведен чрезмерный росчерк, который почитался тогда проявлением неуважения, если он оказывался в письме, записке, посланных мужчине, а в письме к женщине и вообще не допустимым.

Фабрикатор пасквиля осуществил и его корректуру: исправил первый инициал Нарышкина, переделав «Д» из ошибочного «Л», а в надписи «Александру Сергеечу Пушкину» в имени поэта превратив «и» в «у».

Долгое время все эти описки объяснялись тем, что адреса и надпись воспроизводил простолюдин, только такой и мог якобы обозначить отчество поэта как «Сергеечу», а имя его друга М. Ю. Вильгорского — «Михайле».

Однако, по мнению заведующего отделом культуры русской речи Института русского языка АН СССР, доктора филологических наук Л. И. Скворцова, такое употребление имени и отчества на письме позволяло продемонстрировать близость отношений с адресатами. Что и использовал пасквилянт, рассылая «дипломы» именно друзьям поэта, надеясь, что некоторые из них благодаря этому, не заподозрив ничего худого, перешлют письмо Пушкину.

Все сказанное позволяет предположить, что составителем и писцом подметного письма скорее всего являлся один и тот же человек высшего света.

Но был ли это И. С. Гагарин или П. В. Долгоруков?

Тут следует снова предоставить слово специалистам-почерковедам. На их стол легли образцы почерков этих лиц за различные периоды жизни. Они установили, что особенности почерков Долгорукова и Гагарина в течение такого большого срока «устойчиво сохранились».

Но есть ли совпадения в образцах почерков Долгорукова и Гагарина с почерками «подследственных» документов? Совпадения, которые обнаружил Сальков, оказывается, как заметили современные криминалисты, бывают у самых различных лиц, учащихся грамоте в одно и то же время, по правилам одной письменности. Чтобы еще раз убедиться в том, эксперты сравнили автографы Долгорукова и Гагарина с образцами почерков более пятидесяти их современников!

Результат — на множестве таблиц. Видишь, как скрупулезно сравнивались отдельные буквы, их элементы и т. п. И только после этого во ВНИИСЭ занялись сопоставлением совпадений «диплома» с почерками Долгорукова и Гагарина. Специалисты отметили, что «их объем и значимость (в каждом сравнении отдельно) не составляют индивидуальной совокупности, характеризующей почерк одного, определенного лица».

«Закключение» ВНИИСЭ гласит: «Вывод эксперта Салькова в отношении исполнения 2 «дипломов [ордена] рононосцев» и адреса «Графу Михайле Юревичу Вильгорскому» князем Долгоруковым не является научно обоснованным».

А вот что показало сравнение различий почерков Долгорукова и Гагарина и исследуемых документов. Оказывается, «различающиеся признаки устойчивы, существенны и образуют совокупности, достаточные для категорического вывода о том, что тексты двух «дипломов» и адрес «Графу Вильгорскому» выполнены не Долгоруковым П. В. и Гагариным И. С., а другим лицом».

Так был получен отрицательный ответ на вопрос, занимавший не одно поколение исследователей, — написали ли Долгоруков или Гагарин собственной рукой «диплом», адреса и надписи на пакетах.

А ведь в течение ста пятидесяти лет полагали, что сравнение почерка все откроет, станет решающим в поиске пасквилянтов. В действительности же нашему коллективному изучению «диплома» суждено было сыграть в этом сложном деле лишь служебную роль, освободив дорогу нового поиска от всякого рода прежних «сенсаций», «догадок», заблуждений и наслоений.

Кроме того, настоящее исследование позволило выяснить судьбу сохранившихся экземпляров «диплома» и дало немало таких сведений, которые помогут в конце концов найти действительного составителя и распространителя пасквиля, ставшего предвестником гибели Пушкина.

Но установление его настоящего автора не самоцель, а лишь один из путей, позволяющих реконструировать важные звенья событий, которые привели национального гения к роковому барьеру на Черной речке.

НЕИЗВЕСТНОЕ ЧЕТВЕРОСТИШЬЕ...

Как-то в Рукописном отделе Библиотеки имени В. И. Ленина, работая в поисках писем Натальи Николаевны к Пушкину над архивом Григория Петровича Георгиевского¹, мы обнаружили в нем письмо некоей Е. Дмитриевой, которая писала Георгиевскому об одном неизвестном четверостишии Пушкина.

Георгиевский, очевидно, запросил Дмитриеву, чтобы она написала ему об истории происхождения этих стихов. Продолжая разбор архива, мы нашли и второе письмо Дмитриевой, в котором она подробно рассказывала, откуда ей известно четверостишие. История эта, видимо, передавалась в семье из поколения в поколение, так же как и обстоятельства, при которых оно было создано.

Вот что писала Елена Константиновна Дмитриева в письме от 16 ноября 1933 года:

«...Я родилась в 1881 году. Когда я была еще совсем маленькая, по-видимому, до 8 лет... я смутно вспоминаю, что ездила со своей родственницей, точно не вспомню с которой, навещать во Вдовий дом при Смольном и помню вышедшую к нам старушку. Впоследствии отец рассказывал следующее.

¹ Г. П. Георгиевский был в 30-х годах заведующим Рукописным отделом Румянцевского музея, который впоследствии передан в Библиотеку имени Ленина.

Во времена его детства у них в семье гувернанткой служила Колпакова, Любовь (отчество не помню). И она рассказывала, что когда она окончила институт, то поступила гувернанткой в один дом. Как-то собрались гости, и в числе их был Пушкин. Собирались все куда-то отправиться, а она была очень молода, и от незнакомого общества и ее одиночества на нее напала сильная тоска, и она ушла наверх и расплакалась.

Вдруг слышит быстрые шаги по лестнице, и «влетел» Пушкин, и, увидя ее расстроенной, посмотрел внимательно и после торжественно-шутливо прочел приведенное мною в том письме четверостишие, как бы экспромт:

Туманен образ твой, как даль,
Как после бури взор твой томен.
Откройся мне, я буду скромн,
Я разделю твою печаль.

После чего схватил ее за руки и стремительно побежал, просто бегом стащил ее с лестницы и ввел в общество.

Вот и все, немного.

Мне несколько раз хотелось сообщить об этом, да я как-то стеснялась, думая, что четверостишие является, может быть, отрывком из какого-либо его произведения, а вовсе не экспромтом... приходило в голову, что могли усумниться в подлинности моего рассказа, т. к. мне его подтвердить нечем.

ГРАФИЧЕСКАЯ СЮИТА

художник
А. МИЩЕНКО (Москва)

Экслибрис — как пробный камень для художника-графика: тут требуются необычайно тонкое мастерство, высокий вкус, верный глаз и твердая рука. Недаром в этом деле блеснули такие мастера, как Сомов и Бенуа, Кравченко и Фаворский.

Искусство экслибриса обратилось к пушкинской теме еще в прошлом веке: среди наиболее ранних — книжные знаки библиотеки Пушкинского Дома, известных собирателей и пушкинистов А. Онегина, П. Щеголева, М. Цявловского. Вскоре появляются графические миниатюры с изображением великого русского поэта. Однако долгое время такие экслибрисы были все же редкими. В последние два десятилетия число их резко воз-

художник
А. ЧЕПАУСКАС (Вильнюс)

росло, что, впрочем, понятно: теперь сочинения Пушкина и книги о нем есть почти в каждом доме, и многие книголюбцы помечают эти издания специальными знаками.

Разнообразны их сюжеты и техника исполнения, но все эти маленькие листы проникнуты большим содержанием, а главное, в них глубокая и непреходящая любовь к поэту.

Многие знают о Литературном музее А. С. Пушкина в словацком городе Бродзяны. Не так давно «Огонек» писал об этом музее. В нем хранятся, кстати, прекрасная коллекция пушкинских экслибрисов. Для библиотеки музея в 1979 году выполнил миниатюру ленинградский график В. Кундин.

Никого из моих родных, знавших Колпакову, уже не осталось, поскольку мне известно, я только могла указать приблизительно дату ее пребывания во Вдовьем доме, для чего упомянула в начале письма о моей поездке к ней.

Стиль стихов слишком «пушкинский», почему я и не сомневалась в их подлинности.

И, кроме того, они настолько милы, что... не хотелось предать их забвению, почему я и решилась наконец написать.

Главное, что меня подтолкнуло, — это то, что на днях я прочла «Дневник Пушкина» издан. Румянцевского музея, и увидела, сколько внимания уделялось каждой мелочи, касавшейся как произведений, так и самого Пушкина. Е. Дмитриева»¹.

Письмо это так искренне написано и четверостишие действительно так хорошо и так похоже на пушкинское, что мы решили разобраться в этом деле, и прежде всего выяснить, кто такая Е. Дмитриева.

Мы написали ей письмо, но ответа не последовало. На наш запрос адресный стол Ленинграда ответил, что «означенная» Дмитриева была отправлена в больницу под Ленинградом. Больница же сообщила, что Дмитриева уже умерла и что хоронил ее сын. Адрес сына мы узнали опять-таки через адресный стол. Так мы нашли Андрея Петровича Дмитриева, проживающего в Ленинграде. Он очень заинтересовался нашими розысками и сообщил все, что помнил.

Евгенией Константиновной звали не только его мать, но и бабушку (1881—1953), и именно она, как он уверен, написала Георгиевскому. Проживала бабушка с семьей в Петербурге, на Итальянской улице, а потом на углу Барочной и Б. Зеленой.

¹ Публикуется впервые.

Ее мать (прабабушка А. П. Дмитриева) была замужем дважды: первый раз за графом Сиверсом, а второй за Петровым, который усыновил всех ее детей от первого брака, откуда и девичья фамилия бабушки — Петрова. Далее, в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина мы узнали, что Вдовий дом находился на одной территории со Смольным институтом и, очевидно, Колпакова в старости переехала туда.

Теперь сопоставим даты. Е. К. Дмитриева родилась в 1881 году. Она с кем-то навещала Колпакову во Вдовьем доме, будучи лет шестисеми. Следовательно, это было в 1887 или 1888 году. Сколько лет могло быть старушке? Предположим, лет 70. Значит, Колпакова родилась в 1817—1818 году и лет 16—17 окончила институт, то есть в 1833—1834 годах. Если это так, то случай, о котором она рассказывала, мог иметь место при жизни Пушкина. Эпизод вполне вписывается и в характер поэта: «добрейшее сердце», так говорила о нем Наталья Николаевна. Он, вероятно, не раз встречал в той семье гувернантку, скромную, симпатичную девушку. И однажды, когда хозяйка дома и Пушкин куда-то собрались выезжать, молодая гувернантка, зная, что ее с собой не возьмут, убежала к себе наверх и расплакалась. Да и само поведение поэта служит еще одним аргументом в пользу «легенды»: оно действительно похоже на пушкинское — быстро взбежать по лестнице, ободрить плачущую девушку и вместе с ней сбежать обратно в гостиную, к собравшемуся на прогулку обществу...

Что касается нас, то мы уверены, что этот экспромт принадлежит Пушкину. А кроме того, надеемся, что кто-либо из потомков Петровых (по другой линии) знает об этом случае и может дополнить наше сообщение.

И. ОБОДОВСКАЯ, М. ДЕМЕНТЬЕВ

ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

ИЗ ПИСЕМ, ДОКУМЕНТОВ, ВОСПОМИНАНИЙ

«СОЛНЦЕ НАШЕЙ ПОЭЗИИ ЗАКАТИЛОСЬ!
ПУШКИН ССОНЧАЛСЯ,
ССОНЧАЛСЯ ВО ЦВЕТЕ ЛЕТ,
В СЕРЕДИНЕ СВОЕГО ВЕЛИКОГО ПОПРИЩА!..
БОЛЕЕ ГОВОРИТЬ О НЕМ НЕ ИМЕЕМ СИЛЫ,
ДА И НЕ НУЖНО;
ВСЯКОЕ РУССКОЕ СЕРДЦЕ ЗНАЕТ
ВСЮ ЦЕНУ ЭТОЙ НЕВОЗВРАТИМОЙ ПОТЕРИ
И ВСЯКОЕ РУССКОЕ СЕРДЦЕ
БУДЕТ РАСТЕРЗАНО.
ПУШКИН! НАШ ПОЭТ! НАША РАДОСТЬ,
НАША НАРОДНАЯ СЛАВА!..
ЭТИ СЛОВА БЫЛИ НАПЕЧАТАНЫ
СРАЗУ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ПУШКИНА
В «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЯХ»
К «РУССКОМУ ИНВАЛИДУ».
ОНИ ВЫРАЗИЛИ СКОРБЬ И ГОРЕЧЬ,
КОТОРЫЕ ОХВАТИЛИ ПЕРЕДОВУЮ РОССИЮ,
ПОТЕРЯВШУЮ ВЕЛИКОГО ПОЭТА.
О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ГЕНИЯ
РАССКАЗЫВАЮТ ДОКУМЕНТЫ.

«С месяц тому, Пушкин разговаривал со мною о русской истории; его светлые объяснения древней Песни о полку Игореве, если не сохранились в бумагах, невозвратимая потеря для науки: вообще в последние годы жизни своей, с тех пор, как он вознамерился описать царствование и деяние Великого Петра, в нем развернулась сильная любовь к историческим знаниям и исследованиям отечественной истории. Зная его, как знаменитого поэта, нельзя не жалеть, что вероятно лишились в нем будущего историка».

М. А. КОРКУНОВ. Письмо к издателю Моск. Ведом. С.-Петербург, 4-го февраля 1837 г.

«В начале января 1837 г. баронесса Е. Н. Вревская приехала в Петербург с мужем. Пушкин, лишь только узнал о приезде друга своей молодости, поспешил к ней явиться. С этого времени он бывал у них почти ежедневно и долго и откровенно говорил с баронессой о всех своих делах. Все это время он был в очень возбужденном и раздражительном состоянии. Он изнемогал под бременем клевет, не оставлявших в покое его семейной жизни; к тому же прибавилась крайняя запутанность материальных средств. Между тем жена его, не предвидя последствий, передавала мужу все, что доводилось ей слышать во время ее беспрестанных выездов в свет. Все это подливало масло в огонь. Пушкин видел во всем вздор, до него доходившем, посягновение на его честь, на свое имя, на святость своего семейного очага, и, даваемый ревностью, мучимый фальшивостью положения в той сфере, куда бы ему не следовало стремиться, видимо, искал смерти».

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов бар. Ев. Н. ВРЕВСКОЙ.

«После женитьбы Дантеса государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав знать ему наперед. Так как сношения Пушкина с государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для государя. Но письма этого Пушкин не решил послать, и оно найдено было у него в кармане сюртука, в котором он дрался. В подлиннике я видел его у покойного Павла Ивановича Миллера, который служил тогда секретарем при графе Бенкендорфе; он взял себе на память это не дошедшее по назначению письмо».

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. А. ВЯЗЕМСКОГО.

«Гг. Геккерены даже после свадьбы не переставали дерзким обхождением с женою его, с которою встречались только в свете, давать повод к усилению мщения, поносительного как для его чести, так и для чести его жены».

К. К. ДАНЗАС. Показание перед военным судом 11 февраля 1837 года.

«Дом Пушкиных оставался закрытым для Геккерн и после брака, и жена его также не появлялась здесь. Но они встречались в свете, и там Геккерн продолжал демонстративно восхищаться своей новой невесткой; он мало говорил с ней, но находился постоянно вблизи, почти не сводя с нее глаз. Это была настоящая бравада, и я лично думаю, что этим Геккерн намерен был засвидетельствовать, что он женился не потому, что боялся драться, и что, если его поведение не нравилось Пушкину, он готов был принять все последствия этого».

Бар. Густав ФРИЗЕНГОФ — А. П. АРАПОВОЙ.

художник
О. КОНЯШИН [Электросталь]

Художники любят создавать книжные знаки для библиотек писателей. Так, Ю. Космынин создал ксилографию для грузинского поэта Ираклия Абашидзе: содержание этой гравюры подсказано стихами Пушкина о Кавказе. По-ининому решена композиция в работе А. Мищенко, адресованной А. Пьянову, автору книг «Берег милый для меня», «Пушкинские места Верхневолжья», «Мои осенние досуги» (Пушкин в Тверском крае).

Сюжеты, навеянные произведениями Пушкина, нередко определяют символику в книжных знаках, которые посвящены деятелям искусства. Вот два очень разных и по композиционным приемам, и по манере исполнения экслибриса. Вильнюсский худож-

художник
А. КАЛАШНИКОВ [Москва]

ник А. Чепанас выполнил со своей ственной его почерку стилизации знак в подарок народному артисту СССР Виргилиюсу Норейке: любимая партия певца — Ленского в опере «Евгений Онегин» — определила здесь сюжетный замысел. Тема «Пиновое дамы» содержится в экслибрисе домашней библиотеки народной артистки СССР Елены Образцовой, который вырезал на линолеуме О. Коняшин из подмосковного города Электросталь. ...Пушкинские экслибрисы — еще одна тропинка к постижению образа поэта. Безусловно, лучшие из этих миниатюр занимают достойное место в современной изобразительной Пушкиниане.

Я. БЕЙЛИНСОН

«Это новое положение, эти новые отношения мало изменили сущность дела. Молодой Геккерен продолжал, в присутствии своей жены, подчеркивать свою страсть к г-же Пушкиной. Городские сплетни возобновились, и оскорбительное внимание общества обратилось с удвоенной силой на действующих лиц драмы, происходящей на его глазах. Положение Пушкина сделалось еще мучительнее, он стал озабоченным, взволнованным, на него тяжело было смотреть. Но отношения его к жене от того не пострадали. Он сделался еще предупредительнее, еще нежнее к ней. Его чувства, в искренности которых невозможно было сомневаться, вероятно, закрыли глаза его жене на положение вещей и его последствия. Она должна была бы удалиться от света и потребовать того же от мужа. У нее не хватило характера, и вот она опять очутилась почти в таких же отношениях с молодым Геккереном, как и до его свадьбы: тут не было ничего преступного, но было много непоследовательности и беспечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоит так мучиться, раз он уверен в невинности своей жены, и уверенность эта разделяется всеми его друзьями и всеми порядочными людьми общества, то он им отвечал, что ему недостаточно уверенности своей собственной, своих друзей и известного кружка, что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают. Вот в каком настроении он был, когда приехали его соседки по имению, с которыми он часто виделся во время своего изгнания. Должно быть, он спрашивал их о том, что говорят в провинции об его истории, и, верно, вести были для него неблагоприятные. По крайней мере, со времени приезда этих дам он стал еще раздраженнее и тревожнее, чем прежде».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ,
14 февраля 1837 г.

«Последнее время мы часто видались с Пушкиным и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные... Никто так хорошо не судил русскую новейшую историю: он созрел для нее и знал и отыскал в известности многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения».

А. И. ТУРГЕНЕВ — И. С. АРЖЕВИТИНОВУ,
30 янв. 1837 г.

«Пушкина мне удалось видеть всего еще один раз — за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом поглядывал кругом. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых, крупных зубов, висящие бакенбарды, темные, желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и мудравые волосы... Он и на меня бросил беглый взгляд; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: — он словно с досадой повел плечом, — вообще, он казался не в духе, — и отошел в сторону».

И. С. ТУРГЕНЕВ.

«Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его. Раз они возвращались из театра. Старик Геккерен, идя позади, шепнул ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела, задрожала. Пушкин смутился, на его вопрос она ему передала слова, ее поразившие. На другой же день он написал к Геккерену свое резкое и дерзкое письмо».

А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА по записи БАРТЕНЕВА.

«Господин Барон!

Позвольте мне подвести итог всему, что случилось. Поведение вашего сына было мне давно известно и не могло оставить меня равнодушным. Я довольствовался ролью наблюдателя с тем, чтобы вмешаться, когда почти нужно. Случай, который во всякую другую минуту был бы мне крайне неприятен, пришелся весьма кстати, чтобы мне разделиться: я получил анонимные письма. Я увидел, что минута настала, и воспользовался этим. Вы знаете остальное: я заставил вашего сына играть столь жалкую роль, что жена моя, удивленная такою трусостью и низостью, не могла удержаться от смеха; душевное движение, которое в ней, может быть, вызвала эта сильная и возвышенная страсть, погасло в самом спокойном презрении и в отвращении самом заслуженном.

Я принужден сознаться, Господин Барон, что ваша собственная роль была не особенно приличной. Вы, представитель коронованной главы, — вы отчески служили сводником вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (довольно, впрочем, неловким) руководили вы. Вы, вероятно, внушали ему нелепости, которые он высказывал, и глупости, которые он брался излагать письменно. Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену во всех углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; и когда больной сифилисом, он оставался дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы ей бормотали: «возвратите мне моего сына!»

Вы хорошо понимаете, Господин Барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы мое семейство имело малейшее сношение с вашим. Под таким условием я согласился не давать хода этому грязному делу и не опозоривать вас в глазах нашего и вашего двора, к чему я имел возможность и что намеревался сделать. Я не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын после своего гнусного поведения осмеливался разговаривать с моей женой и еще того менее — обращаться к ней с казарменными каламбурами и разыгрывать перед нею самоотвержение и несчастную любовь, тогда как он только подлец и шалопай. Я вынужден обратиться к вам с просьбой положить конец всем этим проделкам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым я, поверьте мне, не остановлюсь.

Имею честь быть, Господин Барон, Ваш покорный
и послушный слуга Александр Пушкин».

ПУШКИН — барону ГЕККЕРЕНУ, 26 января 1837 г.

«Дантес, который после письма Пушкина должен был защищать себя и своего усыновителя, отправился к графу Строганову; этот Строганов был старик, пользовавшийся между аристократами особым уважением, отличавшийся отличным знанием всех правил аристократической чести. Этот-то старец объявил Дантесу решительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться, и дело было решено».

А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА по записи БАРТЕНЕВА.

«Д'Аршиак принес Пушкину ответ. Пушкин его не читал, но принял вызов, который был ему сделан от имени сына».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. МИХ. ПАВЛОВИЧУ.

ТЕБЯ Ж, КАК ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ, РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ!

Ф. И. Тютчев

«27 января 1837 г. К. К. Данзас, проходя по Пантелеймоновской улице, встретил Пушкина в сани. В этой улице жил тогда К. О. Россет: Пушкин, как полагает Данзас, заезжал сначала к Россету, и не застав последнего дома, поехал к нему. Пушкин остановил Данзаса и сказал:

— Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедем во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора.

Данзас, не говоря ни слова, сел с ним в сани, и они поехали в Большую Миллионную. Во время пути Пушкин говорил с Данзасом, как будто ничего не бывало, совершенно о посторонних вещах. Таким образом доехали они до дома французского посольства, где жил д'Аршиак. После обыкновенного приветствия с хозяином, Пушкин сказал громко, обращаясь к Данзасу: «Теперь я вас введу в сущность дела», и начал рассказывать ему все, что происходило между ним, Дантесом и Геккереном.

Пушкин окончил свое объяснение следующими словами:

— Теперь я вам могу сказать только одно: если дело это не закончится сегодня же, то в первый же раз, как я встречу Геккерена, — отца или сына, — я им плюну в физиономию.

Тут он указал на Данзаса и прибавил:

— Вот мой секундант.

Потом обратился к Данзасу с вопросом:

— Согласны вы?

После утвердительного ответа Данзаса Пушкин уехал, предоставив Данзасу, как своему секунданту, условиться с д'Аршиаком о дуэли».

А. АММОСОВ. Последние дни и кончина А. С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса. СПб., 1863.

«Пушкин спокойно дожидался у себя развязки. Его спокойствие было удивительное: он занимался своим «Современником» и за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей», трудившейся и для его журнала)».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ.

«Условясь с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа, Данзас отправился сделать нужные приготовления. Наняв парные сани, он заехал в оружейный магазин Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкиным заранее; пистолеты эти были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака. Уложив их в сани, Данзас приехал к Вольфу, где Пушкин уже ожидал его».

А. АММОСОВ.

«Данзас хотел как-нибудь дать знать проходящим о цели их поездки (выронял пули, чтоб увидели и остановили)».

В. А. НАЩОКИНА со слов ДАНЗАСА.

«На место встречи мы прибыли в половине пятого. Дул очень сильный ветер, что заставляло нас искать убежище в маленькой сосновой роце. Так как большое количество снега могло стеснять противника, пришлось протоптать тропинку в двадцать шагов».

Виконт д'АРШИАК — кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.
1 февраля 1837 г.

«Несмотря на ясную погоду, дул довольно сильный ветер. Морозу было градусов пятнадцать. Закутанный в медвежью шубу, Пушкин молчал, по-ви-

Е. Е. МОИСЕЕНКО. Памяти поэта.

Евсей Евсеевич МОИСЕЕНКО (род. 1916).
Крупный советский мастер исторической картины, народный художник
СССР, академик. Полотно «Памяти поэта» создано в 1982—1985 годах.

А. Н. КОЗЛОВ. Портрет Пушкина со свечами.

Алексей Никифорович КОЗЛОВ (1925—1977).
С творчеством этого художника мы познакомили читателей в первом номере «Огонька». Картина «Портрет Пушкина со свечами» написана в 1973 году.

димому был столько же спокоен, как и во все время пути, но в нем выражалось сильное нетерпение приступить скорее к делу. Когда Данзас спросил его, находит ли он удобным выбранное им и д'Аршиаком место, Пушкин отвечал:

— *Ca m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite.* (Мне это решительно все равно,— только, пожалуйста, делайте все это поскорее.)

Отмерив шаги, Данзас и д'Аршиак отметили барьер своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этих приготовлений нетерпение Пушкина обнаружилось словами к своему секунданту:

— *Eh bien! est ce fini?* (Ну, что же! Кончили?)

Все было кончено. Противников поставили, подали им пистолеты, и по сигналу, который сделал Данзас, махнув шляпой, они начали сходитьсь.

Пушкин первый подошел к барьеру, и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

— *Je crois que j'ai la cuisse fracassée.* (Кажется, у меня раздроблено бедро.)

А. АММОСОВ.

«Г. Пушкин упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле».

Виконт д'АРШИАК — кн. П. ВЯЗЕМСКОМУ.

«При падении Пушкина пистолет его попал в снег, и потому Данзас подал ему другой. Приподнявшись несколько и опершись на левую руку, Пушкин выстрелил».

А. АММОСОВ.

«Геккерн упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, кою он закрыл себе грудь и будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которою панталоны держались на подтяжке <...> эта пуговица спасла Геккерна. Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал:

— Браво!

Между тем кровь лила из раны».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ.

«Придя в себя, Пушкин спросил у д'Аршиака:

— Убил я его?

— Нет,— ответил тот,— вы его ранили.

— Странно,— сказал Пушкин,— я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ.

«Пушкин был ранен в правую сторону живота, пуля, раздробив кость верхней части ноги у соединения с тазом, глубоко вошла в живот и там остановилась».

Данзас с д'Аршиаком подозревали извозчиков и с помощью их разобрали находившийся там из тонких жердей забор, который мешал саням подъехать к тому месту, где лежал раненый Пушкин. Общими силами усадив его бережно в сани, Данзас приказал извозчику ехать шагом, а сам пошел пешком подле саней, вместе с д'Аршиаком; раненый Дантес ехал в своих санях за ними».

А. АММОСОВ.

«Его привезли домой; жена и сестра жены, Александрина, были уже в беспокойстве; но только одна Александрина знала о письме его к отцу Геккерна. Он закричал твердым и сильным голосом, чтобы жена не входила в кабинет его, где его положили, и ей сказали, что он ранен в ногу».

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. НЕФЕДЬЕВОЙ,
28 января 1837 г.

«Жена встретила в передней — дурнота — *n'entrez pas!* Его положили на диван. Горшок. Раздели. Белье сам велел, потом лег. У него все был Данзас. Жена вошла, когда он был одет и когда уже послали за Арендтом».

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки.

«Когда я вошел к Пушкину, он спросил, что делает жена? Я отвечал, что она несколько спокойнее».

— Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском,— возразил он;— не уехал еще Арендт?

Я сказал, что доктор Арендт еще здесь».

— Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат».

Желание Пушкина было передано д-ру Арендту и лично самим больным повторено. Доктор Арендт обещал возвратиться к 11 часам».

Необыкновенное присутствие духа не оставляло больного. От времени до времени он тихо жаловался на боль в животе, и забывался на короткое время».

Д-р И. Т. СПАССКИЙ.

«Один за другим начали съезжаться к Пушкину друзья его: Жуковский, князь Вяземский, граф М. Ю. Вельгурский, князь П. И. Мещерский, П. А. Валуев, А. И. Тургенев, родственница Пушкина, бывшая фрейлина Загряжская, все эти лица до самой смерти Пушкина не оставляли его дом и отлучались только на самое короткое время».

А. АММОСОВ.

«Княгиня (Вяземская) была с женою, которой состояние было невыразимо: как привидение, иногда подкрадывалась она в ту горницу, где лежал ее умирающий муж: он не мог ее видеть (он лежал на диване лицом от окон к двери), но он боялся, чтобы она к нему подходила, ибо не хотел, чтобы она могла приметить его состояние, кои с удивительным мужеством пересиливал, и всякий раз, когда она входила или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие — «Жена здесь,— говорил он,— отведите ее».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ.

«Пульс стал упадать приметно и вскоре исчез вовсе. Руки начали стыть. Удало два часа пополудни, 29 янв.,— и в Пушкине оставалось жизни — только на $\frac{3}{4}$ часа! Пушкин раскрыл глаза и попросил моченой морозки. Когда ее принесли, то он сказал внятно:

— Позовите жену, пусть она меня покормит».

Д-р Спасский исполнил желание умирающего. Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую — и прикикла лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил ее по голозе и сказал:

¹ не входил (фр.).

— Ну, ну, ничего, слава богу, все хорошо!»

В. И. ДАЛЬ.

«Пушкину делалось все хуже и хуже, он видимо слабел с каждым мгновением. Друзья его: Жуковский, кн. Вяземский с женой, кн. П. И. Мещерский, А. И. Тургенев, г-жа Загряжская, Даль и Данзас были у него в кабинете».

А. АММОСОВ.

«Друзья и ближние молча, сложа руки, окружили изголовье отходящего. Я, по просьбе его, взял его подмышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось и он сказал:

— Кончена жизнь!

Я недослышал и спросил тихо:

— Что кончено?

— Жизнь кончена,— отвечал он внятно и положительно».

— Тяжело дышать, давит,— были последние слова его».

Всеместное спокойствие разлилось по всему телу — руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни, колена — также,— отрывистое, частое дыхание изменялось более и более на медленное, тихое, протяжное,— еще один слабый, едва заметный вздох — и пропасть необъятная, неизмеримая разделяла уже живых от мертвого. Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его. Жуковский изумился, когда я прошептал «аминь!». Д-р Андреевский наложил персты на веки его».

В. И. ДАЛЬ.

«Страшное несчастье обрушилось на наши головы, как громовой удар, когда мы всего менее этого ожидали, хотя, сказать по правде, после этих проклятых безымянных писем небосклон бедного Пушкина постоянно был покрыт облаками. В жестоких страданиях своих Пушкин был велик твердостью, самоотвержением, нежною заботливостью о жене своей. Чувствуя, что смерть близка, он хладнокровно высчитывал шаги ее, но без малейшего желания порисоваться, похорохориться и подействовать на окружающих. Таков он был и во время поединка. Необузданный, пылкий, беспорядочный, сам себя не помнящий во всех своих шагах, имевших привести к роковому исходу, он сделался спокоен, прост и полон достоинства, как скоро добился чего желал; ибо он желал этого исхода. Да, конечно, светское общество его погубило. Проклятые письма, проклятые сплетни приходили к нему со всех сторон. С другой стороны, причину катастрофы был его пылкий и замкнутый характер».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. О. СМИРНОВОЙ в феврале 1837 г.

«Вчера (30-го) народ так толпился,—исключая аристократов, коих не было ни у гроба, ни во время страдания,—что полиция не хотела, чтобы отпевали в Исакиевском соборе, а приказала вынести тело в полночь в Конюшенную церковь, что мы немногие и сделали, других не впускали. Публика ожесточена против Геккерна, и опасаются, что выбьют у него окна».

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. ТУРГЕНЕВУ, 31 янв. 1837 года.

«В день, предшествовавший ночи, в которую назначен был вынос тела, в доме, где собралось человек десять друзей и близких Пушкина, чтобы отдать ему последний долг, в маленькой гостиной, где мы все находились, очутился целый корпус жандармов. Без преувеличения можно сказать, что у гроба собрались в большом количестве не друзья, а жандармы. Не говорю о солдатских пикетах, расставленных по улице, но против кого была эта военная сила, наполнившая собою дом покойника в те минуты, когда человек двенадцать друзей его и ближайших знакомых собрались туда, чтобы воздать ему последний долг? Против кого эти переодетые, но всеми узнаваемые шпионы? Они были там, чтобы не упустить нас из виду, подслушивать наши сетования, наши слова, быть свидетелями наших слез, нашего молчания».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ.
14 февр. 1837 г.

«5 февраля. В 1 час пополудни отправились сперва в Остров, за 56 верст, где исправник и городничий нас встретили и послали с нами чиновника далее; оттуда за пятьдесят к Осиповой — в Тригорское, где уже был в три часа пополудни. За нами прискакал и гроб в седьмом часу вечера; гроб оставил я на последней станции с почтальоном и дядькой. Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем, я осматривал, хотя и ночью, церковь, ограду и здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь. Гроб внесли в верхнюю церковь и поставили до утра там».

(6 февраля), в 6 часов утра, отправились мы — я и жандарм!! — опять в монастырь,—все еще рыли могилу; моим гробокопателям помогли крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу: выронил несколько слез и возвратился в Тригорское. Там предложили мне ехать в Михайловское, и я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешишь в обратный путь. Дорогой Марья Ивановна объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали».

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника.

«Кто бы сказал, что даже дворня (Тригорского), такая равнодушная по отношению к другим, плакала о нем! В Михайловском г. Тургенев был свидетелем такого же горя».

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ, 21 марта 1837 г.

«Пушкин, это высокое создание, оставил мир, в котором он не был счастлив».

А. Н. КАРАМЗИН — Е. А. КАРАМЗИНОЙ, 12 февр. 1837.

«Жизнь Пушкина была мучительная,— тем более мучительная, что причины страданий были все мелкие и внутренние, для всех тайные. Наши врали-журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел, как художник, и все шел в гору, как человек, и поэзия мужала с ним вместе».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. И. ДМИТРИЕВУ, от 12 марта 1837 г.

**ПЕРЕМЕНЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ
В НАШЕЙ
ЖИЗНИ,
ВСЕ ОСТРЕЕ ЗАТРАГИВАЮТ СЕГОДНЯ
И СФЕРУ КУЛЬТУРЫ.
МЫ ОБРАТИЛИСЬ К ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВ СССР
Б. С. УГАРОВУ
С ПРОСЬБОЙ РАССКАЗАТЬ
О ТЕХ ПРОЦЕССАХ,
КОТОРЫЕ НАМЕТИЛИСЬ
В СОВЕТСКОМ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ.**

НРАВСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ТВОРЦА

— Борис Сергеевич, страна переживает сейчас очень ответственное время. Улучшается моральный климат нашего общества, происходит нравственное очищение, меняются стиль и форма работы, новый импульс для своего дальнейшего развития получило искусство. Как это время воспринимают художники?

— В нашей истории всегда были такие периоды, когда острота гражданской позиции бывала крайне необходима. Наверное, сейчас мы переживаем именно такой момент. Мы говорим о расширении демократии. Но при этом не надо забывать, что демократия — это понятие высокопартийное и нельзя путать демократию с демагогией.

Сегодня мы больше говорим о негативных сторонах нашей жизни, чем о положительных примерах. Хорошо, что мы обращаем на это внимание, но я считаю, что важнее конструктивная сторона вопроса. Мало сказать о том, что плохо, — нужны конкретные предложения, способные улучшить дело. Мы не имеем сейчас права рассматривать тот или иной вопрос узко, ведомственно. Мы не должны забывать и уроки истории, поскольку именно исторический опыт позволяет не делать грубых ошибок. Следует помнить и о том, что когда мы говорим о правде и боремся за нее, то всегда при этом нужно иметь совершенно определенную позицию и свои идеалы. Ибо никогда не существовало прогрессивного общества без высоких идеалов.

Огромна в этом роль нашей творческой интеллигенции. Нельзя не слышать той правды, которую говорили и говорят сейчас наши писатели — Федор Абрамов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев и многие другие. Так в свое время говорили эту правду Горький, Шолохов. А если мы взглянем в уже довольно далекие от нас времена, то увидим, что эту же правду говорили своему народу и Толстой, и Салтыков-Щедрин, и Лесков. Так было всегда, потому что художественная интеллигенция во все времена была совестью народа. И мне кажется, что это стремление к высокой правде, к нравственной чистоте должно охватить, да, наверное, и охватывает, не только наших писателей. Так же мыслят сейчас и многие наши художники, продолжающие традиции советского искусства, традиции Герасимова, Дейнеки, Пластова, Мухомовой, Иогансона, Матвеева, Шадра. А они, в свою очередь, продолжали начатое Александром Ивановым, Николаем Ге, Ильей Репиным, Василием Суриковым, Валентином Серовым. Имена эти служат нам примером. Великое искусство не делится на левое и правое. Оно в единственном числе, потому что оно Великое.

Не нужно думать, что сейчас таких художников нет. Они есть и в наше время, просто мы порой проходим мимо, не замечая тех, кто рядом с нами творит высокое.

— В последнее время очень много открывают тех художников, писателей, чьи имена долгое время находились в тени. Об этом сейчас много говорят, издаются забытые и не печатанные когда-то книги, стихи, издаются монографии художников, о работах которых молчали десятилетиями. Как вы относитесь к этому явлению?

— Да, это была наша давнишняя ошибка — что-то не показывать, о чем-то молчать. А запретный плод сладок — это известно всем. Потом, когда ты этот плод раскусишь, он может оказаться вовсе не так хорош. Но для того, чтобы это понять, необходимо попробовать. Умалчивание еще и потому неправильно, что необходимо все-таки знать свою историю, историю своего искусства. И музеи при составлении экспозиций должны объективно относиться ко всем без исключения. Но при этом помнить, что наша история искусств — это еще и история борьбы идей. И нашу сегодняшнюю точку зрения надо тоже определять объективно. Сейчас восстанавливаются имена, внимательно исследуются тенденции. Но любой подобный вопрос надо рассматривать целю и, конечно же, компетентно. Ведь часто нам предлагается в качестве революционного то, что давно уже изжило себя. Следует опасаться и обратного — сначала мы одно замалчивали, теперь мы это раскрываем, а другое замалчиваем. И поэтому, повторяю, выставки и картинные галереи должны объективно отображать истинное положение вещей.

Да, у нас в последнее время то и дело кого-то открывают. «Открывали» Борисова-Мусатова, сейчас вот открывают Филонова, Шагала, а когда-то даже Врубеля «открывали». А я помню, когда мы были молодыми, никто никого не открывал — мы все видели и знали, сопоставляя, сознательно выбирали для себя лучшее. И выбирая, четко представляли, за что борется художник, на чьей стороне он стоит. Какие у него тенденции и к чему он стремится.

Сейчас мы разрушаем какие-то неверные или устаревшие понятия, идем на эксперимент, порой на крайность. Но необходимо при этом четко определять идеалы нового или же восстанавливать чистоту старых. Нужен не пересмотр — нужно объективное уточнение.

Трудно переоценить роль культуры в жизни общества. Об эпохе, о стране, о той или иной общественной концепции мы судим по произведе-

ниям искусства, которые дошли до нас из того времени. И нравственную, и эстетическую высоту нашего общества потомки будут определять по тому, что мы оставим после себя, — по картинам, книгам, фильмам. Мы должны помнить об этом. Конечно, есть какие-то отклонения, но и в них тоже есть польза, ибо только на опыте можно понять, где правда, а где заблуждения. Было бы ошибкой воспитывать людей только при помощи слова «нельзя». Но и вседозволенности допускать не следует, ведь всегда одной из важнейших будет потребность людей именно в высоком искусстве, в высоких идеалах.

— Страна наша велика, и ни для кого не секрет, что далеко не везде эта потребность людей в искусстве, тяга к прекрасному удовлетворяются одинаково. Разница между культурным уровнем москвичей, ленинградцев, жителей крупных городов и уровнем жителей, будем говорить, глубинки велика, порой просто огромна. Каким образом можно исправить создавшееся положение?

— Я думаю, что понятие искусства нельзя разделять на столичное и провинциальное. Так же, как нельзя по некоторым столичным казусам определять общее состояние искусства. Мы сейчас говорим о состоянии всей страны, о ее нуждах. Первый шаг для исправления положения — это сказать во всеуслышание правду. И этот шаг уже сделан. Мы не только говорим эту правду, мы ею живем и во имя ее действуем.

У нас многое было сделано для приобщения народа к культуре уже в первые годы Советской власти. Тогда все представляли, как искусство выйдет на площади и улицы. Не надо нам забывать, что план монументальной пропаганды столь же актуален и сейчас, потому что его целью является не только почтить память великих людей прошлого, но и развивать у народа чувство величия, собственного, прекрасного. И с особым вниманием мы должны отнестись к тому, что у нас есть областные центры, не имеющие музеев, где не проходят никакие выставки. А что могут увидеть жители районного центра?..

В намеченных партийных мероприятиях по развитию агропромышленного комплекса предусмотрено создание повсеместно домов культуры, в которых должен быть не только зрительный, но и выставочный зал, дающий возможности для показа произведений искусства. Эти небольшие, но яркие очаги культуры могут сослужить нам неоценимую пользу.

Я думаю, что мы должны иметь систему передвижных выставок, мобильных и интересных. Громадное значение имеет телевидение, массовые журналы, такие, как «Огонек». И

в области просвещения, в области распространения культуры повсеместно роль массовых средств информации колоссальна. Причем очень много зависит от той позиции, которую занимает печатный орган. Ведь всеядность — это еще не позиция. Нужен грамотный, целенаправленный отбор материала, нужна взаимосвязь со всеми нашими проблемами, нельзя смотреть на вещи узко.

Говоря о популяризации искусства, не следует забывать и о том, что мы можем очень многое перенять из того лучшего, что сейчас существует в мире. В связи с этим я вспоминаю то, что увидел в Норвегии. После долгой зимы, когда раскрываются фиорды, в самые отдаленные поселения направляются корабли, везущие передвижные выставки, небольшие концертные коллективы. С этими же кораблями доставляются и новые книги, так что даже самые маленькие библиотеки постоянно обновляются. И все это — на общественных началах! Я считаю, мы вполне можем воспользоваться этим опытом.

У нас есть общие для всех идеи мира, идеи нравственности, идеи созидания — все то, что противопоставляется войне. И мы хотим найти контакты не только между правительствами — между народами, потому что совершенствование человечества — это понятие интернациональное.

— Каким, по-вашему, должен быть зритель, которому художник непосредственно адресует свои произведения?

— Вопрос о зрителе — очень важный вопрос. Ведь часто иные художники считают себя непонятыми потому, что, дескать, культурный уровень зрителя не позволяет понять их творчество. Такая точка зрения оскорбительна для народа. А ведь именно для общества, для народа мы работаем, создаем свои произведения. И в своем творчестве художники должны совершенствоваться не только свое искусство — они будут совершенствоваться и вкусы общества. А с тенденцией «поднять зрителя до себя» надо бороться. Иногда и себя приходится поднимать до зрителя.

Конечно, мы должны и нравственно, и эстетически воспитывать людей, надо вести пропаганду искусства, надо бороться за широкого зрителя. Понятие высоты искусства — общественное понятие, и только в полном контакте со зрителем может совершенствоваться художник.

— Известно, что одной из важнейших миссий, возложенных на Академию художеств, является подготовка молодых кадров, воспитание новых поколений художников. Во все времена академия воспитывала подрастающее поколение художников сообразно

СУДЬБА ПОКЛОННОЙ

Вход на вторую встречу был ограничен двойным милицейским кордоном: «чужих», то есть представителей средств массовой информации, литераторов, артистов, не хотели пускать. Старший лейтенант милиции признался, что таково распоряжение дирекции.

Борис РЯЗАНЦЕВ

Если гора не идет к Магомету, то ее следует скрыть.

(Грустная шутка архитектора.)

По сути, оба собрания — в Доме архитектора и Центральном выставочном зале — для обсуждения проектов памятника Победы на Поклонной горе явились своеобразным форумом представителей творческой общности столицы. Они собрали свыше тысячи художников и архитекторов, присутствовали и выступали также писатели, актеры, журналисты.

Поначалу все было чинно. Сам актовый зал Дома архитектора с именами великих зодчих, высеченных на стенах, вызвал к академической солидности. Но постепенно от перечисления достоинств проектов ораторы переходили к их недостаткам. И подавляющее количество выступавших связывали их с тем, что составители условий конкурса пренебрегли мнением общего собрания членов Московской организации Союза художников СССР, состоявшегося 8 июля 1986 года.

ГАЗЕТА «МОСКОВСКИЙ ХУДОЖНИК» ОТ 25 ИЮЛЯ 1986 ГОДА. РЕШЕНИЕ СОБРАНИЯ:

«Выступающие единогласно отметили: 1. Спроектированный комплекс не выражает основной идеи — победы советского народа в Великой Отечественной войне и не создает впечатляющего художественного образа. 2. В результате безответственного подхода проектировщиков к решению планировочной задачи Поклонная гора, являющаяся святыней, связанной с величайшими событиями в истории нашего народа, фактически перестала существовать. 3. В своей духовно-социальной функции сооружение дублирует и стремится подменить уже существующие в Москве объекты, хранящие память о Великой Отечественной войне... 4. Эклектичный набор не связанных друг с другом архитектурных и скульптурно-художественных объектов не создает единого ансамбля и не отвечает современному уровню советского и мирового искусства. 5. Гигантомания и помпезность, заложенные в основу проекта, не могут являться выразительными средствами для создания образа подлинного величия. Причиной творческого кризиса в работе над сооружением памятника Победы на Поклонной горе является порочная практика Министерства культуры как в определении исходной задачи, так и в оценке промежуточных этапов работы, проходившей в условиях недостаточной гласности, при отсутствии контактов с широкой творческой общественностью».

Собрание МОСХа пришло к единодушному мнению немедленно прекратить ведущееся строительство памятника на Поклонной горе, заморозить денежные средства до объявления результатов открытого всесоюзного конкурса, создать комиссию из представителей партийных и советских органов, ветеранов войны, деятелей культуры и науки, тружеников промышленности и сельского хозяйства. В эту комиссию, безусловно, не должны попасть люди, уже скомпрометировавшие себя при создании и рассмотрении осужденного широкой общественностью проекта. Созданная комиссия должна выработать исходную идею монумента Победы и разработать организационную подоснову проведению конкурса. Объявить открытый всесоюзный конкурс на воплощение выработанной идеи. Право на рассмотрение и утверждение проектов предоставлять вышеуказанной комиссии. Ее работа должна проходить в обстановке максимальной гласности.

Предлагали конкурс идей, получили половинчатый, усеченный конкурс на главный монумент с учетом первоначального проекта, отвергнутого творческой общественностью. Предлагали прекратить строительство и заморозить средства — вопреки мнению творческого большинства строительство продолжалось, к нынешнему времени израсходовано вдвое больше прежнего народных денег — 44 миллиона рублей. Предлагали освободиться от порочной келейности, в ответ — стена молчания. Предлагали создать комиссию для выработки идеи — получили готовое жюри для оценки готового проекта.

Словом, все не так и все иначе. Причем совершенно не понятна та лихорадочная поспешность, с которой реализуется первоначальный архитектурный замысел. И напротив, совершенно понятны причины, вызвавшие на обсуждении активность, подобную взрыву. Один из основных выводов большинства: к существующему архитектурному проекту невозможно создать отдельный скульптурный шедевр. Мнения специалистов по этому и другим вопросам привожу не в хронологии, с некоторыми из ораторов говорил после выступления, поэтому текст может расходиться с магнитофонной записью, которая велась в залах.

Е. КАЗАРЯНЦ (художник-монументалист): «Конкурс показал недостаток в его организации и качестве работ. Три месяца для воплощения такой идеи не срок. Все проводилось споропативно, с таким расчетом, чтобы убедить нас, что предыдущий архитектурный проект не так уж и плох. Но мы профессионалы, нас в этом уверить нельзя. И тем не менее конкурс дал результаты — открыл первые идеи, мысли, которые только подсказывают, в каком направлении следует двигаться. Перспективнее всего изменить архитектурную ситуацию, разработать построенное и насыпать холм...»

Л. ФИШБЕЙН (архитектор): «...Для чего срыли гору? Я поднялся на ее «огрызок» и посмотрел на яму внизу. Ради чего это сделано? Чтобы подчеркнуть строящееся здание в стиле 30-х годов, сооружение, которое из себя ничего не представляет?.. В проектах чересчур много изображений женщин. Символика символика, но я как

фронтоник знаю, что Победу не танцующая дама принесла, а солдат. Война — мера прежде всего солдатской жизни, где умереть легче, чем победить...»

В. КУЛАКОВ (художник-монументалист): «Скульпторы были в безвыходном положении, пытались создать что-либо совместимое с прямоугольником на шайбах, куполом и колоннадой, заимствованной из Казанского собора. Все части сооружения не согласуются между собой и тупой, скучной планировкой партера, ведущего к зданию. И ради этого была снесена Поклонная гора!.. В такой ситуации художники ничего не могли создать, они были загнаны в угол. А из тупика только один выход — назад... Потрачены деньги? Это не аргумент. Большая их часть пошла на шоссе, коммуникации. Нужно восстановить гору, даже поднять ее выше, чтобы подчеркнуть величие. Необходимо возродить загубленный парк, в котором могли бы стоять произведения искусства. Это должно быть особое место...»

А. ПАНФИЛЬ (архитектор): «Летом истратили двадцать миллионов, сегодня — более сорока. В основном они пошли на инженерные сооружения. Здания комплекса — голый железобетон, сборный, а значит, и разборный. А купол — на стройки Москвы...»

Д. МИТЛАНСКИЙ (скульптор): «...Конкурс не совсем чистый. По расположению проектов в экспозиции можно сразу определить, где в соответствии с рангом представлено начальство. А номера — фикция... По условиям изделия не должны превышать ста сантиметров в габаритах. А тут свыше трех метров, да в металле, да с позолотой. Как с ними состязаться? Если к тому же проект недостаток идей компенсирует финансовой мощью, наиболее выгодным расположением для обозрения, отчего он выглядит лучше, чем другие, сие безнадежно... Выставка — это реабилитация предыдущего проекта, о неудачах которого много сказано раньше. Общее впечатление — холод, пустота, чужое все. А Победа в такой войне стоит большего. Предлагаю: в нынешнем конкурсе премий не давать, создать парк на восстановленной горе и в его аллеях ставить лучшие скульптуры, чтобы люди ходили по вечному музею».

В. ЛОКТЕВ (архитектор): «...К проекту ничего не пристроить — ему все чужеродно... Здесь были редкие, но категоричные высказывания о невозможности реставрации горы. Но позвольте, Царское Село восстановили, Волгоград восстановили, Петергоф восстановили, Варшаву тоже, а уж гору насыпать проще... Необходимо освободиться от груза штампов и ложного пафоса, в изобилии присутствующих на выставке. Искренность нужна. И продолжить конкурс».

А. АРТЕМЬЕВ (художник-монументалист): «Я склонен не доверять тем, кто составлял условия конкурса, поскольку они выгодны предыдущему архитектурному замыслу, который летом был единодушно осужден в московских организациях Союза художников и Союза архитекторов. Стенограмма собрания зодчих у нас имеется. Резолюция этих обсуждений содержала совершенно иные предложения. Составители ими абсолютно пренебрегли, как и не посчитались с мнением творческого актива двух союзов. Извратив суть дела, они, по существу, совершили формальный подлог».

Были и более резкие выступления. К примеру, виновных в осквернении могильника древних вятичей, находившегося на Поклонной, в разрушении Поклонной горы как исторического памятника, в растрате народных денег предлагали привлечь к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК РСФСР.

Справедливости ради, следует разъяснить, что Поклонная гора изменила свой облик не только в последние годы. Сначала справа, если смотреть от Триумфальной арки, по центру которой проходит ось горы, разместился троллейбусный парк. Затем слева нижнюю вершину горы сдвинули, чтобы поставить на ее месте дом. Образовалась насыпь, которую и привыкли в течение тридцати пяти лет считать собственно Поклонной. На насыпи, как утверждалось на последующей пресс-конференции, был питомник, из которого якобы не успели вывезти посадочный материал. Правда, по данным энциклопедии «Москва», изданной в 1980 году, на Поклонной горе, оканчивается, разбит в 1961 году Парк Победы.

Стволы спорного происхождения пошли под топор. А вместе с ними, по сообщению писательницы и искусствоведа Н. Молевой, под нож бульдозера попали дот и блиндаж, входившие в линию обороны столицы. Общество охраны памятников истории и культуры предлагало взять их под государственную защиту, да куда там...

Особенно бурными выступлениями стали, когда обсуждались некоторые отдельные проекты, вокруг которых одни и те же люди искусственно и весьма искусно разворачивали дискуссии, собирали подписи, распространяли листовки. Словом, обрабатывали посетителей. Вряд ли подобные акции «добродетелей» можно считать как честную игру.

Обсуждения завершались в обстановке малопривлекательной: на трибуну входили без разрешения ведущих, вырывали друг у друга микрофон, испытывали на крепость лацканы пиджаков. Но, несмотря на это, большинством была принята резолюция, в которой признается, что конкурс результатов не дал, что необходим новый, в два этапа и на других условиях — с учетом требований членов творческих союзов и совета ветеранов, что необходимо прекратить строительство на Поклонной горе. Решение творческого актива столицы отпущено в партийные органы. Министерство культуры СССР, жюри и секретариаты СХ и СА СССР.

На следующий день состоялась пресс-конференция. Жюри решило продлить конкурс на две недели, добавив к экспозиции еще семь отремонтированных работ, поврежденных при перевозке.

Будем надеяться, что Поклонная гора в конце концов обретет памятник, достойный своей исторической судьбы и праздника «со слезами на глазах»...

великим традициям русского реализма. И когда мы думаем об искусстве будущего, то понимаем, что его будет создавать сегодняшняя художественная молодежь...

— Этот вопрос очень меня волнует сегодня. Сейчас молодыми считаются тридцатипятилетние, а в этом возрасте летчики и артисты балета должны выходить на пенсию. В этом возрасте художники, будь то Рафаэль или Валентин Серов, были созданы шедевры. Спрашивается, кому выгодно, чтобы сорокалетние дяди ходили в коротких штанишках? Как можно умалять значение молодых в то время, когда они должны быть рядом с нами? Нам сейчас так не хватает энергии молодежи, ее таланта, ее напористости, ее воли к деятельности. Глупо упрекать молодежь в инфантильности — ее талантам всегда есть место в жизни. И чем раньше формируется личность художника, тем больше возможностей он будет в дальнейшем иметь для своего целенаправленного развития.

Я могу сказать, что знаю молодежь, — я давно уже преподаю, сталкиваюсь с юными очень часто и вижу, какая хорошая у нас растет смена. Какое у этих ребят высокое чувство ответственности за свое дело, за свое искусство! Наша молодежь хочет многое познать, чтобы впоследствии многое отдать людям, обогатив полученные знания опытом и собственным восприятием мира. Наше дело — помочь им в этом. Не следует стоять перед нами задачи решать по возрастным группам. Мы должны быть вместе.

— Сейчас идет подготовка к съезду Союза художников СССР. Что вы от него ждете, над чем, по-вашему, стоит задуматься мастерам изобразительного искусства?

— Все мы помним, в какой живой обстановке проходили съезды наших писателей, кинематографистов, театральных деятелей. Поставлено очень много вопросов, на которые подчас не давалось ответов, было очень много критических выступлений и конструктивных предложений. Все это пошло на пользу делу. Мне кажется, и наш съезд будет столь же жизненным и неформальным. Но главное, чтобы он не был меркантильным, чтобы мы на этом съезде не говорили о высокой миссии искусства, о наших позициях и устремлениях. Конечно, мы внесем какие-то поправки в устав Союза художников, наверное, встанет вопрос материального обеспечения, нашей базы. Мы должны решать эти вопросы в Художественном фонде, не превращая творческий союз в биржу труда. Безусловно, нужно поставить дело таким образом, чтобы все организации, от которых зависит творчество художника, работали настолько хорошо, чтобы о них лишний раз и не вспоминать. Художник должен быть нацелен на творчество. Это главное. Ну и, конечно, важна наша позиция: мы все объединены единой целью — служению своему народу. И это, я думаю, будет главной темой съезда.

Мне хочется, чтобы нам на смену пришли высокоэрудированные и интеллектуальные люди, чтобы они были патриотами и всегда чувствовали, что они нужны стране, нашему искусству. И не только художники — каждый человек должен чувствовать, что его мысли, его труд, его талант нужны Отечеству. Искусство — это пульс сегодняшнего дня. Именно с этой точки зрения нам и следует определять наши позиции и наши деяния.

Беседу вел Иван ПОДШИВАЛОВ.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕМИМА

Еремей ПАРНОВ

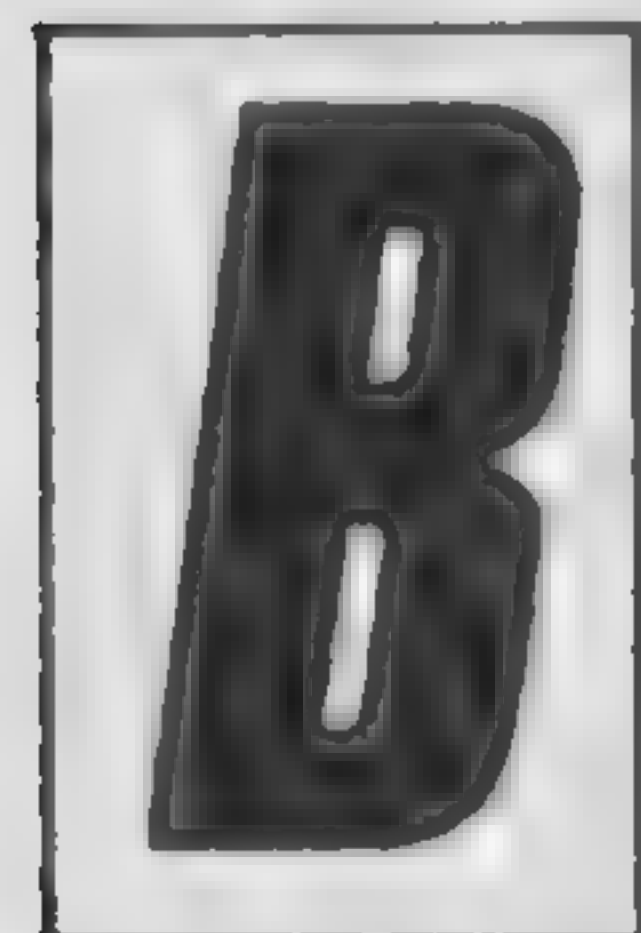
Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник уголовного розыска Люсин расследуют дело об исчезновении профессора-химика Солитова. Они узнают, что Георгий Мартынович занимался анализами лекарств по старинным рецептам. Последний из этих опытов закончился взрывом на даче, где профессор проводил свой отпуск. Выясняется также, что в день исчезновения Георгий Мартынович снял со своего счета в сберкассе полторы тысячи рублей. Гуров подозревает, что в этой истории замешана домработница Солдатенкова, которой профессор завещал дачу.

Глава десятая

ЗЕЛЕЙНЫЕ ТРАВЫ

Вопреки ожиданиям, Наталья Андриановна встретила Люсина довольно приветливо. На сей раз она провела его в свою лабораторию, где в этот час было относительно тихо. Она специально условилась встретиться в обеденный перерыв.

— Богато живете,— одобрил Владимир Константинович, озирая сложные пространственные композиции из всевозможных колб, шариковых холодильников и причудливо ветвящихся переходных трубок.

— Для начала объясните мне, что это значит.— Люсин без лишних слов достал лабораторный журнал Солитова.— Здесь,— показал на столбики цифр с градусами и минутами,— и здесь,— очертил ногтем планетные символы.

— Положение Луны и планет на данный момент,— с ходу определила Гротто.— Не обращайтесь внимания. Пунктик.

— Георгий Мартынович верил, что и в астрологии есть рациональное зерно?

— Ничуть. Как вы могли заметить, астрологическая символика появляется лишь в тех случаях, когда ведется эксперимент по старым рецептам. Я, кажется, уже обращала ваше внимание на почти маниакальную скрупулезность шефа? Так вот, в силу педантизма, а может, и пустячного суеверия — кто не суеверен в душе? — он отмечал время опыта традиционными значками.

— Время опыта? И такое возможно?

— Вы читали «Кентерберийские рассказы» Чосера?

— Боюсь, что нет.

— Полюбопытствуйте на досуге. Чосер, сын своего, четырнадцатого, кажется, века, тоже мелил дни положениями солнца, фазами луны. Представьте себе, все это с точностью расшиф-

ровывается. Георгий Мартынович любил тешить себя разгадыванием подобных кроссвордов. Неудивительно, что и сам пристрастился на старости лет.

— Но зачем?

— А зачем Рерих ставил на обороте картин ему одному понятные знаки? Теперь, кстати, их тоже разгадали. Это были зашифрованные даты. С точностью до года удалось установить, когда было написано то или иное полотно.

— Подумать только! — Люсин благодарно вздохнул.— Как много нужно знать, чтобы научиться понимать мир!

— Не уверена.— Наталья Андриановна не без удовольствия приняла его восхищение на свой счет.— По-моему, они далеко не всегда смыкаются — знание и понимание мира. Но в одном вы правы: узнав про маленькую тайну гениального художника, я совсем иначе стала относиться к невинному чудачеству шефа. В мужчине, я говорю про настоящих мужчин, никогда не умирает ребенок. Отсюда и постоянная потребность в игре. Георгий Мартынович, в сущности, по-детски играл в средневековую кабалистику. Вы не играли ребенком в тайны? Я, например, играла. Мы придумывали свою азбуку, свой особый язык... Его воображению льстило хотя бы то, что вполне объективная по сути планетная символика непонятна для непосвященных. Это доставляло ему чисто детскую радость.

— Теперь понятно... Однако скажите, откуда у Георгия Мартыновича все эти звездные координаты? Астрология, если не ошибаюсь, представляет собой ложное толкование реальной картины расположения небесных тел. Верно? Значит, сами по себе положения звезд и лунные фазы — штука вполне объективная. А коли так, то он должен был бы вести наблюдения звездного неба? Но я что-то не заметил у него астрономических инструментов.

— Вы забываете, в какой век нам выпало жить. Есть таблицы, миникомпьютеры, наконец, с помощью которых в два счета можно вычислить все это на любой день. Георгию Мартыновичу одну такую игрушку подарили японцы.

— Короче говоря, Георгий Мартынович рассказывал рецепты ведьминых зелий, переводил на современный химический язык, а вы варили волшебную мазь на своей современной кухне.— Люсин красноречиво мотнул головой на штативы с кипящими колбами.

— Не понимаю вашей иронии,— осадил Гротто, постоянно готовая к обороне.— Вас что-то не устраивает?

— Да я ж восхищаюсь! — Люсин ударил себя кулаком в грудь.

— Своеобразная, однако, манера выражать восторг.

— Вы насчет юмора? С этим делом у меня вечные неприятности. Стараюсь быть смешным, остроумным, а люди обижаются...

— И поделом вам, потому что остроумие несовместимо с бестактными подковырками. Вы смешиваете разные жанры.

— Я вынужден продираться сквозь неведомые дебри и, к сожалению, не всегда успеваю осмыслить все на ходу. А остановиться почему-то боюсь, вот и несу чушь, пока созрею для осмысленного шага. У меня, если позволите, последний вопрос. В прошлый раз вы обещали помочь нам разобраться с тем корешком, помните?..

— Вот, кое-что удалось найти.— Наталья Андриановна достала несколько заранее припасенных библиографических карточек.— Это оказалось не столь затруднительно, как я сперва думала. Зная, что Георгий Мартынович занимался так называемой волшебной мазией, я сосредоточила поиски в двух направлениях. Проверив сначала заведомо известные ингредиенты, вроде белладонны, и не обнаружив растения с таким корневищем, я занялась набором из девяти колдовских трав... Вам понятно, о чем идет речь? —

спросила она, тактично дав ему возможность освоиться.— Это содержащийся во всех «зельниках» и «лечебниках» неперенный перечень: плакун, папоротников цвет, разрыв-трава, тирлич, одолень-трава, адамова голова, орхилин, прикрийш и нечуй-ветер.

— Вот это да! — только и мог выдать из себя Люсин.— Ну-ка, ну-ка! — Он поспешно схватил карточки. Они были сродни тем, что он видел в картотеке Солитова. Невероятно, но на каждой значилось соответствующее классификационное наименование по-латыни.— Бред какой-то! Я был уверен, что все эти «разрывы» да «одоления» существуют только в сказках. Что же касается папоротника, то тут я совершенно уверен: не цветет папоротник.

— Вы правы.— Гротто улыбнулась — такой у него был ошарашенный вид.— Папоротник действительно не цветет, но насчет сказок вы глубоко заблуждаетесь. Речь идет о совершенно реальных растениях, причем более чем обыкновенных. Зачастую это ничем не примечательные обитатели наших лугов, рек и болот. Возьмем для примера плакун-траву. Хотите послушать заговорное слово? — Она нашла нужную карточку.— «Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо. Век веком!» Это ведовской заговор на плакун-траву, извлеченный из «Травника» 1696 года, «сочиненного» — Наталья Андриановна прочитала по тексту, — из дохтурских наук преосвященным Кир Афанасием, архиепископом Холмогорским и Вожским... Языческое суеверие, как видите, нашло приют в святых монастырских стенах. Но вернемся к реальной плакун-траве.— Она перевернула карточку.— На самом деле это не что иное, как дербенник иволистный. Растет он в сырых местах, по берегам рек и озер, хотя встречается и в ольховых зарослях, и на заливных поймах. Цветет с июня до самой осени. Лекарственными достоинствами не обладает. Из-за высокого содержания дубильных веществ скотом не поедается.

— Не обладает, значит, лекарственной силой?

— Нет, не обладает, хотя знахари называли дербенник «всем травам мати». Из него готовили всевозможные порошки, настойки, отвары. Лечили, вернее, пытались лечить, грыжи, желудочные недомогания, даже сердечную тоску. Не знаю, как насчет последней, но все остальное не подтвердилось.

— Зачем же Георгий Мартынович им занимался?

— По многим причинам. Во-первых, отсутствие каких-либо терапевтических свойств у отдельно взятого цветка еще ни о чем не говорит. Они могут проявиться в комплексе с активными веществами других растений, усилить их действие, увеличить стойкость и так далее. Я уж не говорю о том, что сказанное наукой слово почти никогда не бывает последним. Истина, добытая на одном уровне знаний, может быть опровергнута на более высоком. Вот почему Георгий Мартынович считал необходимым время от времени производить переоценку ценностей. Утвержденный у нас список растений-целителей далеко не исчерпывает активы зеленой аптеки. Многие растения, официально не принятые у нас, широко используются в фармакопее других стран — Болгарии, Франции... И наоборот, разумеется.

— Короче говоря, фитотерапия не догма. Корень у дербенника есть?

— Корень есть у всякой травы,— засмеялась Наталья Андриановна.— Молодец, не теряете нити!.. Оценивая под таким углом зрения нашу колдовскую команду, я остановилась на адамовой голове. Только у нее имеется такой вздутый,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

с причудливыми выростами корень. Скорее всего, именно с этим растением и работал Георгий Мартынович до самых последних минут...

— Адамова голова?—Люсин поспешно раскрыл записную книжку.

— Я дам карточку. Тут все, что вам надо. Адамовым корнем у нас зовут знаменитую мандрагору.

— Как же! Самое колдовское средство средневековой Европы!

— Именно так. Собственно, оттуда и пришел к нам слух о «царе во всех травах». В русских народных сказаниях о мандрагоре говорится довольно скупое, больше в письменных источниках. Впрочем, судите сами.—Она передала ему карточку.—Только не забудьте вернуть. Не хотелось бы нарушать коллекцию.

На обратном пути Владимир Константинович жадно впился глазами в знакомую бисерную вязь строчек. Скользя, не задерживаясь, по народным названиям, он молниеносно отыскал то, что считал наиболее для себя важным.

Химический анализ одного из пяти видов мандрагоры (средиземноморского) показывал высокое содержание гиосциамина, скополамина и других сложных алкалоидов. Мысль, которая мелькнула еще при первом осмотре обезображенного взрывом кабинета, получала серьезное подкрепление. Темное веяние сумасшествия, которое явственно ощущалось во всем этом деле, рождало серьезное подозрение. Постоянная работа с растительными ядами и уж тем более взрыв, приведший к неконтролируемому выбросу, несомненно, могли вызвать глубокое отравление. Стойкие галлюцинации. Утрату самоконтроля. Расстройство мышления.

В таком состоянии ничего не стоило, например, сесть в первый попавшийся поезд и покатить незнамо куда.

«А билеты?»—народился вполне закономерный вопрос. «А что билеты?»—мгновенно парировало разлетевшееся воображение.—Можно и билеты взять в бесконтрольном сомнамбулизме. Сколько верст отмахает, пока высадят на железнодорожной станции! Тут всесоюзным розыском пахнет. Система многовариантная».

Все более увлеченный новой версией, Люсин рассеянно прочитал написанное на обороте:

«А кто хочет дьявола видеть или еретика, и тот корень возьми водой освятить, и положи на престол, и незамай сорок дней, и те дни пройдут носи при себе—узришь водяных и воздушных демонов».

Глава одиннадцатая

САЛОН НА МАЛОЙ БРОННОЙ

Весть о таинственном происшествии в деревне Веретенниково, соответствующим образом пре-

парированная стоустой молвой, потрясла и без того пылкое воображение вдовы академика Рунге. Гости, обычно собиравшиеся у Дины Мионовны по четвергам, внесли немалую лепту в сотворение очередной сенсации, взволновавшей многочисленных любителей пустозвонных чудес. Собственно, именно эта, не охваченная заботой демографов, категория населения и составляла основной костяк весьма разношерстной компании, облюбовавшей для еженедельных сборищ просторную квартиру на Малой Бронной. Не следует полагать, однако, что вокруг шестидесяти-семилетней вдовы, сохранившей благодаря поистине героическому подвижничеству известную привлекательность, клубились сплошь доморощенные экстрасенсы и йоги. Ничуть не бывало. Серый солидный дом довоенной постройки с подвальными помещениями и черным ходом, каких уж немного сохранилось в Москве, привлекал и публику более чем достойную. В подворотню, ведущую прямехонько к подъезду Дины Мионовны, слывшей не без основания тонкой кулинаркой, хаживали и солидные ученые мужи, и писатели, и корифеи медицины. Впрочем, большинство составляли все-таки лица иного плана: блиставшие дорогими туалетами модные парикмахерши и массажистки, могущественная властительница стола заказов близлежащего гастронома и, разумеется, бойкие молодые люди скромных, а то и вовсе не определенных занятий. Всех их объединяла фанатичная приверженность любому модному поветрию, будь то летающие та-

релки, Бермудский треугольник или же махаты — мудрецы гималайских вершин.

Надо ли говорить, что Дина Мироновна гжуче ощущала свою особую причастность к загадочному событию. Она не только лично знала того, о ком с таким жадным апломбом судачили теперь в косметических кабинетах и химчистках, но даже пользовалась его лечебными рекомендациями. Сама судьба звала ее выйти на авансцену. Справедливо рассудив, что отрывочных воспоминаний о безвременно почившей супруге Георгия Мартыновича, с которой она столь опрометчиво ухитрилась на старости лет раздружиться, надолго не хватит, хозяйка салона приступила к решительным действиям. Узнав от состоявшего при ее особе сорокапятилетнего недоросля и адепта учений Востока Валерочки, что в дачной истории определенно не обошлось без философского камня, она принялась наводить на сей счет подробные справки.

Постижение нового символа веры шло заведенным порядком. После нескольких консультаций у единомышленников Дина Мироновна окончательно уверилась в том, что древняя и порядком забытая всеми алхимия является чуть ли не последним достижением человеческой мысли, вроде сыроедения и лечения по телефону. Она всегда была особенно чутка к новейшим веяниям. Скорее всего в силу того, что не приходилось преодолевать старые заблуждения. Полученное на заре юности незаконченное среднее образование в счет не шло, а более ничему, удачно выскочив замуж за весьма зрелого к тому моменту академика, Дина Мироновна не научилась.

С помощью последнего академического справочника, который по старой памяти продолжал высылать знакомый референт, ей удалось разыскать самых ведущих химиков. Однако, к великому ее удивлению, все они чуть ли не с хохотом откристились от философского камня. Заподозрив, будто от нее скрывают что-то необыкновенно секретное, энергичная вдова спустилась на уровень членов-корреспондентов. Здесь ей повезло чуточку больше. Один из опрошенных в алфавитном порядке ученых выбрал Дину Мироновну за легкое доверие и посоветовал связаться с кем-нибудь из специалистов по истории науки.

Оторвав от дел великое множество абсолютно незнакомых людей, она получила, наконец, номер телефона Гордея Бариновича, единственного в стране знатока волнующего ее предмета. Готовая завлечь в свои сети исследователя средневекового чернокнижья, не подозревавшего о том, какие тучи сгущаются над его головой, Дина Мироновна терпеливо собирала агентурные данные. Вскоре ей уже было известно, что Баринович защитил кандидатскую по химии, а докторскую по философии, что он в довершение всего пишет стихи, а в позапрошлом году опубликовал потрясающе интересную книгу.

Такой человек не может не откликнуться на призыв, решила она, хотя уговорить его будет, по-видимому, непросто. Во-первых, одержим работой, во-вторых, отец троих ребятишек и домосед, в-третьих, до неприличия принципиален. Но нашлись и обнадеживающие моменты: любит покушать и по наивности откликается на самую откровенную лесть. С такими шансами можно было смело играть.

Следующей жертвой массированной обработки намечалась Наташа Гротто. Не сумев залучить ее в прошлый раз, Дина Мироновна не отчаивалась. Мудро умалчивая об истинной причине своих домогательств, продолжала с удвоенным рвением уламывать непокорную. Разве их не связывали узы пусть дальнего, но все же родства? Или не она играла с Талочкой, когда та еще пешком под стол ходила? Помнила ее папу и маму, бывала в доме Георгия Мартыновича?

Нет, шалишь, когда Дине Мироновне что-то втемнялось, то она шла до конца. Ее терпеливая, липко обволакивающая настырность действовала почти гипнотически.

Ни давно прирученная Наташа Гротто, воспринимавшая свою семиюродную тетку как неизбежное зло, ни даже Баринович, слышавший вдобавок ко всему неуживчивым грубияном, не решились на открытый бунт. Пусть не в тот четверг, как первоначально намечалось, а лишь на следующем приеме, но они были поданы к столу, вместе с заливной рыбой и жареной уткой.

В силу деликатности ситуации гости званы были с особым разбором. За овальным павловским столом, сервированным старинным фарфором и тяжелым хрусталем с неизвестными вензелями, собрались самые избранные. Каждый прибор был обозначен отпечатанной в машинке карточкой. Правое от себя место хозяйка предназначила Бариновичу, левое — как обычно, Валерочке. Наташу усадили по другую сторону — между

бодрячком-гляциологом и тоже весьма почтенным писателем-фантастом Тугановым. И тот, и другой оказались личностями весьма примечательными. Глазырев хоть и считался в своей области крупным авторитетом, но известность снижал не столько исследованиями по физике льда, сколько научно-популярными публикациями насчет электромагнитной природы биополя. Широкие массы телезрителей знали его как завязатого моржа и приверженца талой воды, будто бы предупреждающей в силу особой структуры развитие многих иммунных болезней. В Наташином кругу такие вылазки за грань узкой специализации справедливо считались дилетантскими, но факт был налицо: восьмидесятилетний старикан исправно потягивал водочку и отпускал игривые комплименты.

Что же касается фантаста, то с ним вообще все было предельно ясно. Добиться известности ему помогли исключительно инопланетяне. Стоило где-нибудь мелькнуть хотя бы тени загадки, как Туганов уже был тут как тут с готовым рассказом-гипотезой. Судя по всему, его не слишком заботило, о чем конкретно шла речь: о свершениях великих цивилизаций прошлого или последних завоеваниях научно-технической мысли. Его отмычка подходила к любым замкам. И египетские пирамиды, и полученные на ускорителях первые античастицы становились отправной точкой для фантастических спекуляций. Даже в детородных органах, гипертрофированно начертанных доисторическим художником на скалах в Сахаре, он ухитрился увидеть детали скафандра. Корзины на головах африканок, которые и по сей день предпочитают такой способ носки, он принял за гермошлемы с антеннами. О зареве в небе Петрозаводска и говорить не приходится. Писатель обрушил на голову доверчивой публики армаду космических кораблей. Приходится признавать, что многие попадались на его удочку.

Наташа невольно улыбнулась, вспомнив негодующее опровержение по сему поводу в научном журнале. В сравнении с тиражами газет, восторженно превозносивших тугановские откровения, это была капля в море. Дина Мироновна, во всяком случае, ничего подобного не читала, хотя вести о постоянно возникавших вокруг Туганова скандалах докатывались и до нее. Она даже попробовала установить истину, но успеха не имела, потерпев временное поражение в попытке зазвать заклятого недруга и оппонента Туганова. По мысли Дины Мироновны, столкновение двух знаменитых писателей могло прославить ее салон. Ведь что там ни говори, а самую стойкую память оставляют о себе все-таки склоки.

Ужин на первых порах протекал довольно скучно. Баринович, о котором каждому было что-то напетано, определенно не торопился явить себя во всем интеллектуальном блеске. Зато много и жадно ел, усердно запивая вином, белым и красным, без разбора. Ни на писателя, ни на философа он никак не походил. Наташа сперва было приняла его за борца или штангиста. Низко посаженная голова, сидит, набычившись, и стрижка короткая, и манеры опять же...

Не спешили развязать языки и остальные гости, ожидавшие, очевидно, сигнала. Так, перебрываясь незначительными замечаниями по большей части гастрономического характера. Глазырев, например, похвалил сациви, подложив Наташе побольше орехового соуса с зернышками граната, а фантаст обнаружил недюжинную эрудицию по части солки грибов. Пожилая дама в лиловом, отделанном кружевами платье, о которой было известно, что она экстрасенс, задумчиво ковыряла вилкой. Бородач-художник, работающий под Лактионова, не обращая внимания на соседей, напористо ухаживал за хорошенькой кассиршей из гастронома «Диета», и это ей определенно нравилось. Загадочно улыбаясь, Люси, как все ее называли, не забывала налегать на острые закуски и украдкой поглядывала на скачущего додекафониста в смокинге. Модный композитор, чья космически бесстрастная музыка холодно изливалась квантованными импульсами из скрытых динамиков, вообще не раскрыл рта, отрешенно катая хлебные шарики. Что-то определенно разладилось в механизме застолья. Общая беседа никак не завязывалась. Даже баболок Валерочка ограничился лишь одним плоским, не к месту пересказанным анекдотом и примолк, нервно вздрагивая, когда Дина Мироновна неожиданно кидалась в кухню, откуда долетало благоухание шипящего жира.

Окончательно успокоившись насчет протекающего в духовке процесса и возвратившись к столу, хозяйка наконец оценила создавшуюся ситуацию. Самое время было выправлять положение. Приступать впрямую, однако, не годилось из-за риска задеть племянницу, которую и без того еле удалось вытащить. Требовалось во что бы то ни

стало встряхнуть Бариновича, который — и это начинало серьезно тревожить — чем больше пил, тем глубже замыкался.

— Ваша книжка про это... средневековье для меня целый мир! — Дина Мироновна томило воздела очи, искусно передвинув бутылку композитору, потягивавшему исключительно боржомом. — Это вообще моя настольная книга. Вы действительно так любите алхимию?

— Обожаю, — промычал Баринович, не переставая жевать. — Где вам удалось раздобыть каперсы? Сто лет их не видел.

— А вот и удалось! — Дина Мироновна кокетливо засмеялась. — Ну, так расскажите же нам, расскажите... — Она капризно выпятила полные губы, украдкой сдувая прилепившуюся к вишне-вому бархату крошку. — Мы умираем от любопытства.

— Рассказите! — решительно тряхнув сапфировыми сережками, поддержала хозяйку косметичка Альбина, о которой было известно, что она состоит в тесных отношениях с самим Протасовым, всемогущим директором близлежащего гастронома.

— Право не знаю. — Баринович покончил с куском осетрины и с некоторым сожалением покосился на остатки желе. — Вас интересует какой-то определенный вопрос?

— Некоторые аспекты действительно приобретают известную значимость, — невнятно промямлил Глазырев, — в определенном ракурсе.

— Это в каком же? — сыто прищурясь, спросил Баринович, не испытывая особого пиетета к чужим рангам и титулам.

— В медицинском хотя бы, — уточнил Глазырев, садясь на своего коня, чем немало порадовал хозяйку. — Мы переживаем период вновь пробудившегося интереса к воззрениям древних на первопричину недугов. Я давно говорю, что не болезни надо лечить, а человека. Организм мудр. Нужно лишь помочь ему мобилизовать на борьбу весь комплекс защитных средств.

— Верно сказано! — бранчливо встрял писатель, которому изрядно поднадоели подобные разглагольствования. — Я про другое хочу спросить. — Он тяжело и настороженно глянул на Бариновича из-под насупленных бровей. — Вы знакомы с «Утром магов» Повеля и Бержье?.. Вашей книги я, простите, не читал.

— Знаком. — Баринович кивнул, сию же минуту на вилку ускользавшую маслину.

— И ваше отношение? Меня интересует раздел, где говорится о ядерном катализаторе?

— Чувствую. — Баринович устало поморщился.

— Это почему же, позвольте спросить? — негодующе взвизгнул Туганов. — Ведь Бержье описывает то, что случилось с ним лично! Не с чьих-то там слов! Нет-нет, давайте разберемся!

— Чего уж тут разбираться, если заведомое вранье? — Баринович тоже повысил голос. — Философского камня не было, нет и быть не может, а ядерный катализатор, тайной которого якобы владели в средние века, нонсенс.

— Но вы ведь признались, что обожаете? — стремясь внести разрядку, Дина Мироновна игриво погрозила мизинчиком.

— Так смотря в каком смысле. Во-первых, это мой хлеб, а во-вторых, интереснейшее поле для исследования. Почти нетронутое притом. И именно по той простой причине, что мне выпало счастье его обрабатывать, я особенно болезненно воспринимаю измышления шарлатанов, вроде Бержье. Наука раз и навсегда отодвинула алхимию в область теней. И нечего воскрешать то, что заведомо мертво. — Баринович сердито засопел и решительно придвинул к себе остатки салата.

— Не спешите отрицать, не спешите, — с улыбкой тайной осведомленности предостерег Валерочка. — Кибернетику с генетикой тоже отрицали, а чем это кончилось?

— Вот именно! — Туганов значительно прокашлялся в кулак. — Послушать иных узких специалистов, так ничего замечательного в мире не было и нет — никаких тайн, никаких загадок. Они вечно готовы пресечь стремление человека к звездам, на корню раздавить самую способность мечтать.

— Мечтать о чем? О том, что заведомо невозможно? Но это пустые бредни, а выдавать желаемое за действительное — обман, — невозмутимо отпаривал Баринович.

— Я с вами полностью солидарна, — поддержала Наташа, раздражаясь уже самой близостью клокотавшего гневом вздорного старикашки. — Люди настолько заморочены всяческими спекуляциями, что не отличают уже, где правда, где ложь. Все принимается на веру: маленькие зеленые человечки, гуманоиды всякие, которых выдают то за пришельцев, то за снежного человека, экстрасенсы...

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК (1880—1921)

По счастливому, а не подстроенному совпадению публикация стихотворений А. Блока в «Огоньке» припала на юбилейный пушкинский номер, и в этом есть волшебство случайности, ибо Блок, крупнейший лирик XX века, был, пожалуй, наиболее мощным эхом пушкинского голоса. Всего бы журнала не хватило, чтобы напечатать его шедевры — и лирические, и эпические.

Поэзия Блока вместила символистский образ Прекрасной Дамы и душераздирающую реальность страдальческого лика России. Россия, в сущности, и была его тайной «Прекрасной дамой», черты которой он находил и в женщине, раздавленной колесами, и в острой тоске мимолетного взгляда из-под крестьянского платка.

Блок был певцом распада и в то же время его беспощадным обвинителем.

Но свою беспощадность к эпохе он начинал прежде всего с самого себя.

Революцию Блок воспринял как неотвратимое историческое возмездие. Это отразилось в его знаменитой поэме «Двенадцать», которая была самой стихией революционной улицы, выплеснувшейся на страницы.

По свидетельству современников, артисты из красных агитбригад вместо строки «Вперед — Иисус Христос» иногда читали «Вперед идет матрос». Наиболее контрреволюционно настроенные литераторы демонстративно не подавали Блоку руки за его призыв слушать музыку революции.

Блок был первым председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел
и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость
будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч
был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам,—
плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912.

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

5 февраля 1914.

ПОЭТЫ

За городом вырос
пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый
встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный
вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день
посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе
клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом,
запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым
цветком,

Над маленькой тучкой
жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных
бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик
слепой!

По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

Ты будешь доволен собой
и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором,
как пес,
Пусть жизнь меня в землю
втоптала,—
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908.

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы,
брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами
блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой
небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой
нежною...
Скользнул — и поезд в даль
умчал.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце
вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910.

З. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль
весь?

От дней войны, от дней
свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных
когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным
ложем

Взвывается с криком воронье,—
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914.

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс,
глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля (29 января) 1921.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

НОВОЕ ИМЯ

В нашем журнале — новое имя. Это тем более приятно, если учесть, что творчество известного фотожурналиста Павла Кривцова уже давнонискало широкий интерес. Начиная с Кривцова в белгородской молодежной газете, затем долго и успешно выступал на страницах «Советской России», стал лауреатом многих всесоюзных и международных фотоконкурсов. И вот теперь — «Огонек». В одном из ближайших номеров мы публикуем отчет Павла Кривцова о его первой командировке в качестве специального фотокорреспондента нашего журнала.

ВАМ ОТВЕТИТ ВАЛЕНТИН ДИКУЛЬ

В октябре прошлого года на страницах нашего журнала появился очерк «Феномен Дикюля» («Огонек» № 41, 86 г.). Публикуя его, мы, признаться, даже не предполагали, что называется, произвести сенсацию: силовой жонглер Валентин Иванович Дикюль хорошо известен в стране, о нем много говорили, спорили. И тем не менее вот уже больше четырех месяцев прошло, а поток читательских откликов на статью не иссякает.

Письма разные. Одни — и таких большинство — пропитаны человеческой болью. Их авторы — инвалиды, родственники и друзья тех, кого постигло горе неподвижности. И о чем бы ни шла речь в письме, просьба всегда одна, даже не просьба — крик: «Помогите! Вы последняя надежда». Кто-то просит прислать адрес Валентина Ивановича, иные — переслать ему свои послания. Люди требуют: «Это нужно срочно! Сейчас». Люди надеются, ждут.

Другая часть писем — справедливые претензии в адрес Министерства здравоохранения СССР, суть которых в следующем: методу В. И. Дикюля нужно дать широкую огласку, его системе реабилитации «спинальных» больных должна быть оказана государственная поддержка. Что ж, с такой постановкой вопроса редакция полностью согласна.

Как вы, наверное, помните, в очерке «Феномен Дикюля» было рассказано о том, что у Валентина Ивановича в его работе имеется ряд затруднений: отсутствие секретаря, проблемы в размножении реабилитационных программ. Буквально на следующий день после появления журнала в киосках «Союзпечати» в редакцию посыпались телефонные звонки, затем пошли письма. Жители Москвы, Каунаса, Мурманска, Казани и многих других городов предлагали Валентину Ивановичу Дикюлю свои услуги по ведению секретарской работы, снятию копий с чертежей и размножению текстов реабилитационных программ.

А сейчас о главном. К сожалению, мы не смогли ознакомить Дикюля со всей этой многочисленной почтой: Валентин Иванович отбыл в длительные зарубежные гастроли. Как нам сообщили в Союзгосцирке, он должен вернуться в феврале — марте нынешнего года. Теперь мы хотим по возвращении Валентина Ивановича пригласить его в редакцию и попросить ответить на многочисленные вопросы наших читателей.

КАК ЖИВУТ БИЧИ?

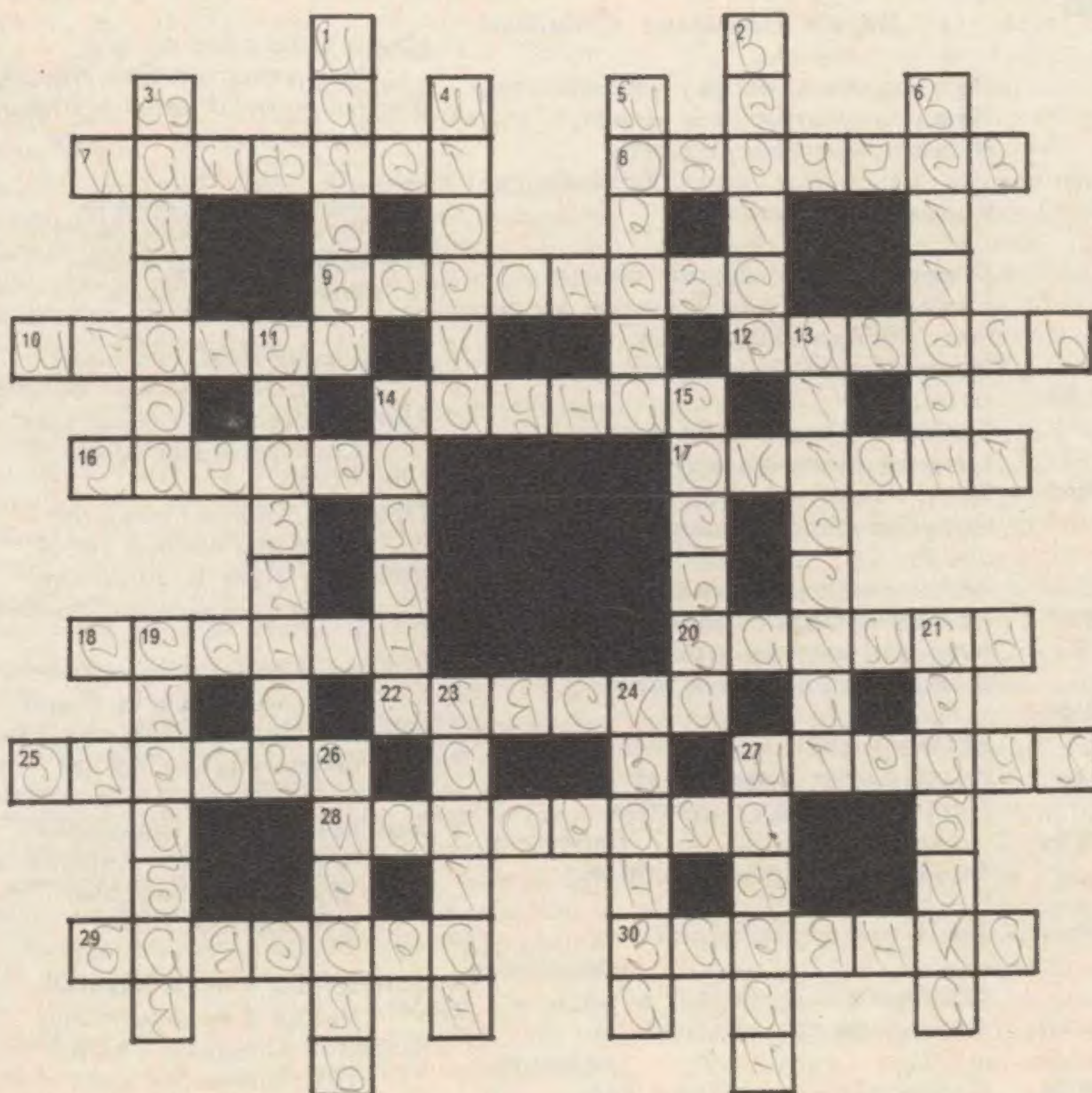
Год назад Алансей Лебедев запер свой паспорт и все остальные документы, надел старую куртку и сел в первый попавшийся поезд. С этого момента он перешел на положение деклассированного элемента — бича, бродяги, шаромыги, ханыги... Как их еще там называют? Подробности — в социальном очерке «Придонный слой».

НА ПОРОГЕ

«Стоя на обочине и неведь почему крепко прижимая к себе саквояж (в эту пору глушь и вор не заберется), он подождал, пока машина развернулась и уехала обратно, в направлении города, и, глядя на задние огни, подумал вдруг, что теперь его не спасет ни человек, ни бог, ни самый что ни на есть чудодейственный талисман, привали их ему не один, а тысячу один, и ничего уже не будет, кроме этой влажной и липкой ночной прохлады, ничего...»

Рассказ известного азербайджанского прозаика Юсифа Самедоглу «На пороге» — в ближайшем номере журнала.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Публицистическое сатирическое произведение. 8. Советский геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Итальянский живописец периода Возрождения. 10. Спортивный снаряд в тяжелой атлетике. 12. Французский композитор. 14. Город в Литве. 16. Северная водоплавающая птица. 17. Созвездие, в котором находится южный полюс мира. 18. Известный советский поэт. 20. Бумага для черчения и рисования. 22. Полуостров на северо-западе Северной Америки. 25. Первая в России женщина-офицер. 27. Народный артист СССР, создавший образ В. И. Ленина в кинофильмах. 28. Картина с объемным первым планом. 29. Оперетта И. Кальмана. 30. Лесная певчая птица.

По вертикали: 1. Рассказ М. Горького. 2. Опера Ж. Массне. 3. Прогрессивный немецкий писатель. 4. Деталь затвора фотографического объектива. 5. Обломки горных пород, отложения ледникового периода. 6. Озеро на юге Швеции. 11. Композитор, дирижер, народный артист республики. 13. Документ об окончании среднего учебного заведения. 14. Ягодный кустарник. 15. Река на Северном Урале и в Западной Сибири. 19. Порт в Индонезии на острове Ява. 21. Горный массив на Кавказе. 23. Химический элемент, металл. 24. Река в Анголе. 26. Месяц календарного года. 27. Сорт яблок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 7. Педиатр. 8. Донской. 10. Батов. 11. Анион. 12. Альтруизм. 15. Ипомея. 16. Капица. 17. Горихвостка. 20. Зубило. 23. Усмань. 25. Романенко. 26. Дрена. 27. Дирак. 28. Отрезок. 29. Гогланд.

По вертикали: 1. Шестопер. 2. Вигвам. 3. Статья. 4. Гонщик. 5. Эстамп. 6. Козинцев. 9. Черноиваненко. 13. Лепорелло. 14. Завитинск. 18. «Студенты». 19. Лондрина. 21. Ирасек. 22. Омолой. 23. Унисон. 24. Модуль.

«...ДО БАШЕН ГИБРАЛТАРА»

РЕПОРТАЖ
ИЗ ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Юрий ОСИПОВ,
фото Сергея ПЕТРУХИНА

Ш есть разномастных голов в наушниках склонились над вращающимися бабинами лингафонного кабинета. Вновь и вновь между прозрачными перегородками звучат с различными акцентами и интонационными ударениями волшебные пушкинские строфы: «У лукоморья дуб зеленый...», «Пора, мой друг, пора!..».

Фонетика, отработка произношения. Но и постижение сокровенного смысла великого языка, приобщение к его духу. Они начинаются и заканчиваются Пушкиным, чье вечно живое слово сопровождает здесь долгие месяцы занятий тысячи зарубежных студентов и аспирантов. По праву носит этот уникальный учебный, научно-исследовательский и методический центр, находящийся в Москве, имя Пушкина.

Русский язык — как иностранный. Непривычно для нашего уха. Однако, поверьте, дело это очень серьезное, важное. От правильной его постановки в немалой степени зависит восприятие нас, советских людей, Советской страны в мире.

Беру в руки красочный футлярный набор «местного производства»: компактные книжки, обязательная пластинка, раскладные таблицы. Рядом — комплекты журнала «Русский язык за рубежом» с юбилейными «пушкинскими» обложками.

Пушкин — символ института, — говорит директор ИРЯ, академик Академии педагогических наук СССР В. Г. Костомаров, учебник которого известен нам еще со школьной скамьи, — и мы стремимся сделать имя величайшего русского поэта символом единения студентов, аспирантов, стажеров. Первая беседа с ними — о Пушкине. А задача — чтобы, уезжая домой, они знали наизусть и понимали пушкинские стихи, могли прочесть и довести их красоту своим соотечественникам. А если они постигнут Пушкина, то, значит, сроднятся и с языком его страны.

Виталий Георгиевич снимает с книжных полок китайские, французские, бразильские издания по русскому языку. И в каждом присутствует Пушкин.

Жизнь института — это повседневное и необычное: вузовские занятия и Пушкинский урок, зачеты у доски и на концертной сцене...

— Буддийский монах из Шри-Ланки П. Ратанасара, бывший старостой шри-ланкийской группы студентов, обучающихся в Москве, — продолжает директор, — посвятил Пушкину стихотворный цикл, перевел на родной язык его лирические шедевры. Да и не он один...

В Пушкинской комнате института, где на стенах висят репродукции картин, портреты поэта, факсимиле его рукописей, рисунков, иллюстрации к его произведениям (своеобразная экспозиция эта — подарок Государственного музея А. С. Пушкина), центральное место занимает большой, поистине удивительный портрет Александра Сергеевича. Он выполнен из листьев вьетнамских и русских деревьев преподавателем русского языка из СРВ и слушателем института Дао Вин. Тут же можно увидеть и другие оригинальные студенческие работы, посвященные Пушкину: вышивки, эскизы декораций к спектаклям пушкинских вечеров и конкурсов, и, конечно, книги, книги все пополняющейся Пушкинианы — на русском и многих иностранных языках.

Мне рассказали, что пушкинские уроки студенты обычно называют поэтическими. Этот эпитет возник, наверное, не только потому, что основное содержание таких уроков — изучение поэзии Пушкина, но и оттого, что сама обстановка Пушкинской ком-

наты рождает действительно поэтическую атмосферу. Отсюда группы отправляются на урок-концерт и театрализованный урок (в актовый зал), на урок-экскурсию. Сюда, в Пушкинскую комнату ИРЯ, непременно приходят участники международных олимпиад школьников по русскому языку, раз в три года проводящихся в Москве Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Победители награждаются памятной Пушкинской медалью.

Надо сказать, что право на поездку в СССР завоевывают школьники, успешно выступившие в национальных олимпиадах по русскому языку. Число их участников год от года все расширяется. «Русский язык привлекает нас своей красотой и выразительностью, он ключ к современной научной, политической и художественной литературе. На нем писали Пушкин, Толстой, Достоевский». Подобные ответы я слышал от юных русистов из Канады и Японии.

Такого же мнения о роли русского языка студенты и стажеры института, с которыми мне довелось побеседовать в Пушкинской комнате.

Ван Синь (Китай):

— Я окончила аспирантуру в Шанхайском университете на факультете русского языка по специальности лексикология. Сейчас на стажировке в

ИРЯ. Работаю в научном отделе института, езжу в Библиотеку имени Ленина, слушаю лекции по собственному выбору. В Китае не только те, кто изучает русский язык, знают и любят произведения Пушкина. А для меня это имя стало родным еще с детства.

Аньес Каппадин (Франция):

— Я из Парижа. Русский начала учить в школе, выбрав его вторым иностранным языком. Затем решила, что он будет моей основной специальностью. Сейчас учусь на четвертом курсе колледжа, изучаю современную советскую драматургию. Но только живя в Москве, я начала по-настоящему понимать русскую советскую литературу, и в первую очередь Пушкина. Мне он особенно близок каким-то чисто французским юмором, экспрессией, силой чувств и блестящим мыслями.

Хорхе Луис Орамас (Куба):

— С самого начала моих занятий русским языком Пушкин мне помогал необычайно. Первую свою самостоятельную работу я посвятил «Евгению Онегину». А еще в институте в Гаване мы часто устраивали пушкинские дни, вечера, организовали даже маленький пушкинский театр. Кубинцам вообще по сердцу романтическая, свободлюбивая поэзия Пушкина.

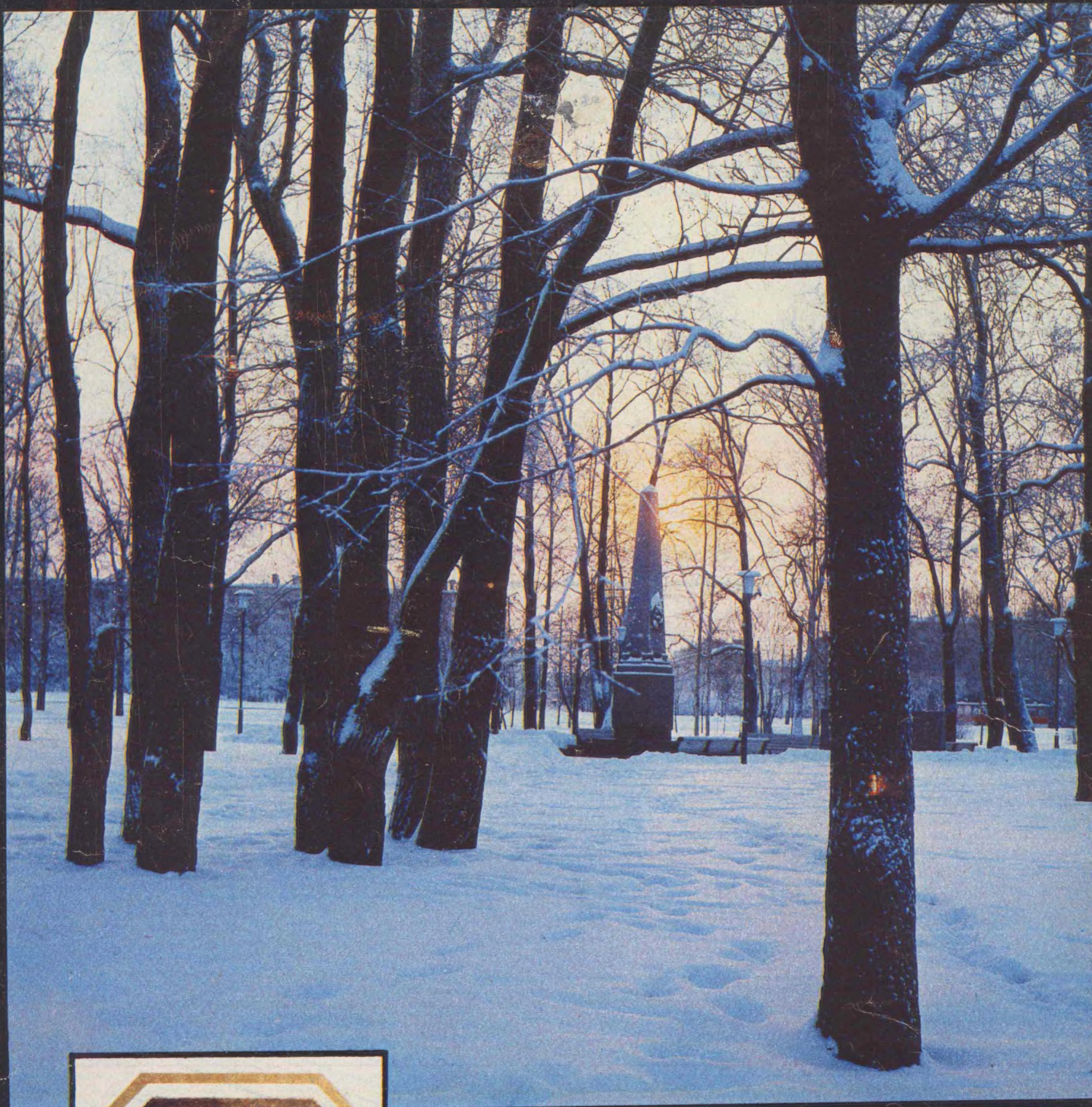
Винай Тотовар (Индия):

— За что я люблю Пушкина? Он прекрасен и прост, хотя, к сожалению, трудно поддается переводу. Я тоже пробовал переводить пушкинские стихи... Проучившись в двух громадных столицах — Дели и Москве, — я, как мне кажется, все равно остался человеком из деревни. И Пушкин, столь проникновенно и сочувственно писавший о простых людях, дорог моему сердцу.

...Настойчивая трель звонка смела из-за столиков студенческого кафе компанию первокурсников. В длинном институтском коридоре захлопали двери аудиторий... В другом крыле в этот час профессора и аспиранты, приглашенные ученые собирались на открытие юбилейных Пушкинских чтений (они проходят в институте ежегодно)... Русобородый «викинг» в живописном сдвиганном наряде Земфиры на репетицию предстоящего спектакля...

Уже поодаль от внушительных корпусов гостиницы-общежития на московской улице Волгина мне повстречался рослый курчавый негр в завязанной под подбородком ушанке, вероятно, впервые в жизни пробовавший лыжню. Получалось у него неплохо, вот только палки все время лезли в крепления. Остановившись передохнуть и растирая варежкой заметно побелевший нос, он сверкнул ослепительными зубами и слегка нараспев, но почти без акцента произнес:

— Мороз и солнце; день чудесный!..

Здесь 27 января (ст. стиля) 1837 года проходила дуэль Пушкина с Дантесом. Место поединка было найдено на Черной речке вблизи Комендантской дачи. Площадку окружал густой кустарник, скрывавший от извозчиков, оставленных на дороге, то, что происходило.

«Ужас сопровождал их бой, — писал А. П. Языков А. А. Катенину. — Они дрались, и дрались насмерть. Для них уже не было примирения, и ясно видно было, что для Пушкина была нужна жертва или погибнуть самому».

Ныне памятный обелиск отмечает место, где был смертельно ранен А. С. Пушкин.

А. С. Пушкин. Миниатюра В. Тропинина (!) из медальона, принадлежавшего Н. Н. Пушкиной.

Собрание С. М. Лифаря.

ISSN 0131—0097
Цена, номер 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК